ASOCIAȚIA MOLDOVENEASCĂ DE ŞTIINȚĂ POLITICĂ
UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (LII), 2011

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2011

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică).
nr.1 (LII), 2011. - Chişinău, AMSP, 2011. – 199 p.

Ideile şi opiniile expuse în materialele prezentate aparțin autorilor
şi nu reflectă neapărat punctul de vedere al colegiului de redacție

Articolele apar în redacția autorilor, sunt recenzate

versiunea electronică:
http://www.usm.md/?mode=437

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
ISTORIA, TEORIA SI METODOLOGIA STIINTEI

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС КОНЦЕПТА «КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Борис АКСЮМОВ
Россия, Ставрополь, Ставропольский государственный университет, кафедра социальной философии и этнологии
доктор философских наук, доцент

The idea of "conflict of civilizations" is conceptualized in the paper. It is demonstrated that S.Huntington's theory of "clash of civilizations" adequately explained the specifics of the post Cold War world. "Clash of civilizations" which was used by S.Huntington to characterize relationships between civilizations in the contemporary world had initially antagonistic significance. In Russian and in English languages, as well as in correspondent mentalities it is typical to understand "clash" in sense of struggle, confrontation, antagonism. The situation is perceived as a catastrophe of global proportions. For this reason, the phrase "clash of civilizations" is not so successful, as well as "struggle of civilizations" and "war of civilizations". The most preferred is the concept of "conflict of civilizations". Verbalizing the global social and cultural contradictions of the modern world as "conflict of civilizations" is not burdened with distinct pessimistic and catastrophic connotations; it only captures a certain state of inter-civilizational relations prevailing at the moment, or in the future.

The semantics, prevalent in the term "conflict", are far from the negative connotations that are found in the concept of "clash". Compared with other paradigmatic concepts, treating global contradictions of the modern world, it is "conflict of civilizations" that has the greatest regulating capacities and, therefore, this concept is the most adequate answer to the needs of the international community in designing interactive forms of dialog.

Наличие глобальных противоречий и потенциальных глобальных конфликтов фиксировалось во многих учениях нового и новейшего времени, например, в марксизме, в основе которого лежит учение о глобальности классового конфликта, в геополитике, у истоков которой находится идея всемирной борьбы цивилизаций суши и моря. На современном этапе научного дискурса важно не просто определить, имеются ли противостояния глобального масштаба (хотя и это является весьма значимой процедурой), а идентифицировать их характер, и, тем самым, операционализировать во-

шедшее в широкое употребление в различных видах дискурса (философский, научный, политический) понятие «конфликт цивилизаций».

Особенно важным и необходимым на современном этапе развития социогуманитарного знания представляется анализ проблемы конфликта цивилизаций на уровне философской абстракции. Как справедливо отмечает К.Делокаров, «принципиальная методологическая значимость поворота теоретической мысли состоит в том, что происходящие в условиях нынешней глобализации радикальные трансформации о человеке, обществе, нации, государстве, прогрессе и т.д. носят столь фундаментальный характер, что они заставляют обратиться к истокам этих понятий, делая тем самым востребованным предельно метафизический уровень анализа происходящих событий» [8, 5]. По мнению А.Богатурова, «к философскому анализу мировой политики побуждает тенденция к избыточному применению в ней силы. Ученый «классической» международно-политический школы пояснит причины и некоторые следствия происходящего. Но назрела необходимость идти дальше банальных или остроумных комментариев о силовом превосходстве, однополярном мире, гегемонии и «демократическом империализме». Без глубокого философского анализа реальности объемное, полноценное понимание современной международной ситуации невозможно» [5, 56]. Как отмечает Э.Баталов, «потребность в информации, которая может быть получена в результате философского исследования международных отношений, в последние годы становится все более очевидной… И вызвана она прежде всего необходимостью осмысления и переосмысления происходящих в мире фундаментальных изменений и нахождения новых ответов на вопросы, которые еще каких-нибудь десять или пятнадцать лет назад казались решенными» [2, 7].

Известно, что термин «конфликт цивилизаций» не является единственным для обозначения той ситуации, которая сформировалась сегодня в мире и тех тенденций, которые устремлены в перспективу по крайней мере первой половины XXI века. В оригинальной версии Б.Льюиса - С.Хантингтона используется английское слово «clash», переводимое на русский язык как «столкновение». Кроме того, на страницах научной, околонаучной и профанной литературы часто можно встретить такие клише, как «война цивилизаций» [1, 139], «борьба цивилизаций», «конкуренция цивилизаций» и т.д.

На первый взгляд может сложиться ощущение того, что речь идет не более чем о пресловутом «споре о словах», о желании некоторых авторов, рефлектирующих данную проблему, привнести в ее изучение свой вклад хотя бы на уровне конструирования разного рода неологизмов. Однако при более внимательном анализе становится очевидным, что выбор термина в данном случае – процедура крайне важная и ответственная, от кото-

рой во многом зависит априорное понимание и последующее осмысление не просто абстрактного понятия, а реальных процессов, происходящих в действительном мире. Проблематика «конфликта цивилизаций» настолько сопряжена с этой самой действительностью, настолько воздействует на интерпретацию происходящих событий, что не было бы преувеличением сказать о том, что теория в данном случае в максимально возможной степени коррелирует с практикой и, более того, в определенном смысле конструирует саму эту практику.

Именно этим обстоятельством можно объяснить тот грандиозный резонанс, который в свое время произвела небольшая по объему, но исключительно содержательная, можно даже сказать программная статья С.Хантингтона в журнале «Foreign Affairs», за все время существования которого никакая другая публикация не пользовалась даже приблизительно столь большой популярностью и востребованностью. «По словам редакторов Foreign Affairs, эта статья за три года вызвала больший резонанс, чем любая другая, напечатанная ими с 1940-х годов» [20, 7], – свидетельствует об этом сам американский исследователь. От того, каким образом будет пониматься концепт «конфликт цивилизаций», какие конкретно использоваться термины и понятия, во многом зависит будущее мировой цивилизации. При этом мы, разумеется, исходим из представления о том, что теоретическая рефлексия событий являет собой нечто большее, нежели простое отражение происходящих в мире процессов и, следовательно, имеет не только и даже не столько гносеологическое, но и существенное онтологическое значение. Только при таком понимании философской рефлексии эта последняя становится важным инструментом, влияющим на глобальное мировое развитие. Концепции «конфликта цивилизаций» это обстоятельство касается тем в большей степени, что данная концепция, подобно фундаментальным историософским теориям, притязает на тотальное объяснение современного мирового развития.

Термин «столкновение цивилизаций» имеет априорно антагонистическое значение. Следует отметить, что для русского, впрочем, как и для английского языков и соответствующих им ментальностей весьма характерно восприятие слова «столкновение» в смысле борьбы, конфликта, противоборства, антагонизма. Именно поэтому, даже не ознакомившись предварительно с книгой С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций», многие полагают, что речь в ней идет ни о чем ином, как о межцивилизационных войнах или борьбе. Никаких ассоциативных рядов с понятиями «диалог», «содружество», «сотрудничество» и т.д. при этом не возникает. В результате происходит отчасти сознательный, а отчасти бессознательный, на уровне архетипического восприятия определенных терминов, настрой не только на понимание данного текста, но, что самое главное, на осмысле-

ние современной реальности, которая в результате этих самих по себе феноменологических процедур начинает представляться в качестве катастрофы глобального масштаба. Именно по этой причине мы считаем достаточно опасным использование термина «столкновение цивилизаций», как преимущественно негативного, затрудняющего, а в каких-то вариантах вообще исключающего возможности для достижения межцивилизационного диалога как с точки зрения парадигмальной, отражающей научное и обыденное восприятие современной действительности, так и с точки зрения налаживания реального диалога в объективно существующем историческом мире.

По этим же соображениям неприемлемыми нам представляются понятия «борьба цивилизаций» и тем более «война цивилизаций», первое из которых вызывает ассоциации с социал-дарвинизмом, а второе утверждает как о факте о том, что еще вовсе не является фактом – конфликт цивилизаций совсем не обязательно должен закончиться войной цивилизаций. Собственно, оба эти понятия настолько самоочевидны, что никакой дополнительный их анализ в данном случае не требуется. Мы исходим из необходимости для выживания человечества, для мирного сосуществования различных цивилизаций и культур актуализации диалоговых форм глобального взаимодействия – соответственно, категориальный выбор, осуществляемый нами, должен быть перспективным именно в этом отношении прежде всего. С другой стороны, никто не вправе игнорировать те действительные проблемы, существующие сегодня во взаимоотношениях между цивилизациями и культурами, – соответственно, подобный выбор делать необходимо, и мы тем быстрее и эффективнее сможем наладить межцивилизационный диалог, если изучим и поймем все те препятствия и затруднения, которые лежат сегодня на нашем к нему пути. В этой связи наиболее предпочтительным нам представляется использование понятия «конфликт цивилизаций» – оно в гораздо большей степени коррелирует с понятием «диалог цивилизаций», кроме того, используя данное понятие, мы показываем, что не питаем никаких иллюзий относительно происходящих в современном мире глобальных процессов.

При исследовании семантической сущности концепта «конфликт цивилизаций» целесообразно, на наш взгляд, разделить анализ на две части в соответствии с количеством слов в данном понятии, а затем синтезировать результаты проведенного анализа и дополнить его рядом новых соображений. Так, что касается понятия «конфликт», то, как отмечает В.Панова, «в исследованиях ученых-международников нет единого мнения относительно определения понятия «конфликт» [14, 53]. Многообразие трактовок определяется неоднозначным пониманием природы этого явления. Так, например, известный американский ученый А.Рапопорт полагает, что «созда-

ние общей теории конфликта маловероятно, если вообще возможно, ибо само понятие «конфликт» отражает существование значительно отличающихся явлений, к тому же подчиняющихся совершенно разным принципам» [15, 70]. Как в западной, так и в российской конфликтологии «имеются различные точки зрения относительно трактовки этого термина. Так, весьма распространена максимально расширительная интерпретация, в соответствии с которой любые столкновения интересов, несогласие или спор в обществе трактуются как разновидности конфликта» [23, 49].

При всем разнообразии точек зрения по поводу понятия «конфликт» превалирующими в семантике данного понятия являются конструктивные элементы, далекие от тех негативных и даже порою нигилистических моментов, которые сами собой обнаруживаются в понятии «столкновение». Главным предназначением конфликта является разрешение назревших противоречий, преодоление взаимного непонимания и отчуждения, конечное телеологическое суммирование по результатам «отрицания отрицания». Конфликт, будучи перманентной формой социального существования человечества, есть одно из главнейших условий его развития. Не имея конечного разрешения в качестве такой универсальной формы исторического бытия, конфликт тем не менее в частных своих проявлениях, как правило, имеет позитивное разрешение и означает конструктивное урегулирование взаимоотношений в той сфере социальной реальности, где он выступал в качестве своего рода очистительной силы, безошибочно диагностируя наиболее болезненные точки и предлагая эффективные средства для их исцеления. Состояние конфликта – это нормальное состояние, предполагающее наличие средств, при помощи которых можно решить практически любую проблему.

Экстраполируя сказанное отдельно о конфликте на проблему «конфликта цивилизаций», можно сделать вывод о том, что постановка глобальной проблемы современного мира именно как проблемы «*конфликта* цивилизаций» не несет на себе ярко выраженных пессимистических и тем более катастрофических коннотаций, но лишь фиксирует определенное состояние межцивилизационных взаимоотношений, сложившихся на данный момент или могущих сложиться в будущем. Было бы неправильно, разумеется, трактовать конфликт вообще и конфликт цивилизаций в частности как сугубо положительные явления, однако, по сравнению с другими парадигмальными концептами, трактующими глобальные противоречия современного мира, именно «конфликт цивилизаций» обладает, на наш взгляд, наибольшими «разрешительными» возможностями и, следовательно, в наибольшей степени отвечает потребностям мирового сообщества в конструировании диалоговых форм взаимодействия.

Что касается понятия «цивилизация», то оно используется в данном дискурсе не столько в силу своей абсолютной адекватности, сколько как бы по инерции, символизируя если не смысловую, то, по крайней мере, терминологическую связь с традициями науки и философии. Как справедливо отмечает А.Неклесса, «в ведущейся сейчас полемике о «столкновении» и «диалоге» цивилизаций сам термин «цивилизация»… активно используется во многом из-за дефицита категорий для описания текущего состояния мира, из-за необходимости как-то определить рамки новой социальной и политической организованности… На планете возникает форма политической организации, для обозначения которой пока нет адекватных терминов, слов» [13, 52]. Ту же мысль проводит А.Чумаков, по мнению которого, «чтобы разобраться в… новой реальности, нужен иной понятийный аппарат. Тот набор категорий, который используется сейчас, плохо подходит для адекватного описания глобального мира» [21, 37].

Действительно, разворачивающийся на наших глазах конфликт настолько многогранен, затрагивает столь многие сферы жизнедеятельности, проистекает из такой глубокой исторической перспективы, что здесь требуется понятие, которое, будучи максимально широким по своей сути, в то же время выражало бы определенную специфическую социокультурную сущность. Единственным понятием, которое хотя бы отчасти удовлетворяло данному требованию, и является «цивилизация». Практически каждый исследователь считает своим долгом дать собственное определение данного понятия, справедливо полагая, что нечеткое, не оговоренное заранее использование столь широкой и многозначной категории может привести к путанице, дать возможность неправильной трактовки авторской мысли. С одной стороны, подобное положение вещей позволяет более глубоко и адекватно постичь концептуальные построения того или иного исследователя, однако с другой стороны, это приводит к еще большей деморфологизации понятия, делает его все более субъективным, зависящим от теоретических пристрастий различных мыслителей. Субстанциальный смысловой каркас понятия размывается, делается все более аморфным и неуловимым.

Традиционно «цивилизация» понимается в следующих основных смыслах:

- как синоним культуры;
- как третья ступень общественного развития, следующая за дикостью и варварством (Л.Морган и Ф.Энгельс) [25];
- как локальное социально-культурное образование, имеющее циклический характер развития (Н.Данилевский, А.Тойнби и др.) [7, 19];
- как ступень регрессивного развития культуры, фаза ее деградации (О.Шпенглер, Н.Бердяев) [24, 3];

Этот ряд легко можно расширить и конкретизировать. В рамках различных научных школ, концепций и дисциплинарных традиций цивилизация предстает перед нами то в качестве глобальной системы планетарного масштаба, история которой исчисляется миллионами лет [17, 20], то глобальной системой, но возникшей сравнительно недавно на базе европейской цивилизации [17, 17], то совокупностью локальных социокультурных феноменов, ограниченных в пространстве и времени [17, 13]. Согласно синергетическому подходу, цивилизация в общеэволюционном значении этого слова определяется «как устойчиво неравновесная система особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних (с природной средой) и внутренних отношений; вся же совокупность опосредующих механизмов – материальные орудия и прочие продукты, языки, мифология, мораль и т.д. – обозначается термином "культура"» [12, 42].

Для полноты картины (хотя мы понимаем, что она никогда не будет полной, сколько бы определений ни приводилось) приведем несколько, так сказать, «авторских» определений. Для А.Тойнби характерно понимание цивилизации как «динамического процесса, движения или порыва – стремления создать нечто сверхчеловеческое из обычной человеческой породы» [19, 289]. По мнению Л.Февра, «цивилизация – это равнодействующая сил материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, воздействующих в данный отрезок времени в данной стране на сознание людей» [22, 282]. В.Литвиненко рассматривает цивилизацию как глобальную социотехнологическую систему, представляющую собой некий социотехнологический комплекс «устойчивых социокультурных и технико-технологических связей, взаимодействие которых определяет характер и направление развития социума в определенных пространственно-временных интервалах» [9, 142].

Нетрудно заметить, что во многих из этих подходов и определений под цивилизацией понимается такое состояние общественного развития, которое характеризуется известным набором политических, хозяйственных, социальных отношений, высоким уровнем организации во всех сферах и техническим могуществом. В данном случае не столь важно, в каком – хронологическом или территориальном – смысле берется понятие цивилизации. Главное заключается в том, что почти всегда цивилизация выступает своеобразной оболочкой, заключающей в себе конкретное содержание жизни, той формой, внутри которой осуществляется развитие социальной системы.

Сам термин «цивилизация» возник только в XVIII веке во Франции, ознаменовав собой наступление и начало господства нового взгляда на историю общества: идей исторического динамизма, всеобщего прогресса. Цивилизация стала обозначать абсолютную рациональную ценность для

всех времен и народов, тот единственный способ существования, тождественный социальной организации и ценностной структуре государств Западной Европы XVIII века, к которым с необходимостью должны присоединиться все народы и общества нашей планеты. С момента своего возникновения понятие «цивилизация» имело нормативный характер, представляло собой определенный идеал [10, 139-153].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цивилизация не может быть примитивной или слаборазвитой, существует некая планка, ниже которой она по определению опуститься не может. Термином «цивилизация» фиксируется некое итоговое состояние социальной системы, прошедшей долгий путь развития. Цивилизация – это результат прогресса, усовершенствования изначально примитивных форм социальной организации. В этом смысле остается открытым вопрос, подпадают ли в таком случае под понятие «цивилизация» многие общества афро-азиатского мира, все еще остающиеся традиционными и можно ли, следовательно, вести речь о конфликте именно цивилизаций?

Как отмечает В.Найдыш, «цивилизация – это… некий идеал, ориентир для оптимистических проектов будущего социального развития, понимания перспектив самого человека. Но цивилизация – это… еще и некоторый долг перед общечеловеческой историей. Цивилизация – это еще и некоторая миссия; носители цивилизации обязаны нести ее тем этносам, которые еще находятся на «заре истории», не перешли границы цивилизации. Так понятие и идеал цивилизации как высшей ступени развития общества на практике становится основой идеологии колониализма» [11, 9] – и столкновения цивилизаций, добавим мы.

В данном случае мы имеем перед собой достаточно типичную ситуацию, когда различные трактовки понятия «цивилизация» вызывают смысловые апории, преодолеть которые возможно только путем интерпретационных процедур с самим этим понятием. Само собой разумеется, что если понимать цивилизацию как высший этап развития человечества, то возникают существенные затруднения с выделением каких-либо других цивилизаций, кроме той самой одной-единственной, которая и достигла наивысшего уровня развития и которая, следовательно, призвана (если принимать идею мессианизма) довести до своего уровня те социально-культурные системы, которые критериально не подпадают под понятие «цивилизация». Соответственно, в данном случае терминологически и семантически некорректно будет вести речь о столкновении или конфликте между цивилизациями – тогда это будет конфликт между цивилизацией, с одной стороны, и, например, традицией, с другой (в трактовке А.Янова, ссылающегося в данном случае на Аристотеля и Гегеля, речь идет о конфликте между цивилизацией и варварством или «демократией и деспотизмом» [26, 55]; еще

один вариант – «это конфликт западной цивилизации с исламской культурой» [6, 15]).

Естественно, С.Хантингтону для того, чтобы постулировать наличие в мире столкновения именно цивилизаций, было необходимо сформулировать такое определение понятия «цивилизация», которое бы элиминировало в себе разного рода хронологические и вытекающие из них качественные диспропорции, существующие между различными социально-культурными системами. Он определяет цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. По его мнению, цивилизация – это широчайшие культурные общности, в которых язык, антропологические особенности, религия, образ жизни, социальные институты являются теми объективными моментами, которые определяют цивилизацию [20, 33-49].

Из данного определения видно, каким образом американский исследователь решил стоявшую перед ним проблему. Он ничего не говорит по поводу качественных характеристик тех факторов, которые определяют сущность той или иной культурно-цивилизационной системы. Если следовать такой установке, то даже самая примитивная социально-культурная система может с полным правом быть обозначена в качестве цивилизационной. Вместо технико-технологических, организационных и вообще инфраструктурных достижений главным критерием цивилизации становится момент идентификации, не внешний антураж жизненного пространства, а внутренние рефлективные процессы ментального самоопределения.

Разумеется, всякое значение утрачивают морально-нравственные диспропорции, а также сущность политической системы. А.Янов констатирует по данному поводу: «Даже в страшном сне Аристотелю не могло присниться такое толкование прошедших событий, в соответствии с которым варварская Персидская империя, пожелавшая в V веке до н.э. стереть с лица земли демократические Афины, являлась всего лишь соседней цивилизацией… На исходе XX столетия теоретическую базу под этот удивительный, с точки зрения Аристотеля, постулат, ставящий на одну доску демократию и деспотизм, подвел американец С.Хантингтон, провозгласивший, что «каждая из цивилизаций по-своему цивилизованна» [26, 55]. И далее: «Хуже того, триумф «мультицивилизационного» подхода привел к тому, что даже террористы-убийцы из какой-нибудь «Хезболлы» или «Аль-Каиды» для нас теперь и не варвары вовсе, а, напротив, гордые защитники своей цивилизации, равноправные участники пресловутого «столкновения», доблестно отражающие нашествие «крестоносцев». И публике даже в голову не приходит спрашивать об их отношении к внутреннему достоинству человека и уж тем более к свободе: сказано ведь, что «каждая из цивилизаций по свому цивилизованна» [26, 60].

Комментируя высказывания А.Янова, отметим, что критерии цивилизации, равно как и цивилизованности, могут быть самыми различными. Как отмечает Э.Баталов, различие цивилизаций, культур и национальных менталитетов дает основания предположить, что могут существовать ***«разные методологии познания одного и того же объекта в одном и том же предметном плане»*** [2, 10]. Стремление оперировать такими абстракциями, как «общечеловеческие ценности», «цивилизованный народ» и «нецивилизованный народ» и т.д., попытки утвердить канву рассуждений на некоем абсолютном фундаменте, универсальном и общеобязательном, затем неизбежно проецируются и на реальность, ведут к нарциссистскому пафосу исключительности, мессианской избранности, когда отношения между различными культурно-цивилизационными системами выглядят как отношения между учителем и учеником, благодетелем и облагодетельствованным. Как утверждает один из адептов «аксиологической борьбы за цивилизацию и цивилизованность» бывший премьер-министр Великобритании Т.Блэр: «Это не конфликт цивилизаций – это конфликт по поводу того, что такое цивилизация. Это старая как мир битва между прогрессом и реакцией, между теми, кто принимает современный мир, и теми, кто отвергает его: между оптимизмом и надеждой, с одной стороны, и пессимизмом и страхом – с другой» [4, 17].

Естественно, ни о каком равноправном диалоге (да и вообще о каком-либо диалоге) при таком понимании «цивилизованности» и при тех методах приобщения «нецивилизованных» народов к благам цивилизации, которые демонстрируют сегодня «цивилизованные» западные страны, не может быть и речи. Реальный диалог возможен только между равностатусными субъектами. В этом смысле нам импонируют определения «цивилизации», данные М.Сухаревым, а также Е.Рашковским и В.Хоросом. Согласно М.Сухареву, «цивилизация – это в первую очередь колоссальный иерархический комплекс идей. Правильнее сказать даже – комплекс комплексов, поскольку его элементами являются сложнейшие идейные строения науки, философии, религии, морали, права, искусства и т.д.». Далее подчеркивается весьма важный для понимания сущности цивилизации идентификационный момент: «Цивилизация – это целостный комплекс представлений общества о мире и о своем месте в нем, это коллективная мысль общества, *сознающий себя и конструирующий свое будущее дух народа или общности народов*» [18, 82, 90]. «Если культура, – пишут Е.Рашковский и В.Хорос, – это *все* поле интеллектуального и духовного поиска, *весь* комплекс смыслов, *ценностей*, имеющих хождение в том или ином обществе, то цивилизация – это «оплотневшая», *кристаллизовавшаяся культура*, «осевшая» в некоторых долговременных ценностях, мыслительных парадигмах, прошедших тест на прочность, на длительность, на некоторую ус-

редненность и, стало быть, на широкую транслируемость во времени и пространстве. Кроме того, цивилизация складывается не только из ценностей, но и *институтов,* что подчеркивает факт укорененности соответствующих элементов культурного наследия в социуме. Так нам представляется рабочая дефиниция цивилизации, на которой могли бы сойтись представители разных подходов к цивилизационной проблематике» [16, 37].

В данных определениях подчеркивается, на наш взгляд, основная сущностная черта цивилизации – то, что она есть прежде всего кристаллизовавшаяся культура, совокупность фундаментальных идей, ценностей, принципов, мировоззренческих парадигм, выработанных той или иной социальной общностью за весь период своего исторического развития. Равноценность и несоизмеримость таковых, а следовательно, равноценность и несоизмеримость цивилизаций является, по нашему мнению, совершенно очевидной. Под несоизмеримостью понимается в данном случае недопустимость полагать ценности и принципы одной цивилизации выше ценностей и принципов другой цивилизации на основании пресловутых «универсальных», конструируемых Западом представлений о цивилизации, о критериях цивилизованности. Подобное понимание цивилизаций как равноценных субстанций обеспечивает возможность равноправного и конструктивного диалога между ними.

Если цивилизации конституируются как таковые на аксиологическом, мировоззренческом фундаменте, тогда можно *определить конфликт цивилизаций как конфликт между ценностями, идеями, принципами, мировоззренческими парадигмами, между субъектами, идентифицировавшимися на их основе, как конфликт не по поводу того, чем жить, а по поводу того, как жить.* Конфликт цивилизаций – это мегакультурный конфликт современности, фиксирующий аксиологический аспект глобальных трендов развития и глобальных противостояний, имеющих на современном этапе преимущественно локальные и региональные формы манифестации. Можно утверждать, что «конфликт цивилизаций» – вполне точный и обоснованный диагноз межцивилизационных отношений в современном глобализирующемся мире, и с течением времени объяснительные возможности данного концепта будут только увеличиваться.

Библиография

1. Арбатов Г.А. Нам грозит более опасный период, чем холодная война. // Россия в глобальной политике. 2008. №1.
2. Баталов Э.Я. Предмет философии международных отношений. // Международные процессы. 2004. Том 2. №1 (4).
3. Бердяев Н. Смысл истории. – Москва, 1990.

4. Блэр Т. Битва за глобальные ценности. // Россия в глобальной политике. 2007. №1.
5. Богатуров А.Д. Философское осмысление международной политики. / Философия международных отношений: есть или должна быть? («Круглый стол»). // Международные процессы. 2004. Том 2. №1 (4).
6. Гулевский А.Н., Хлипун В.В. Межкультурные коммуникации в современном мире в контексте конфликта цивилизаций. // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2007. №4.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – Москва, 1991.
8. Делокаров К.Х. Открытость глобализации и перспективы цивилизации. // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – Москва, 2005.
9. Литвиненко В.А. Социотехнологические комплексы: новый вид цивилизационного взаимодействия. // Общественные науки и современность. 2000. №2.
10. Мчедлова М.М. Понятие «цивилизация»: история и методология. // Философия и общество. 1999. №1.
11. Найдыш В.М. Цивилизация как проблема философии истории. – Москва, 1997.
12. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры: синергетика исторического процесса. – Москва, 1996.
13. Неклесса А.И. Трансмутация истории. // «Глобализация», «культура», «цивилизация». – Москва, 2003. Вып. 7(30).
14. Панова В.В. Современные западные исследования международного конфликта. // Международные процессы. 2005. Том 3. №2 (8).
15. Rapoport A. Conflict in Man Made Environment. – Baltimore, 1974.
16. Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа). // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №12.
17. Сравнительное изучение цивилизаций. – Мрсква, 1998.
18. Сухарев М.В. Движение цивилизаций: Россия и Запад. // Полис. 2005. №1.
19. Тойнби А. Постижение истории. – Москва, 1991.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва, 2003.
21. Чумаков А.Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности. // Вопросы философии. 2009. №1.
22. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. // Бои за историю. – Москва, 1991.
23. Шемякин Я.Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс. // Общественные науки и современность. 1998. №4.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. – Москва, 1993.

25. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Москва, 1978.
26. Янов А.Л. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. №5.

Поступила в редакцию
16 октября 2010 года

DIMENSIUNI ISTORICO-METODOLOGICE ALE FUNDAMENTĂRII ECONOMIEI POLITICE.

Tudor DUMITRAŞ
Republica Moldova, Chişinău, Academia de Studii Economice din Moldova, Facultatea Finanțe, Catedra Filosofie şi Politologie
Doctor în filosofie, conferențiar, şef-catedră

In the article is revealed the contribution of the English economist philosopher John Stuart Mill in the elaboration of political economy methodology. Mill is a pioneer in this field, being one the first economists who consciously approach the necessity of the conciliation of philosophic methodology problem with the specification of economic knowledge. Manifesting himself as a philosopher and logician, the economist Mill, believes that the most successful method of knowledge of the political economy science is the a priori and a posteriori method, focusing the most on the a priori method as a theoretical deductive method. "A priori" at Mill is not identical with "a priori" at Kant. Mill's method starts from several correct assumptions, which state obvious realities. The correct conclusions drawn by this assumption represent an abstract truth, but when they are filled out with facts not taken into account before, they become absolute and can be applied in practice. The obtained knowledge can be verified. The verification implies the reveling the theory of identity with the particular cases of the theoretical forecast with real effect. The appearance of the contradictions between "predicted results" and "the realized results" do not unfold the theory error, but the reflection one and the deficiency of the realized reasoning. The errors exclusion contributes to the designing of the economic laws essence as tendency. The determination of economic laws assigns political economy the status of science that makes it differ from art.

Actualmente se poate constata o creştere vădită a interesului față de metodologia ştiinței economice. O dovadă a acestui fenomen o reprezintă scoaterea din uitare prin editare a operelor cu caracter metodologic, care timp îndelungat rămâneau necunoscute cititorului. La acest capitol se atribuie unele aspecte ale creației gânditorului englez din secolul XIX John Stuart Mill, care a fost o personalitate marcantă în ştiința şi cultura secolului XIX. Economist, filosof, logician, om de o înaltă cultură el este considerat ultimul reprezentant al economiei politice clasice. El se atribuie la acea pleiadă de gânditori care considera că filosofia şi ştiința economică formează o unitate de nezdruncinat, deoarece economia politică îşi trage începuturile din filosofie. Un loc aparte în creația lui îi revine eseului „Despre definiția Economiei Politice; şi despre

metoda de investigație care îi este proprie". Reflecțiile asupra acestui Eseu vor determina conținutul articolului prezent.

Eseul este rodul cercetărilor şi concluziilor tânărului savant (Mill avea 25 ani) în domeniul filosofiei, economiei politice, logicii, ştiințelor naturii. Către acest timp Mill cunoştea destul de bine şi realitatea economică empirică a societății engleze, el fiind implicat deja ca funcționar într-o firmă. Eseul reprezintă o încercare a autorului de a demonstra şi promova: 1) ideea unității incontestabile a filosofiei cu economia politică, 2) ideea caracterului ştiințific al cunoştințelor economice ori a faptului că economia politică este ştiință în rând cu ştiințele naturii (ştiință pozitivă), 3) ideea ştiinciozității economiei politice numai datorită metodei sale filosofice de cunoaştere.

Caracterul problemelor abordate în acest Eseu permite divizarea lui în trei părți.

Definiția economiei politice

Mill este unul dintre primii economişti ai sec. XIX care îşi asuma conştient sarcina de a argumenta caracterul ştiințific al economiei politice, de a demonstra şi convinge că economia politică este o ştiință asemănătoare fizicii, mecanicii, astronomiei. Studierea operelor filosofice, economice, social-politice de diferite orientări precum şi cunoaşterea vieții economice empirice contemporane lui l-au adus pe Mill la concluzia că economia politică poate obține statutul de „ştiință" numai dacă ea, în cercetările sale se va baza pe o metodă filosofică de cunoaştere, asemănătoare ştiințelor fizice (naturale). Pentru a defini economia politică ca ştiință este necesar de a determina caracterul şi hotarele cercetărilor economice. La fel trebuie de determinat obiectul de studiu al ei: studiază ea doar ceea ce este, ori şi ceea e ar trebui să fie, expunând concomitent regulile de obținere a scopurilor dorite. Sau dacă ambele sarcini sunt caracteristice economiei politice, şi cele teoretice şi cele practice, atunci trebuie de explicat caracterul relațiilor dintre aceste ramuri. Neclaritatea acestor situații contribuie la interpretarea neadecvată a adevărurilor economice şi astfel diminuează valoarea economiei politice [5; 3]. Mai întâi, spunea Mill, până a începe discuția despre o oarecare ştiință, ar trebui să definim ce se înțelege prin noțiunea de „ştiință". Implicarea în problema dată ne dovedeşte că nu există o definiție a „ştiinței" şi că prin ştiință se înțelege mai degrabă nişte fapte adunate, unite împreună, deseori fără a avea la bază vre-un principiu comun, adică pur întâmplător. La fel se întâmplă şi cu ştiința economică, care a rămas fără o definiție, bazată pe principii logice stricte. Smith, care a scris o lucrare remarcabilă în domeniul economiei politice, n-a oferit nici o definiție ştiinței date. Din denumirea lucrării sale: „Avuția națiunilor. Cercetare asupra naturii şi cauzelor ei" reiese că, economia politică este o ştiință care învață „în ce mod poporul poate deveni bogat". Dar şi această definiție răspândită nu este expusă

de autor în mod concis, ci, poate fi, doar, intuită. Şi aceasta se întâmplă, continuă Mill, fiindcă aici se confundă două noțiuni: noțiunea de „ştiință” şi noțiunea de „artă”. „Ştiința” este preocupată de adunarea faptelor, iar „arta” este un ansamblu de reguli, de directive care se cer a fi îndeplinite. Limbajul ştiinței este următorul: „Acesta este” ori „Acesta nu este”. Limbajul artei constă în afirmațiile de tipul: „Faceți aşa”, „Evitați aceasta”. În competiția ştiinței intră studierea fenomenelor cu scopul de a evidenția „legea”, „arta” presupune „rezultatul” evenimentului şi studiază mijloacele de influență asupra lui. Extinzând cele spuse despre ştiința şi artă (tehne) asupra economiei politice, Mill concluzionează, că ultima nu este doar o artă. Economia politică, de la sine, nu învață oamenii cum să devină bogați, ea este o ştiință [1, 990-991].

Fiind recunoscută ca ştiință, economia politică nu poate fi considerată doar un asortiment de reguli practice. Dar odată ce ea conține în sine anumite reguli practice, existența lor se cere a fi argumentată, adică modalitatea, cum pot fi folosite aceste reguli. „Aşadar, regulile pentru ridicarea bunăstării poporului, nu formează ştiința, ele sunt rezultatul ştiinței. Economia politică de la sine nu indică cum trebuie făcut bogat poporul. Dar totuşi, oricine ar avea dreptul de a judeca despre mijloacele de îmbogățire ale poporului, trebuie el în primul rând, să fie economist-politic” [1, 991] concluzionează Mill. Pentru a determina esența economiei politice ca ştiință Mill o raportează la ştiințele naturii esența cărora era determinată indiscutabil.

După mai multe cugetări despre ştiința fizică şi ştiința economică politică, Mill constatează, că toată sfera cunoştințelor umane se împarte în două domenii – ştiința fizică şi ştiința morală: „Ştiințele fizice sunt acele ştiințe, care studiază legile materiei şi toate fenomenele complicate ce depind de legile materiei. Ştiințele psihice (mental) ori morale, sunt acelea care au de afacere cu legile rațiunii” [1, 996]. Relația dintre aceste două tipuri de ştiințe este următoarea: majoritatea ştiințelor morale presupun existența ştiinței fizice, şi, doar numai unele din ştiințele fizice presupun existența ştiinței morale. Ce înseamnă aceasta? Ce semnificație are acest raport? Aceasta ar însemna că multe ştiințe fizice pot evita oricare apel la rațiune – adică moraliceşte sunt neutre.

În schimb fenomene care ar depinde, doar, de legile rațiunii, nu există, căci însuşi fenomenele rațiunii, cel puțin parțial, depind de legile fiziologice ale corpului uman. De aceea ştiințele psihice, morale (mentale) trebuie să țină cont de adevărurile ştiințelor fizice şi respectiv apare întrebarea: care este raportul dintre economia politică ca ştiință şi ştiința fizică pe de o parte, şi care este corelația dintre ştiința economiei politice şi ştiințele ce țin de arta producerii? Legile producerii obiectelor care compun bogăția, se referă atât la economia politică, cât şi la ştiința fizică. Legile ce caracterizează materia, țin de fizică, iar legile ce caracterizează gândirea economică umană, se atribuie la economia politică. Economia politică recunoaşte fizica, deoarece recunoaşte că procesele fizice ce

au loc în procesul de producţie se petrec cu adevărat şi nu pot fi contestate. Economia politică studiază fenomenele raţiunii legate de producerea şi repartizarea obiectelor produse, clarifică ce urmări pot avea legile raţiunii pure, care acţionează concomitent cu legile fizice, adică în ce măsură se realizează scopurile puse de om în condiţiile respective. În urma acestor cugetări, Mill defineşte economia politică ca: „Ştiinţa care tratează producerea şi distribuirea avuţiei în măsura în care acestea depind de legile naturii umane” [1, 998].

Însă o astfel de definiţie nu poate satisface abordarea filosofică a problemei, fiindcă, ea nu este deplină. Ei îi lipsesc două precizări: 1. faptul că economia politică nu tratează producerea şi distribuirea în general, în toate formele de existenţă a umanităţii, ci doar în starea ei socială; 2. faptul că economia politică nu ţine cont decât de principiile naturii umane „legate de ideile şi sentimentele omului care trăieşte în condiţii sociale”, şi nu doar în natură. De aici, spune Mill rezultă şi caracterul social al ştiinţei economice: „Ştiinţa economiei sociale cuprinde fiecare parte a naturii umane în măsura în care ea influenţează conduita ori starea omului în societate” [1, 1000].

Economia politică nu este identică cu ştiinţa politică (adică socială) în general, care studiază complexitatea relaţiilor dintre om şi societate. Economia politică este doar o ramură, o parte a ei. Ea nu studiază nici faptul, cum natura fiinţei umane este determinată de mediul social, dar nici întregul comportament al omului în societate, „ci se ocupă de om, doar, ca fiinţă ce doreşte să posede bogăţie şi care este capabilă să emită judecăţi despre eficacitatea comparativă a mijloacelor utilizabile în acest scop. Ea prezice, doar, astfel de fenomene sociale, care se produc ca urmare a preocupării pentru bogăţie” [2, 54]. Economia politică nu vede în om altceva decât o fiinţă care este preocupată de dobândirea şi consumul de bunuri materiale. De toate alte pasiuni caracteristice omului ea face abstracţie, cu excepţia celora, care se află în antagonism cu dorinţa de îmbogăţire, şi anume, antipatia faţă de muncă şi dorinţa de a beneficia în prezent de înlesniri costisitoare. Aici se cere de accentuat că descrierea esenţei şi naturii economiei politice, aşa cum o concepe Mill, este în strânsă legătură cu concepţia sa despre metodologia ştiinţei economice. Ţinând cont de faptul că economia politică studiază doar activitatea omului îndreptată spre a se îmbogăţi şi că această activitate nu este una simplă, ci dimpotrivă, destul de complicată, apoi ea purcede la studierea legilor ce guvernează aceste multiple acţiuni. „Când un efect depinde de un complex de cauze, se impune, ca acestea să fie studiate una câte una, iar legile lor să fie investigate separat, dacă vrem, ca prin intermediul cauzelor, să dobândim putinţa de a prevedea sau de a stăpâni efectul, deoarece legea efectului se compune din legile tuturor cauzelor care îl determină... Pentru a putea judeca felul cum va acţiona el (omul ce tinde spre îmbogăţire - T.D.) sub imboldul unei multitudini de dorinţe şi repulsii, ce acţionează în mod concurent

asupra sa, trebuie să ştim cum ar acționa el sub influența exclusivă a fiecăruia în parte” [2, 55] - scrie Mill.

Economiştii vor apela nu odată la această poziție logico-metodologică. În viziunea lui Mill nu există nici o acțiune a omului care în mod direct, ori indirect n-ar fi condiționată de dorința lui de a se îmbogăți. Dar dacă s-ar întâmpla că ar putea fi altfel, adică, dacă acțiunile omului nu ar fi condiționate de aşa o dorință, atunci economia politică nici nu ar pretinde să se implice aici. Teoria economică se implică numai în acele sectoare ale relațiilor umane unde dobândirea bogăției este scopul principal. Din cele expuse până acum rezultă următoarea definiție a economiei politice: „Ştiința care studiază legile acelor fenomene din societate ce sunt generate de acțiunile combinate ale oamenilor, îndreptate spre producerea de bogăție, în măsura în care aceste fenomene nu sunt modificate de urmărirea altor obiective” [2, 57].

Mill consideră că economia politică trebuie să se bazeze pe anumite abstracții, dar nu pe lucruri empirice. Prima sa abstracție este abstracția omului. Acest om abstract propus de Mill în calitate de noțiune fundamentală pentru economia politică a obținut denumirea de „om economic” Mill scrie: „La fel presupune economia politică o definiție arbitrară a omului ca ființă care invariabil face ceea ce-i permite să obțină cantitatea maximă de lucruri necesare, utile sau de lux, cu cantitatea minimă de muncă şi abnegație fizică cu care acestea pot fi obținute în starea data a cunoaşterii” [2, 58]. Mill propune ca această concepție despre om să fie acceptată ca o maximă generală pentru economia politică cu instalarea ei la începutul oricărei lucrări de economie politică la fel cum definiția liniei stă la începutul „Elementelor” lui Euclid. Abstracția „omul economic” a lui Mill nu are nimic comun cu omul real şi cu morala socială. După cum fizicianul studiază calitățile fizice ale obiectelor fără a se interesa de componența lor fizică, după cum pe geometri îl interesa doar caracteristicile spațiale ale obiectivelor cercetate şi nici de cum nu calitățile lor fizice, la fel şi economistul, după Mill, studiază omul ca persoană ce se interesează doar de interesul său economic, conducându-se doar de interesele sale individuale. Această luptă a lui pentru îmbogățire are, după cum am văzut deja, două componente – să obțină cât mai multe bunuri materiale, depunând cât mai puțin efort şi abnegație pentru aceasta. Cu alte cuvinte pe Mill îl interesează nu omul viu real în toată complexitatea activităților şi motivelor sale reale de activitate, ci omul imaginar, abstract, abstractizat, scos din oricare mediu social real. La Mill omul este prezentat astfel de parcă înafară de activitatea economică pentru el altă activitate nu există. Şi chiar dacă se presupune că omul este inclus şi în alte activități, totuşi, maximaxizată de a se îmbogăți este factorul dominant ce-l determină prin depunerea unui minimum de forțe. Cu totul altă interpretare a „omului economic” era la Smith. „La Smith, - constatează M.Blaug, - oamenii acționează, reieşind din interesul personal, dar acest interes nu se limitează doar la tendința spre avuție – onoarea,

ambiția, starea socială şi setea de putere îi sunt caracteristice în aceeaşi măsură ca şi banii” [3, 114].

Metoda filosofică a economiei politice

J.St.Mill şi contemporanul său S.Nassau sunt primii economişti englezi care au formulat clar problema necesității elaborării metodei economice de cunoaştere. Până la dânşii A.Smith n-a abordat problema metodei în mod special. În dependență de necesitate el apela când la metoda inductivă, când la metoda deductivă, fără a declara prioritatea uneia în fața alteia. Mill, reieşind din ideile lui Senior, promovează ideea că economia politică este o ştiință teoretică după conținut „iar de modul cum este definită o ştiință se leagă, inseparabil, modul de a concepe metoda ei filozofică, natura proceselor prin care urmează a se efectua investigațiile ei şi a se ajunge la adevărurile ei” [2, 56].

Între obiectul ştiinței economice (a economiei politice) şi metoda ei de cunoaştere, care trebuie să fie o metodă filosofică, este o legătură directă. Metoda filosofică de cercetare permite economiei politice de a-şi cunoaşte specificul adevărurilor sale. Deosebirile dintre ştiințele morale, printre care e şi economia politică, se determină nu prin faptele aduse sau studiate, ci prin „concepțiile lor despre metoda filosofică a respectivei ştiințe”. Diferența de opinii în interpretarea obiectului de studii, depinde nu numai de aceea cum sunt văzute faptele, ci şi de aceea de ce ele sunt concepute, astfel ele se deosebesc nu numai în privința a ceea ce cred a vedea, spune Mill, ci şi în privința direcției de unde le vine lumina cu ajutorul căreia cred că văd acest ceva.

Pentru a determina metoda eficientă de cunoaştere, caracteristică ştiinței economice, trebuie să se țină cont de complexitatea, diversitatea, dinamica, interdependența fenomenelor, atât reciprocă, cât şi de diferite circumstanțe externe, deseori imprevizibile, după cum şi de voința omului. Totodată, după Mill, se cere de conştientizat că ştiința economică exclude practicarea experimentelor în modul cum ele sunt folosite în chimie ori fizică. În „Eseu..., în „Sistemul de logică inductivă şi deductivă”, în „A.Comte şi pozitivismul”, Mill caută să aducă ştiința economică (economia politică) la rangul ştiințelor naturii (ştiințelor pozitive) prin elaborarea unei metode asemănătoare lor. Metoda propriu zisă a economiei politice este considerată metoda a priori şi metoda a posteriori.

În istoria dezvoltării gândirii, spune Mill s-au stabilit două poziții care determină deosebirea dintre metode – una este teoria şi alta este practica sau experiența. Adepții acestor poziții se numesc teoreticieni şi practicieni. Deosebirea dintre aceste două moduri de gândire este foarte mare fiindcă unii (practicieni) absolutizează rolul practicii, a experimentului în cunoaştere şi neagă rolul teoriei, alții (teoreticienii), dimpotrivă, preamăresc rolul teoriei şi dispretuiesc faptele şi experiența. În realitate, însă, se întâmplă aşa, că cei care neagă faptele, adică teoreticienii, îşi edifică teoriile numai pe baza faptelor şi experienței, iar cei

ce neagă teoria nu pot face un pas fără a teoretiza. În realitate, ce n-ar afirma adepţii acestor două opinii diametral opuse, ei „nu fac decât să teoretizeze şi nici una nu-şi ia alta călăuză decât experienţa". Deosebirea dintre ei se manifestă în direcţionarea gândirii: practicienii merg de la fapte particulare spre concluzii generale, teoreticienii, în urma generalizării faptelor particulare şi formulării principiului general, pornesc, spre nişte concluzii mai specifice. Prima din aceste metode este o metodă de inducţie, numită şi metodă *a posteriori*; cea de-a doua este „o metodă mixtă de inducţie şi deducţie" numită „metodă *a priori*" [2, 57], afirmă Mill.

Mill nu este novator în utilizarea noţiunilor „a priori" şi „a posteriori". Tradiţional aceste noţiuni sunt atribuite lui I.Kant, el este filosoful care le-a introdus în vocabularul filosofic modern şi anume acestui filosof german se atribuie reanimarea noţiunilor susnumite. Economistul J.S.Mill cunoaşte bine această realitate şi caută conştient să se delimiteze de ea, considerând concepţia aprioricǎ kantiană ca fiind inutilizabilă: „Sântem conştienţi de faptul că aceasta din urmă expresie este uneori folosită pentru a caracteriza o pretinsă metodă de filosofare care declară că nu se sprijină deloc pe experienţă" [2, 57], menţionează el. J.S.Mill propune o altă concepere a acestor noţiuni. „Prin metoda *a posteriori*, concretizează autorul Eseului, înţelegem pe cea care reclamă drept bază pentru concluziile sale nu pur şi simplu experienţă ci experienţă specifică. Prin metoda a priori înţelegem, (în consens cu accepţiunea curentă) modul de a raţiona din ipoteze asumate, practică ce nu se limitează la matematici, ci ţine de esenţa oricărei ştiinţe ce admite raţionamentul general" [2, 57]. O astfel de abordare a metodei ştiinţifice de cunoaştere dovedeşte faptul că Mill conştientiza clar problema caracteristică filosofiei şi ştiinţei secolelor XVII-XIX în domeniul dat: căreia din metode să i se dea prioritate – celei inductive sau celei deductive?

Ştiinţa economică, consideră Mill, fiind o ştiinţă abstractă, şi având în calitate de metodă de cercetare metoda deductivă, apriorică, execută studierea realităţii economice pornind de la ipoteze, şi nu de la fapte. Ea se bazează pe ipoteze numite definiţii, care şi formează fundamentul ei, ca al oricărei alte ştiinţe abstracte. În acest aspect economia politică este asemănătoare cu geometria: ea raţionează din premize abstracte, teoretice care sunt lipsite de orice temei factual şi care nu pretinde cu necesitate să concorde cu faptele. Metoda apriorică este unica care permite să cunoaştem adevărul. Adevărul ştiinţific al ştiinţei economice care se pretinde a fi cunoscut prin această metodă constă nu în coincidenţa ideei teoretice presupuse (ipotezei) cu realitatea factuală existentă. Dacă faptele reale nu corespund ideei înaintate, aceasta nu înseamnă că ştiinţa nu are dreptate, nu dispune de adevăr. Necoincidenţa lor nu confirmă falsitatea ipotezei ci doar îndepărtarea lor una de alta. Ipoteza, continuă Mill „este adevărată numai despre lucruri aşa cum le-a presupus el (economistul – T.D.) în mod arbitrar, nu despre lucruri cum sunt ele în realitate. Ceea ce e adevărat în abstract, este întotdeauna

adevărat şi în concret dacă facem ajustările necesare. Când o anumită cauză există în mod real şi dacă, lăsată să acționeze singură, ea ar produce în mod infailibil un anumit efect, acelaşi efect, modificat de toate celelalte cauze concurente, va corespunde întocmai cu rezultatul realmente produs” [2, 58].

După cum nici un matematician nu s-a gândit vreodată, că definiția dată de el liniei, s-ar potrivi unei linii reale, la fel de puțin real ar fi pentru un economist să presupună că „oamenii reali nu doresc nimic altceva decât bogăție”, scrie Mill în Eseu. Economiştii sunt justificați când procedează astfel. La aceasta îi impune caracterul ştiinței lor: pe economist activitatea omului îl interesează în măsura în care ea este îndreptată spre a obține profit, bogăție. Pentru a formula vre-o maximă în domeniul dat, pe economist îl interesează unitatea, identitatea activităților respective şi nu altceva. Teoria niciodată nu va fi identică cu realitatea practică, fiindcă realitatea empirică, este întotdeauna, mult mai diversă şi complexă după caracterul său, decât ceea ce se fixează în teorie. Teoria reprezintă doar abstracție a acestei realități unde multe aspecte pot fi omise. Cu atât mai mult că în lumea empirică nu există două lucruri, evenimente, fenomene care să se repete exact în acelaşi mod. Pentru Mill nu este îndeajuns de a afirma că metoda a priori este un mod legitim de investigație filosofică în ştiințele morale, la care se atribuie şi economia politică. Mai mult ca atât, el susține, că o astfel de investigație a acestei metode a priori, este unicul mod de investigație filosofică în economia politică. Referitor la utilizarea metodei a posteriori sau a experienței specifice, ea este cu totul ineficace pentru ştiințele morale, ca mijloc de a ajunge la careva adevăruri valoroase, determinate. Aceasta nu înseamnă, însă, spune Mill, că metoda a posteriori este inutilă pentru aceste ştiințe. Ea nu este inutilă, ci insuficientă, auxiliară, în comparație cu metoda a priori dar totuşi prezintă un supliment indispensabil al acesteia.

O trăsătură caracteristică tuturor ştiințelor morale, prin care ele se deosebesc de ştiințele naturii (chimia, fizica), susține Mill, o constituie faptul, că aici nu pot fi puse şi realizate experimente. În ştiința morală, cu atât mai mult în politică, nu pot fi organizate experimente, care s-ar petrece la o scară foarte redusă (de exemplu de a încerca o oarecare formă de guvernare), apoi s-ar realiza la nivel de societate. Astfel de laboratoare politice, morale, nu există. Fenomenele morale, adică şi economice, se cer a fi studiate direct, căci ele, fiind destul de complexe, mai sunt şi ascunse, nu stau la suprafață pentru a fi cunoscute direct. De aceea metoda inductivă de cunoaştere, metodă bazată pe experiențe, este insuficientă pentru cunoaşterea societății. Pentru a vedea cât de eficientă este o oarecare politică economică, ar trebui să găsim, cel puțin două societăți întru totul identice din punct de vedere economic, politic, etc. După ce s-a experimentat o anumită politică economică asupra unei societăți cu toate modificările, cercetările etc. făcute, noi am putea, deja, extinde modelul experimentat asupra altei societăți identice. Putem noi găsi două societăți de care avem nevoie pentru a

experimenta în una şi apoi a folosi deja teoria verificată, corectată asupra alteia echivalentă cu prima? Nu putem, căci aşa ceva nu există scrie Mill. Ieşirea din situație este una-de a recunoaşte doar metoda deductivă: Logica discursului îl aduce pe Mill la următoarea concluzie: „Întrucât este ... zadarnică speranța de a ajunge la adevăr, în economia politică sau în vreo altă ştiință socială, examinând faptele în concret, îmbrăcate în toată complexitatea cu care le-a înconjurat natura şi străduința de a degaja o lege generală printr-un proces de inducție pornind de la compararea detaliilor, nu ne rămâne nici o altă metodă decât cea **apriorică** sau a „speculației abstracte" [2, 60].

Metoda a priori are logica sa. Se porneşte de la nişte presupoziții care sunt corecte, adică, care exprimă nişte realități evidente. Concluziile deduse corect din această presupoziție reprezintă un adevăr abstract, „iar când ele sânt completate prin adăugarea sau scăderea efectului circumstanțelor neluate în calcul, ele sunt adevărate în concret şi pot fi aplicate în practică". După Mill, aşa se prezintă economia politică în scrierile celor mai exponenți reprezentanți ai ei. Mai mult ca atât, „pentru a o face perfectă ca ştiință abstractă, combinațiile de circumstanțe de la care porneşte ipotetic spre a le afla efectele, ar trebui să cuprindă toate acele circumstanțe, care sunt comune tuturor claselor fără deosebire, precum şi toate circumstanțele care sunt comune unei clase importante oarecare de cazuri. Concluziile deduse corect din aceste presupoziții ar fi la fel de adevărate în abstract ca acelea ale matematicii; şi ar fi o aproximare atât de bună a adevărului în concret cât poate fi vreodată un adevăr abstract" [2, 61].

Economia politică cercetează activitatea economică a omului şi formulează anumite legități. În cercetarea sa economia politică face abstracții de la toate aspectele neeconomice din activitatea omului. Ea formulează doar legități generale şi de aceea studiază doar ceea ce este caracteristic tuturor oamenilor în activitatea lor economică, ceea cei uneşte pe toți sub noțiunea de „Om economic"-interesul individual pentru îmbogățire. Existența altor aspecte, interese, motivații, caracteristici ale aceştor oameni economia politică nu o neagă, numai că acestea nu prezintă pentru dânsa nici un interes ca ştiință abstractă şi deductivă. Problema raportului dintre economia politică şi realitatea empirică scoate în evidență alt aspect: în condițiile „când principiile economiei politice urmează a fi aplicate la un caz particular este necesar să fie luate în considerare toate circumstanțele individuale ale acestui caz; examinând nu numai căruia din ansamblurile de circumstanțe studiate de ştiința abstractă îi corespund circumstanțele cazului respectiv, ci şi eventualele alte circumstanțe existente la acel caz, care, nefiind reprezentate într-o clasă de cazuri mare şi bine delimitată, n-au intrat în vizorul ştiinței. Aceste circumstanțe au fost numite **cauze perturbătoare** [2, 61]. Anume aici apar în evidență elementele de incertitudine ale economiei politice. Cauzele perturbării, cauzele care complică cunoaşterea adevărului, factorii care pot denatura şi abera esența adevărului sunt în legătură directă cu natura comp-

lexă a fenomenului supus cunoaşterii şi constau în nesiguranța posibilității cunoaşterii depline a acestui fenomen. Mill concretizează: „Când cauzele perturbătoare sunt cunoscute, necesitatea luării lor în calcul nu diminuează în nici un fel precizia ştiinţifică şi nici nu reprezintă vre-o abatere de la metoda **a priorii.** Ele nu sunt lăsate la urmă pentru a fi tratate pur şi simplu la întâmplare. Asemenea frecări în mecanică, cu care adesea au fost asemuite, ele au fost poate gândite la început doar ca un ce neprecizabil care trebuie scăzut pe ghicite din rezultatul obținut din principiile generale ale ştiinţei; cu timpul însă multe din ele ajung să fie cuprinse în perimetrul ştiinţei abstracte însăşi şi se constată că efectul lor se pretează la o estimare la fel de exactă ca şi efectele mai izbitoare pe care ele le modifică. Cauzele perturbătoare îşi au legile lor, după cum cauzele perturbate de ele şi le au pe ale lor; iar pe baza legilor ce guvernează cauzele perturbătoare, natura şi amploarea perturbației pot fi prezise **a priorii**, la fel ca acțiunea legilor mai generale pe care se spune că le modifică sau perturbă, deşi ar fi mai corect să zicem că se combină cu ele. Efectul cauzelor speciale trebuie deci adăugat sau scăzut din efectul celor generale [2, 61-62]. Cunoaşterea cauzelor perturbătoare, a factorilor neeconomici care pot influența în mod indirect şi neevident activitatea economică a omului este obligatorie pentru economist. Aceste cauze perturbătoare ar putea fi studiate de alte ştiinţe decât economia politică. De aceea „economistul care n-a studiat nici o alta ştiinţă în afara economiei politice, dacă va încerca să aplice ştiinţa sa în practică va eşua" [2, 62].

Problema verificării cunoştinţelor economice

Anterior am constatat că pentru J.S.Mill unica metodă ştiinţifică de cercetare a faptelor economice este metoda apriorică, cât priveşte metoda aposteriorică apoi ea nu este utilă pentru căutarea, cercetarea şi descoperirea adevărului. Aceasta însă nu înseamnă că ea este inutilă, în general. Dimpotrivă, după Mill, ea este foarte binevenită nu ca mijloc de descoperire a adevărului ci ca mijloc de verificare a adevărului şi de reducere la minimum a incertitudinilor care izvorăsc din complexitatea fiecărui caz particular, din dificultatea şi imposibilitatea de a ne asigura a priori că au fost luate în considerare toate circumstanţele existente. Dacă noi am fi siguri că cunoaştem toate cauzele unui lucru atunci noi am cunoaşte şi toate efectele acestor cauze, „dacă cineva ne-ar spune care sunt cauzele particulare ce acţionează într-un caz sau altul, atunci dacă ştiinţa noastră abstractă ar fi completă, am deveni profeți. Cauzele însă nu ni se dezvăluie în acest fel" [2, 62]. Problema constă în faptul că noi nu cunoaştem întotdeauna toate cauzele unui fenomen particular, fiindcă în calitate de cauze, aici acţionează sentimente umane şi circumstanţe externe pe care am putea să nu le cunoaştem. Pentru a le cunoaşte, noi apelăm la „observaţie". Dar „observaţia", ca metodă de obţinere a cunoştinţelor, este nesigură, fiindcă ea deseori ne dă cunoştinţe incomplete, căci noi oricând putem slăbi concentraţia asupra unui lucru, apă-

sând pe altul. De aceea suntem în pericol de a ține cont doar numai de unele aspecte ale fenomenului cercetat, pentru care fapt concluziile noastre vor fi doar parțiale. În aceste condiții pentru determinarea adevărului şi depăşirea situației date este foarte important verificarea teoriei. Verificarea, în viziunea lui Mill, presupune relevarea identității teoriei cu cazurile particulare, a prognozei teoretice cu efectele reale, a teoriei cu practica. În realitate, spune Mill, în procesul verificării teoriei ar putea să apară contradicție între „rezultatele prezise" şi „rezultatele efectiv realizate", între „anticipările noastre şi datele reale". Această contradicție ne relevă nu eroarea teoriei ci descoperă erorile gândirii, „ea ne dezvăluie adesea că baza însăşi a întregului nostru raționament este insuficientă; că datele de la care am pornit în raționament cuprind numai o parte, şi nu totdeauna cea mai importantă, a circumstanțelor ce determină în fapt rezultatul" [2, 64] or, cum remarcă cunoscutul metodolog M.Blaug, cu toate ca Mill este un adept fidel al ferificaționalismului totuşi el „nu se decide de a pune semnul egalității între eroarea prognozei şi eroarea teoriei, în baza căreia a fost făcută: din „discrepanța dintre aşteptările noastre şi datele reale" rezultă nu că pozițiile inițiale sunt false şi deci se cuvine a fi respinse, ci rezultă doar că ele sunt „insuficiente" [3, 117-118].

Aşadar, spune Mill, chiar dacă un cercetător (filosof) este convins că prin metoda a posteriori nu pot fi obținute careva adevăruri despre viața socială, el totuşi, este dator, pe măsura posibilităților, să investigheze detaliile fiecărui experiment specific. Un astfel de savant se află în acelaşi raport cu legislatorul, în care se află un geograf simplu cu navigatorul practic, care poate indica latitudinea şi longitudinea diferitor locuri, dar nu poate indica drumurile ce duc spre ele. Dacă economistul rămâne în ipostaza dată, atunci el trebuie să rămână înafara activității practice, să nu se implice cu careva propuneri referitor la aplicarea doctrinelor sale la circumstanțele existente, altfel spus, el trebuie să rămână doar un profesor de ştiință abstractă şi prin asta fiind o persoană de mare folos.

Oricât de remarcabilă n-ar fi personalitatea savantului şi de care cunoştințe n-ar deține ea, dar dacă este implicată în procesul de a formula idei menite să-i călăuzească pe oameni, atunci ea „nu se poate dispensa de cunoaşterea practică a modurilor în care se desfăşoară efectiv diferite lucruri în lume şi de o vastă experiență personală privind ideile, sentimentele şi tendințele intelectuale şi morale reale din țara şi epoca în care trăieşte. Adevăratul om de stat practic este cel în care această experiență se combină cu o cunoaştere aprofundată a filosofiei politice abstracte. Oricare din cele două moduri de cunoaştere, în lipsa celuilalt, îl lasă şchiop şi neajutorat dacă e conştient de deficiența sa; ori îl face obstinat şi încrezut dacă, aşa cum se întâmplă mai des, este cu totul inconştient de ea" [3, 64]. Astfel Mill, vine să afirme, că în procesul cunoaşterii ştiințifice o metodă fără alta nu prețuieşte nimic.

Problema verificării teoriei economice implică în discuție problema caracterului legilor economice. Pentru economia politică clasică era indiscutabil faptul de a recunoaşte existența unor legi universale fără de care economia politică nu poate fi considerată ştiință. Aceste legi, nu poartă doar un caracter normativ, ci sunt legi naturale obiective, asemănătoare legilor ştiințelor naturii. Aceste legi pot fi cele mai diferite – plăcute ori antipatice cuiva, dar din aceasta nu rezultă că economia politică poate fi apreciată ca o ştiință „cruda şi posomorâtă” din cauză că ea evidențiază legi care pot avea pentru cineva urmări neplăcute. După cum este absurd de a defini fizica ca ştiință crudă pentru faptul că ea studiază fulgerul care poate ucide omul, la fel ar fi absurd să numeşti economia politică amorală pentru faptul că ea studiază legea salarizării, care la diferiți indivizi este diferit [4, 242]. Legea economică exprimă un adevăr. Şi atunci apare întrebarea dacă se permite ori nu careva abateri (excepții, erori) de la legea (adevărul) formulată. Dacă nu, atunci de ce, dacă da, atunci până unde sau câte, care excepții se permit. Astfel apare problema exactității legilor economice. Până unde legea economică este exactă, dacă ea permite excepții (erori)? Şi care ar fi criteriul care determină nivelul abaterii de la lege cu păstrarea autenticității lui, se întrebă Mill. El exclude oricare abatere de la principiile propuse şi oricare interpretare truistă a metodei. „Erorile, acolo unde apar, nu apar din pricina generalizărilor prea largi, adică a includerii într-o singură prepoziție a unui număr prea mare de cazuri particulare. Neândoelnic, un om afirmă adesea despre o întreagă clasă ceea ce nu e adevărat decât despre o parte a ei; dar eroarea sa constă în general nu în a fi făcut o aserțiune prea largă, ci în a fi făcut o aserțiune de un fel nepotrivit: în a se fi referit la un rezultat real, în loc să se refere doar la tendința spre acel rezultat, la o putere ce acționează cu o anumită intensitate în direcția lui. Cât priveşte **excepțiile** în nici o ştiință cât de cât avansată nu există, propriu zis, ceea ce se chiamă excepții. Ceea ce se crede a fi o excepție de la un principiu este întotdeauna alt principiu, distinct, ce interferă cu primul; o altă forță ce acționează asupra primei forțe, modificându-i direcția. Nu există **<u>lege</u>** şi **<u>excepție</u>** la acea lege-legea acționând în nouăzeci şi nouă de cazuri iar excepția în unul. Ci există două legi, fiecare putând să acționează în întreaga sută de cazuri, legi ce prin acțiunea lor combinată produc un efect comun. Dacă forța care, fiind mai puțin vizibilă dintre cele două forțe, este numită forță perturbătoare, precumpăneşte îndeajuns asupra celeilalte într-un anumit caz, făcând din aceasta ceea ce în mod obişnuit se chiamă o excepție, aceeaşi forță perturbătoare acționează probabil ca o cauză modificatoare şi în multe alte cazuri, cărora nimeni nu le spune excepții” [2, 67].

Formularea ideei despre lege economică ca tendință a fost o mare realizare a lui Mill. Opinia că această concepere a legii caracterizează doar ştiințele sociale este departe de adevăr. Opinia că ar exista lege lipsită de oricare variabilă, ar semnifica o teorie absolut perfectă. Aceasta ar însemna că ea descrie clasa de

obiecte ori fenomene studiate cu o precizie de 100%. Dar aşa ceva este incredibil, iar în realitate imposibil. Doar poate mecanica astrală şi termodinamica microscopică pot fi considerate ca fiind apropiate de această stare ideală. Dar şi în fizică aceste teorii pot fi considerate doar nişte excepţii şi nu normă. În ştiinţele naturale legile la fel poartă mai degrabă un caracter – tendinţă, admit careva abateri de la principiul general. Astfel se poate spune, conchide M.Blaug, „că aproximativ toate concluziile teoretice ale ştiinţelor naturale, şi ale ştiinţelor sociale au forma de legi-tendinţe. Dar la fel este just şi ceea că între legile-tendinţe în fizică şi chimie, pe de o parte, şi practic toate afirmaţiile similare în teoria economică şi sociologie – pe de altă parte, se găseşte o prăpastie din cauza caracterului de comportare a lor” [3, 119], căci modul de manifestare a fenomenelor naturale şi cele sociale (economice) este cu totul diferit. În continuare M.Blaug într-un mod rezonabil întreabă despre Mill dacă „a fost el însuşi la fel de perfect în analiza sa a problemelor economice?” [3, 121]. Diferiţi critici şi analitici ai creaţiei lui Mill ajung la un răspuns comun – între „Eseu” şi „Logica inductivă şi deductivă”, scrise de pe poziţii filosofice şi unite prin continuitatea logico-metodologică, pe de o parte, şi „Principiile economiei politice”, pe de altă parte, nu există nimic comun sau există foarte puţin. Situaţia paradoxală constă în faptul „că Mill-economistul şi Mill-filosoful erau percepuţi ca doi oameni diferiţi,... practic aceste cărţi puteau fi scrise cu acelaşi succes de către doi autori diferiţi” [3, 126]. Acelaşi „contrast dintre teoria metodologică a lui Mill, cum ea este expusă în „Eseul” său, şi aceeaşi teorie a lui despre practica metodologică, expusă în ale sale „Principii ale economiei politice” [5, 16], a fost observat şi de Keynes. Numai că spre deosebire de metodologul contemporan M.Blaug, care consideră că „nici Mill şi nici criticii lui n-au observat nici o legătură” între aceste opere, J.N.Keynes la sfârşitul sec.XIX scria, că această necorespundere este conştientizată de Mill. În „Introducerea” la „Principiile economiei politice” Mill anunţă, că ar fi dorit să se extindă înafara cercului de probleme caracteristice economiei politice ca ştiinţă abstractă, că „în aplicările sale practice economia politică se intersectează cu multe altele ramuri ale filosofiei sociale” şi că „până în prezent n-a fost întreprinsă nici o încercare de a uni metoda practică de cercetare a economiei politice cu reprezentările teoretice avansate deja în domeniul dat ori de a stabili legături între fenomenele economice din societate cu ideile sociale performante ale contemporanietăţii” [1; 83, 84].

În acest aspect, dacă ar fi să comparăm nivelurile realizărilor metodologice atinse de economia politică şi filosofie către anii 30-40 ai secolului XIX ar trebui să recunoaştem că filosofia occidentală, prin filosofia dialectică a lui Hegel a obţinut rezultate mult mai relevante – economia politică continua să rămână la nivelul dilemei metodologice caracteristice secolului XVII, pe când filosofia, prin elaborarea metodei dialectice de gândire mersese mult înainte. Se constate-

ază că această nonconcordanță metodologică a fost depăşită puțin mai târziu de către K.Marx.

Din interpretarea contemporană a metodologiei lui Mill.

Creația lui Mill continuu s-a aflat în atenția cercetărilor. Astăzi ea prezintă nu mai puțin interes. Interesul față de creația metodologică a lui Mill nu este doar unul istoric. Despre actualitatea creației metodologice a acestui gânditor ne vorbeşte editarea în ultimii ani a Eseului „Despre definiția şi metoda economiei politice” în mai multe limbi de largă circulație, apelarea la opera milleniană nu numai ca sursă ce stă la originea metodologiei economice ci şi ca izvor de inspirație pentru metodologia contemporană („Omul economic” ca abstracție fundamentală pentru ştiința economică, divizarea economiei politice în ştiință şi artă care nu şi-a pierdut actualitatea, conştientizarea necesității, găsirii unui raport optimal în utilizarea metodelor teoretică şi empirică în cercetarea economică ştiințifică, determinarea esenței legilor economice etc.). Un gânditor original nu poate să nu provoace opinii contraversate despre sine, altfel el nu ar fi original. Aşa s-a întâmplat şi continuă să se întâmple şi cu J.S.Mill. Confuziile apar chiar începând cu determinarea locului lui Mill în lanțul cercetătorilor din domeniul metodologiei economice. Uneori ispita de a-l actualiza pe Mill este atât de mare încât el devine „mai catolic ca Papa de la Roma”. Astfel autorul Eseului devine cel mai de seamă metodolog al secolului XIX, devine fondator şi autorul principal al metodei dialectice de gândire, în comparație cu care Hegel şi Marx au doar imagini palide.

În acest aspect un interes aparte prezintă poziția savantului francez G.Bensiman, autorul articolului introductiv la ediția franceză a Eseului. Mai întâi Bensiman constatează existența unei „tradiții mileniene” în metodologia ştiinței economice, după care urmează: „De obicei, atunci când filosofii şi economiştii folosesc cuvântul „dialectic”, ei se întreabă, dacă nu ajung până la Antichitate, la Hegel sau la Marx. Probabil ei bănuiesc că Mill este adevăratul creator al metodei dialectice ca metodă ştiințifică de investigație, că el este acel care a fixat-o clar şi sistematic în limbaj, în sec. XIX” [6, 12]. Aici autorul francez întreprinde o apelare la o scriere a logicianului sovietic A.Zinoviev, conform căruia „metoda dialectică nu este altceva decât o gândire ştiințifică în condițiile în care, pentru a-l parafraza pe Marx, metodele de investigație experimentale şi empirice trebuie să cedeze poziția forței de abstracție, postulatelor teoretice şi deducțiilor aplicate unor interconexiuni schimbătoare şi complexe de relații şi procese. John Stuart Mill deja a încercat să descrie o astfel de metodă, dar dumnezeu ştie de ce nu este atribuită dialecticii” [6, 12]. În baza acestui fragment G.Bensiman trage concluzia: „Marx este un alt teoretician al metodei dialectice. Dar el face o prezentare parțială, uneori obscură” [6, 12]. Ni se creează impresia că aceste afirmații nu sunt argumentate şi ele poartă mai mult un caracter declarativ. Afir-

mațiile savantului francez despre metoda dialectică şi creația lui Marx sunt departe de adevăr şi străine realității.

În viziunea noastră ar fi neobectiv să-l urmăm pe G.Bensiman care numeşte metoda lui Mill metodă dialectică şi consideră că ea reprezintă în sine trecerea de la abstract la concret, de la concret la abstract şi apoi la verificare în sensul cum această metodă a fost tratătă de Hegel sau Marx. După noi, orice persoană, cât de cât inițiată în istoria filosofiei, cunoaşte prea bine că dialectica ca metoda filosofică de gândire a fost elaborată de filosofia idealistă germană de la sfârşitul secolului XVIII - începutul secolului XIX, în final, de către Hegel (pe fundament idealist, raționalist) şi continuată, dezvoltată şi utilizată de către Marx, îndeosebi în domeniul economiei politice şi în întreaga ştiință socială. Numai faptul cum înțelege Hegel sau acelaşi Marx „abstractul" şi „concretul" şi cum concepe aceste noțiuni Mill ne spune că între aceste conceperi nu există nimic comun.

Învățătura lui Marx despre metoda trecerii de la abstract la concret este expusă în principala şi fundamentala sa operă „Capitalul". Despre ceea ce Mill numeşte metoda inducției şi deducției (de „jos în sus" şi de „sus în jos") savantul francez spune: „Vom recunoaşte în metoda **a priori** cei doi versanți ai metodei dialectice. Trecerea de la concret la abstract şi de la abstract la concret" [6, 17]. În cazul de față avem o confundare deplină de termeni sau o încercare absolut neântemeiată de a „boteza" metoda lui Mill ca „dialectică". De ce? Deoarece tendința lui Mill de a uni metoda inductivă şi cea deductivă într-o singură metodă, numită de el *„a priori"* nu ne oferă nici un temei de a o numi metodă dialectică, chiar dacă se apelează la o cunoscuta trecere a lui Marx de la abstract la concret şi de la concret la abstract. Identificarea metodei dialectice cu unitatea inducției şi deducției întreprinse de Mill, nu are nimic cu dialectica propriu zisă. Inducția nu prezintă „concretul dialectic", iar deducția nu prezintă „abstractul" dialectic. Este bine cunoscut faptul că în Eseul lui Mill noțiunile de abstract şi concret au o altă semnificație decât cea pe care o atribuie lor G.Bensiman. La Mill noțiunile de abstract, teoretic, aprioric au acelaşi sens, sunt sinonime, după cum la el sinonime sunt termenii-concret, experimental, practic. Modul de concepere a relațiilor dintre abstract şi concret la Hegel şi Marx este altul decât la Mill. Mill cunoştea filosofia raționalistă germană de la sfârşitul sec. XVIII – începutul sec. XIX, dar n-a acceptat-o, după cum n-a acceptat nici dialectica elaborată de filosofia germană respectivă. De aceea la Mill conceperea acestor noțiuni este pur logico-formală. Mill vorbeşte despre metodele deductivă şi inductivă, a priori şi a posteriori, dar nu şi de dialectică. Interpretarea metodelor inductivă şi deductivă la el de fapt este una tradițională, el cerând să se recunoască în egală măsură capacitățile lor de cunoaştere. Dar chiar dacă ar fi să presupunem că este aşa după cum propune autorul francez (că Mill este fondatorul metodei dialectice de trecere de la abstract la concret şi invers, atunci, sau spunem că această metodă

(a lui Mill în interpretarea lui G.Bensiman) nu corespunde logicii dialectice adevărate fondată de Hegel şi Marx, sau dacă recunoaştem veridicitatea poziției autorului francez atunci va trebui să mai recunoaştem şi că prin „dialectică” se concepe „logica”, aşa cum se concepeau aceşti termini cândva, în vechime. Aceasta ar fi o eronare a adevărului istoric.

A spune că Marx dă metodei dialectice „o prezentare parțială, uneori obscură” şi încă fără a comenta spusele, aceasta este o afirmație stranie. Amintim, doar prea cunoscută frază a lui Marx, din „Introducerea” la „Manuscrisele economice din anii 1857-1859” unde el defineşte „metoda trecerii de la abstract la concret” ca justă şi unica metodă de gândire corectă prin care se realizează reflectarea teoretică (ştiințifică) a realității. Marx scrie, că trecerile de la abstract la concret „este, evident, justă din punct de vedere ştiințific. Concretul este concret pentru că reprezintă sinteza mai multor determinații, deci unitatea în diversitate. De aceea în gândire el apare ca un proces de sinteză, ca rezultat, şi nu ca un punct de plecare, deşi el reprezintă punctul de plecare real şi deci punctul de plecare al intuiției şi al reprezentării. Pe primul drum, reprezentarea concretă se volatilizează în determinații abstracte pe cel de-al doilea, determinațiile abstracte duc la reproducerea concretului cu ajutorul gândirii [7, 34].

Marx, în viziunea lui G.Bensiman, este inferior lui Mill nu numai în domeniul filosofic, ci şi în cel al ştiinței sociale în general. Autorul francez consideră că Mill şi aici este pioner, înaintând noțiunea de „stare a societății”. Această noțiune în viziunea autorului francez este fundamentală pentru ştiință. Marx a fost influențat de ea, continuă el, atâta doar cât ar fi modificat-o puțin. „Conceptul de stare a societății, scrie G.Bensiman, Marx l-a reluat pe contul său şi redescoperă pe parcurs noțiunea de structura economică a societății. Deşi el nu face decât o expunere sumară, el l-a construit, dacă îi privim opera, selectând un număr de relații economice care caracterizează economia capitalistă: proprietatea, schimbul, piața, concurența, salariatul precum şi relația de muncă. Totuşi el nu leagă direct construcția conceptului de structură economică cu dialectica, şi atunci când el o descrie sau atunci când descrie unul dintre aspectele sale..., el se opreşte la jumătate de cale al procesului de abstracție neglijând existența legilor economice universale, subtituindu-le prin „legi istorice” [6, 14].

Este destul de greu să cazi de acord cu interpretarea problemei date de către savantul francez. Marx în interpretarea dată ar fi mai degrabă un compilator al ideilor lui Mill, decât un gânditor dialectic. Creația lui Marx n-i s-ar prezenta doar ca o continuare simplă şi o extindere a ideilor fundamentale ale lui Mill. Avea perfectă dreptate P.V.Kopnin când scria: „K.Marx şi J.Mill au fost contemporani dar ei concepeau orânduirea capitalistă cu totul diferit unul de altul” [8, 128]. Specialiştii în domeniul metodologiei până în prezent apreciază înalt metodologia lui Mill fără a o actualiza prea mult. El este considerat gigant intelectual la fel ca M.Weber sau K.Marx, care au abordat problemele metodologice

ale ştiinţei economice astfel încât până azi se pot învăţa multe lucruri pe care nu le pot oferi alte lucrări ale altor autori. Cunoscutul metodolog economist D.Hausman scrie că dacă ar fi să se actualizeze limbajul şi propria teorie economică a lui Mill apoi vom obţine o poziţie, pe care o urmează majoritatea economiştilor ortodoxali, indifirent de faptul ce n-ar declara ei în discuţiile metodologice şi „dacă ar fi să modifice puţin formulările şi să se limiteze optimismul neântemeiat referitor la ceea că ştiinţa economică reiese din adevăruri fundamentale atunci concepţiile lui Mill sunt juste până în prezent” [9, 110].

Bibliografie

1. Милль Д.С. Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, ей свойственной. // Милль Д.С. Основы политической экономии с некоторым приложениями социальной философии. - Москва, 2007.
2. Mill J.S. Despre definiţia şi metoda economiei politice. // Hausman D. Filosofia ştiinţei economice. - Bucureşti, 1994
3. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. - Москва, Второе издание, 2004.
4. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. - Москва. 1995.
5. Кейнс Д.Н. Предмет и метод политической экономии. - Москва, 2007.
6. Bensiman G. Sur la méthode dialectique: et sur la connaissance économique qui lui est propre. Introduction „Sur la définition de l’economie politique: et sur la methode d’investigation qui lui est propre” – Paris, Michel Houdiard Editeur, 2003.
7. Marx K. Bazele criticii economiei politice. - Bucureşti, 1972.
8. Копнин П.В. Гносеологически и логические основы науки. – Москва, 1974.
9. Хаусман Д. Экономическая методология в двух словах. // Международная экономика и международные отношения. 1994, N3.
10. Dogan M., Pahre R. Noile ştiinţe sociale. Interpretarea disciplinelor. – Bucureşti, 1993.

Prezentat la redactie
la 5 februarie 2011

PUTEREA POLITICĂ ÎN CREA□IA AUTORILOR GRECIEI □I ROMEI ANTICE: ASPECTE TEORETICO-METODOLOGICE

Valeriu EFREMOV
Republica Moldova, Chi□inău, Universitatea "Perspectiva - INT", Catedra Rela□ii Interna□ionale □i □tiin□e Socioumane
Doctor în filozofie, conferen□iar universitar, □ef catedră

Înterpretări naive privind puterea găsim încă din perioada reprezentării mitologico-religioasă a realită□ii. La baza acestei interpretări era ira□ionalul.

Însă miturile antice în crea□ia lui Homer *Iliada* □i *Odiseia*, Heosid *Teogonia*, *Munci □i zile* tot mai evident î□i pierd caracterul sacrimental □i încep să capete o interpretare etică, juridico-politică. În expunerea lor lupta zeilor pentru putere asupra lumii □i alternan□a zeilor supremi la putere (Uran – Cronus - Zeus) era înso□ită de schimbarea principiilor guvernării □i exercitării puterii lor care se manifesta nu numai între rela□iile dintre zei, dar □i în rela□iile fa□ă de oameni, în toată ordinea, formele □i regulile vie□ii sociale pămînte□ti.

Astfel s-a îrădăcinat destul de influentă afirma□ia precum că izvoarele echită□ii, legită□ii □i vie□ii polisulului sunt legate de instaurarea puterii zeilor de pe Olimp în frunte cu Zeus.

În poemele lui Homer Zeus, din punct de vedere etico-juridic, se prezintă ca apărător suprem a echită□ii generale (*dike*) care pedepse□te cu severitate pe acei care admit violen□a □i judecata inechitabilă.

Folosirea de către Homer a no□iunilor "*dike*" (echitate) □i "*temis*" (obicei, dreptul obi□nuit) este destul de esen□ială pentru a caracteriza în□elegerea dreptului în acea perioadă istorică pentru orînduirea Greciei. *Dike* la Homer este baza □i principiului obiceiului, dreptului obi□nuit (*temis*); *temis* este o concretizare cunoscută a echită□ii eterne (*dike*), prezen□a ei, manifestarea ei □i respectarea ei în rela□iile dintre oameni.

Ideile dreptului □i a unei orînduiri echitabile are o mai mare importan□ă în crea□ia lui Heosid [1, 34-44].

Încercările lui Homer □i Hesiod de a ra□ionaliza imagina□iile cu privire la ordinea etică, juridico-etică în rela□iile dintre oameni sunt dezvoltate de urma□ii acestora.

Prin secolul V-IV ÎC, în Grecia Antică, cînd are loc ra□ionalizarea interpretării realită□ii, putem afirma, că în această perioadă istorică se pun bazele teoretico-metodologice a naturii puterii. La explicarea ra□ională a naturii, esen□ei ei evedien□ierea trăsăturilor, particularită□ilor puterii contribuie filozofia. Anume în această perioadă întîlnim o reprezentare filozofică privind politica □i puterea. Contribuie esen□ial la aceasta Platon □i Aristotel. Ideile despre putere □i

politică se oformează conceptual, primesc un caracter sistemic în opozi□ie cu ideile precedente expuse în Grecia Antică.

În învă□ăturile lui Platon □i Aristotel cu privire la putere putem evedien□a cîteva aspecte metodologice comune. Platon □i Aristotel existen□a ontologică a puterii o corelează cu un început cosmic divin care în mare măsură determină modurile de existen□ă a oamenilor ca fiin□e înzestrate cu ra□iune. Însă evedien□ierea acestei interdependen□e nicidecum nu neagă faptul prezen□ei la oameni a unei voin□e libere, voin□ă, care trebuie să poarte cu precădere un caracter orientat teologic, orientat spre a cunoa□te adevărul divin □i spre autoperfec□iune.

Platon □i Aristotel percep puterea sub două aspecte. *În primul rînd*, drept un factor dependent de rela□iile politice constituite, iar, *în al doilea rînd*, drept un mijloc eficient prin intermediul căruiea în mod corespunzător se poate influen□a asupra caracterului proceselor din societate. O aten□ie deosebită este acordată rela□iei dintre filozofie □i politică, filozofie □i putere.

La Platon justificarea necesită□ii interdependen□ei filozofiei □i puterei apare ca o cerin□ă obligatorie de care trebuie să □inem cont la organizarea vie□ii publice. Una din direc□iile privind eliminarea imperfec□iunilor □i viciilor statului Platon o vedea în atragerea filozofilor la exercitarea puterii, în liantul cuno□tin□elor filozofice cu puterea. Această cerin□ă din plin î□i găse□te argumentarea în învă□ătura lui Platon despre statul ideal. "Atît timp cît în state nu vor domni filozofii, sau a□a numi□ii împăra□i □i vlădicii nu vor începe mărinimos □i fundamental a filozofa □i aceasta nu se va contopi ca un tot întreg cu puterea de stat □i filozofia, □i atît timp cît nu vor fi destitui□i în mod obligatoriu acei oameni – iar ei sunt mul□i, - care acum separat tind sau la putere, sau la filozofie, pînă atunci... statele nu vor scăpa de rele" [2, 275], - men□ionează Platon.

Aristotel apreciează cuno□tin□ele filozofice drept un element necesar a procesului cognitiv, drept o treaptă metodologică specifică a studiului problemelor □tiin□ifice. Aristotel insistă ca problemele politicii să fie studiate din punctul de vedere a filozofiei politice. "Dacă scopul final al tuturor □tiin□ilor □i artelor, - men□ionează Aristotel, - este binele, atunci binele suprem este scopul predominant a celei mai principale dintre toate □tiin□ile □i artele, □i anume, a politicii. Bunul public este echitatea, adică aceea ce serve□te binelui comun. Din punct de vedere a unei viziuni generale echitatea este o anumită egalitate; această situa□ie pînă la o anumită măsură corespunde specula□iilor filozofice în care se analizează problemele etice. Unii afirmă că echitatea este ceva care are atitudine fa□ă de personalitate □i că egalii trebuie să aibă egal. Însă nu trebuie să lăsăm fără explica□ie în ce constă egalitatea □i în ce constă inegalitatea; această întrebare este dificilă, □i în acela□i timp □ine de domeniul filozofiei politice" [3, 114].

Apud Aristotel politica este în stare din plin să realizeze poten□ialul rezonabil al oamenilor. Realzarea acestu scop depinde de mai multe împrejurări, însă □inerea în vizor a acestei perspective, orientarea con□tientă spre ea, determină esen□a destina□iei politicii, deci, prin urmare, □i a puterii.

În accep□iunea lui Platon □i Aristotel puterea trebuie să se sprigine pe o temelie echitabilă. Pe acest principiu are loc clasificarea formelor de guvernare drepte □i nedrepte (mai bune □i mai rele). Platon arangează formele de guvernare în ordinea coruperii lor. Deci după Platon există o legitate a schimbării formelor de guvernare. Aristotel se conduce de acela□i principiu însă la el întîlnim o altă dependen□ă dintre formele corecte □i incorecte.

Echitatea puteri este în□eleasă ca un principiu metodologic care determină baza calitativă a existen□ei puterii. Echitabilă este puterea a cărui scop suprem este grija fa□ă de cetă□eni polisului.

În opozi□ie cu echitatea inechitatea este privită ca un factor bazat pe interesele egoiste, carieriste a oamenilor, setea lor de putere. Platon consideră că în via□a reală a societă□ii întotdeauna există un număr considerabil de oameni care în cazul existen□ei unor condi□ii □i posibilită□i sunt predispu□i spre inechitate. Deaceea sunt necesare mecanisme de îngrădire a unor asemenea tendin□e. Mai mult ca atît, Platon insistă asupra faptului ca oamenii echitabili, care în cele mai multe cazuri se străduie să evite exercitarea func□iilor de putere, să fie impu□i, obliga□i la exercitarea acestor func□ii.

Platon □i Aristotel consideră că organizarea politică a societă□ii trebuie să se bazeze pe un început ra□ional. Pe prim plan trebuie să stea interesele polisului care să asigure bunăstarea cetă□enilor. Solu□ionarea eficientă, optimală a acestei probleme o vedeau prin armonizarea intereselor statului, familiei □i intereselor personale.

De men□ionat că Platon printre primii în aspect □tiin□ifico-filozofica pune □i cercetează problema "*diferen□ierii muncii*". Este un mare merit al filozofului. Însă, considerăm, că absolutizarea acestui principiu, ca una din condi□iile principale, prin intermediul căreiea se asigură echitatea rela□iilor sociale, desăvîr□irea orînduirii statale, a dus la o tratare exagerată unilaterală a acestui factor ce □i-a găsit materializarea în construc□ia statului ideal.

Cercetînd factorii care asigură stabilitatea orînduirii statale, Platon □i Aristotel ajung la diferite puncte de vedere. Platon se axează pe virtu□i □i diferen□ierea muncii pe care trebuie să se sprigine statul în activitatea sa. Aceste virtu□i sunt: în□elepciunea, bărbă□ia, discernămîntul, echitatea. Aristotel, însă, î□i concentrează cercetarea pe construc□ia puterii. Apud Aristotel cea mai stabilă formă de guvernare va fi acea în care puterea se află în mîinile clasei mijlocii sau cînd în structura puterii sunt reprezentate interesele claselor sau păturilor sociale principale a societă□ii (forma mixtă de guvernare). În *Politica* lui Aristotel descoperim ideea divizării puterilor în stat

care men□ionează că în orice orînduire statală există trei păr□i componente. "De la starea excelentă a acestor păr□i depinde □i starea minunată a orînduirii statale; dar □i însă□i deosebirea unor tipuri a orînduirilor statale este determinatăde construc□ia diferităa fiecărei din păr□i.Iată aceste păr□i: **prima** – organul consultativ legislativ care examinează treburile statului, **a doua parte** – func□iile (anume ce func□ii trebuie să existe în genere, ce domenii trebuie să cuprindă, care trebuie să fie modul lo de suplinire), **a treiea parte** – organele jidiciare" [4, 154].

În mod specific în□eleg geneza statului Platon □i Aristotel. Judecă□ile lui Platon privind acest fenomen sunt contraversate. *Pe de o parte*, Platon vorbe□te despre provenien□a divină a statului, iar, *pe de altă parte*, Platon prive□te statul ca rezultat al în□elegerii între oameni.

Apud Aristotel statul are o geneză naturală. Elementele statului sunt familia □i a□ezările săte□ti. Aristotel vede priciniile apari□iei statului în evolu□ia vie□ii sociale care are o temelie naturală. O asemenea abordare are impactul său privind în□elegerea puterii. Dacă la Platon analiza puterii poartă în mare măsură un caracter speculativ, atunci la Aristotel puterea este privită din perspectiva existen□ei sale reale.

În concluzie, este necesar să men□ionăm următoarele. Mo□tenirea □tiin□ifică a lui Platon □i Aristotel are pentru noi o mare importan□ă teoretico-metodologică în cercetarea problemei noastre. În plan metodologic prezintă interes analiza esen□ei puterii, în□elegerea rolului ei în organizarea statulu, formelor de guvenare. De□i există □i unele contradic□ii, ideile expuse de către Platon □i Aristotel cu privire la formele desăvîr□ite a orînduirilor de stat au o însemnătate metodologică. *În primul rînd*, prin încercarea de a argumenta "*dreptul*" ra□iunii, începutului ra□ional, prioritatea acestuiea în cauza edificării unei construc□ii a puterii desăvîr□ite a statului □i, *în al doilea rînd*, prin necisitatea realizării cu un anumit scop a organizării activită□ii puterii. "Polisul antic a dat na□tere la multe inova□ii civilizate, însă cea mai importantă a fost constituirea □tiin□ei ra□ionale □i □tiin□ei teoretice □i a experien□ei democratice de reglementare a rela□iilor sociale. Aceste descoperiri unicale au fost premisa viitorului tip nou a progresului civilizat" [5, 16].

Platon □i Aristotel folosesc un vast instrumentariu de cercetare: abordarea concretă □i abstractă, induc□ia □i deduc□ia, sinteza □i analiza, metoda comparată □i analiza sistemică.

Polybius analizează puterea □i statul fiind influen□at de ideile lui Platon □i Aristotel. Polybius dă o clasificare a evolu□iei dezvoltării statului. Apud Polybius oamenii la început trăiau răzle□, dar, supunîndu-se legii naturii, o dată cu cre□terea numărului lor, se unesc într-o turmă. Această etapă marchează prima fază a formării statului, etapă la care resursă dominantă a puterii era for□a fizică. În procesul evolu□iei sale statul se schimbă calitativ în direc□ia

formării unor reprezentări etice care încep a juca un rol dominant în via□a statului.

Polybius înaintează principiul general de dezvoltare a evenimentelor ca manifestare a "*soartei istorice*" la baza căreia se află legea generală □i ra□iunea universală. Apud Polybius forma statului reprezintă puterea supremă în stat. Polybius, precum Platon □i Aristotel evedien□ează □ase forme de guvernare: trei corecte (împără□ia, aristocra□ia □i democra□ia) □i trei incorecte (tirania, ologarhia □i ohlocra□ia). Pentru formele corecte sunt caracteristice lini□tea, armonia dintre guvernan□i □i supu□i, domina□ia bunurilor obicee □i a legii. Formele incorecte de guvernare sunt nu altceva decît formele corupte a celor bune. Comun pentru aceste forme este fărădelegea, nedreptatea, răutatea.

Pentru Polybius un interes deosebit prezintă obiceiurile, legile, religia, organizarea ra□ională a statului - factori care asigură durabilitatea □i stabilitatea statului. Apud Polybius existen□a acetor factori nu asigură durabilitatea □i stabilitatea statului. Pentru aceasta este necesară forma corespunzătoare de guvernare a statului. Consideră că corespunde acestei sarcini forma mixtă de guvernare care ar îmbina tot ce este mai bun de la puterea imperială, aristocratică □i democratică. Forma durabilă de guvernare permite de a prevedea viitorul dezvoltării proceselor politice □i va permite ca la timp să se facă corectările necesare în activitatea autorită□ilor.

Polybius consideră că în orice stat există contradic□ii interne precum □i for□e cointeresate în degradarea □i scimbarea formei de guvernare existente. În via□a prosperă a statului sunt ascunse nu mici, dacă nu mai mari pericole ce duc la degradarea lui. În legătură cu aceasta Polybius scrie: "În cazul în care statul a □inut piept multor pericole □i apoi a atins o suprioritate □i putere absolută, atunci iesă că modul de via□ă a fiecăruiea în parte devine tot mai atrăgător fiindcă în stat în întregime se răspînde□te bogă□ia □i oamenii începep a cere onoruri □i func□ii cu o insa□iabilă ambi□ie. În continuare patima de a domina, ambi□ia □i cupiditatea duc la o via□ă privată trufa□ă pompoasă □i la începutul degradării generale" [6, 57].

Apărînd în mod natural, în conformitate cu cerin□ele naturii, statul trece prin stadii de cre□tere □i declin. Ciclul complet de schimbare a formelor de guvernare reprezintă un cerc închis. Ordinea schimbării formelor de guvarnare este următoarea: regatul – tirania – aristocra□ia - oligarhia – democra□ia – ohlocra□ia. Ohlocra□ia de parcă aduce oamenii la starea ini□ială prestatală. O asemenea interpretare a schimbării formelor de guvernare anticipează efectuarea în continuare a căutărilor bazelor □tiin□ifice care permit de a în□elege mecanismul intern ce se află la baza scimbărilor politice. În plan metodologic prezintă interes analiza factorilor care asigură starea stabilă a statului. În□elegerea contradictorie a naturii puterii ne pare destul de productivă □i

importantă din punct de vedere metodologic. Nu mai pu□in interes prezintă □i ideea ciclului în evolu□ia formelor de guvernare.

Apud Cicero statul apare în mod natural în conformitate cu *"legea adevărată*" a naturii căruiea se conformează oamenii. Aceasta se manifestă în tendin□a oamenilor de a conve□ui, de a comunica unul cu altul. Fundamentul *"legii adevărate*" este ra□iunea universală de provenien□ă divină. "Legea adevărată este o stare ra□ională ce se extinde asupra tuturor oamenilor, constantă, eternă, care cheamă la îndeplinirea datoriei..." [7, 117].

Apar□ia statului □i predestinarea divină nu se contrazic, acesta apud Polybius este un proces unic. Totodată Polybius nu neagă faptul libertă□ii voin□ei oamenilor □i consideră că un rol esen□ial în apari□ia statului îl joacă poporul, deaceaea statulul, într-un anumir sens, este o organiza□ie artificială. Cicero, statul ca "*patrimoniu a poporului*" îl defin□te *respublica* (republică). □i are în vedere statul roman. Merită o deosebită aten□ie trăsăturile distincte ale poporului în accep□iunea lui Cicero: *unirea a mai multor oameni; concordia în chestiunile de drept; interese comune.* Din punct de vedere al limbajului contemporan, Cicero vede poporul drept o forma□iune sistemică integră, forma organiza□ională a căreia este determinată de orînduirea statală corespunzătoare. Temelia formelor de guvernare o determină orînduirea puterii. Cicero distinge formele de guvernare prin analiza cantitaivă □i calitativă a lor. El distinge forme de guvernare corecte (bune) □i incorecte (rele). Cele corecte în accep□iunea lui sunt puterea regală, aristocra□ia, puterea poporului (democra□ia). Fiecare dintre ele are, atît păr□i pozitive, cît □i păr□i negative. Însă, literalmente, nici una dintre ele nu este desăvîr□ită. Neajunsul formelor de guvernare incorecte (tirania, oligarhia □i dictatura) constă în faptul că ele nu au calită□i pozitive în opozi□ie cu cele corecte, generînd în societate neechitatea □i discordia. De□i Cicero consideră dictatura ca una din formele rele de guvernare, nu exclude în acela□i timp instaurarea ei, dacă este o necesitate în folosul statului.

Apud Cicero cea mai bună orînduire de guvernare este aceea, care cu respectarea în modul cuvenit, este constituită din trei componente ale puterii: imperială, aristocrată □i populară.

Cicero consideră că o astfel de putere nu va provoca du□mănie, va permite cu mai multă în□elegere a rezolva chestiunile de stat. Ideea aristotelică cu privire la forma mixtă de guvernare (*politeia*) î□i găse□te materializarea în realitatea statului roman. Această abordare ne sugerează ideea că în construc□ia puterii statale trebuie să se □ină cont de interesele tuturor grupurilor sociale principale a societă□ii.

Echitatea în accep□iunea ciceriană este în□eleasă în termeni axiologici, drept o cerin□ă care obligă de a nu pricinui rău altor oameni □i de a nu atenta la proprietatea lor. "Echitatea ne înva□ă să cru□ăm pe to□i, să avem grijă de

oameni, a da fiecăruiea ce i se cuvine, să nu se atingă orice lucru consacrat zeilor, propreitatea de stat sau străină" [7, 114].

Ce este echitabil fa□ă de o persoană aparte este echitabil □i fa□ă de popoare. Apud Cicero cea mai mare inechiate este de a a□tepta răsplată pentru echitate.

În accep□iunea lui Cicero dreptul natural apare înainte de legile scrise. Criteriu al echită□ii sau inechită□ii legilor adoptate de oameni este corespunderea sau necorespunderea lor cu dreptul natural.

Chestiunea privind rolul func□ionarului de stat, □efului statului, idealurile cetă□eanului ocupă un loc deosebit în cercetarea lui Cicero. Pe prim plan în rezolvarea ei Cicero pune interesele de stat, slujind cărora este privită drept îndeplinirea datoriei civice. Cerin□ele etice cu privire îa îndeplinirea obliga□iunilor sale civile sunt privite drept un instrument regulatoriu a rela□iilor politice. Cicero izvorului puterii în societate îi atrivuie locul unui element intermediar între adevărurile divine eterne, neschimbătoare □i existen□a reală a statului. La baza în□elegerii cetă□eniei, locul omului în stat stă în□elegerea specifică a lui Cicero cu privire la predistina□ia universală a Romei, realizările ei în organizarea vie□ii politice.

În concluzie, vom men□iona că meritul lui Cicero în compara□ie cu predecesorii săi constă în faptul că el nu numai că a încercat să cerceteze teoretic problemele interac□iunii politice în societate, ci □i insista asupra necisită□ii aplicării practice a cuno□tin□elor ob□inute, a încercat să unească teoria politică cu practica. Cicero ajunge la concluzia că este necesară □tiin□a despre putere. În□elegînd contradic□ia internă a formelor de guvernare, Cicero ajunge la conluzia necisită□ii formei mixte de guvernare (nu este altceva decît o extrapolare a ideei aristotelene despre forma mixtă de guvernare ajustată la realitaea Romei). Cicero de asemenea în□elege rolul sursei ra□ionale în reglementarea vie□ii sociale. Cicero se pronun□ă pentru distribuirea clară a func□iilor de putere □i a obliga□iilor de stat. Consideră că legea trebuie să ocupe un loc dominant în stat, iar sub inciden□a legii trebuie să "*nimerească to□i*". Legea trebuie să reglementeze via□a de stat □i rela□iile de putere. Învă□ătura lui Cicero despre stat, putere, drept stă la baza în□elegerii sistemice a existen□ei omului, în care în mod armonios trebuie să se unească izvoarele divin, natural □i statal.

Bibliografie

1. Нерсесянц В.С. История правовых и политических учений. - Москва, 1978.
2. Платон. Государство. // Платон. Сочинения. В 3 томах. Т.3. Ч.1. – Москва, 1971.
3. Аристотель. Политика. Афинская полития. - Москва, 1997.

4. Степин В.С. Философия и образы будущего. // Вопросы философии. 1994, №6.
5. Полибий. Всемирная история. В 3 томах. Т.1, кн.6. - Санкт-Петербург, 1994.
6. Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. - Москва, 1999.
7. Политология: Хрестоматия. – Санкт-Петербург, 2006.
8. История политических и правовых учений: учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. В.И.Власова. – Ростов н/Дону, 2004.
9. Влияние мифологии на становление эстетических взглядов. – http://libsib.ru/estetika/estetika-kak-nauka-osnovnie-etapi-razvitiya-esteticheskoy-misli/vliyanie-mifologii-na-stanovlenie-esteticheskich-vzglyadov
10. Гомер. Илиада. - www. мythology.ru
11. Гомер. Одиссея. - www. мythology.ru
12. Гесиод. Полное собрание текстов: Теогония; Труды и дни. Щит Геракла: фрагменты. - http://www.mdk-arbat.ru/bookcard?book_id=268527
13. Лосев А.Ф. О Гомере. - http://annals.xlegio.ru/greece/losev/homer00.htm
14. Ницше Ф. Гомер и классическая филология. - http://www.nietzsche.ru/works/other/gomer/
15. Предшественники первых философов. - http://annals.xlegio.ru/greece/losev/homer00.htm
16. Сравнительный анализ космогонических мифов, изложенных в произведениях Гомера, Гесиода и орфических теогониях. - http://refsbank.infoworks.ru/material_25824.html

Prezentat la redactie
la 2 decembrie 2010

Recenzent - **Iulia GORINCIOI**, doctor in filosofie, conferentiar universitar

CONCEPTUL „DREPTURILE OMULUI” ÎN PRAGUL NOULUI MILENIU: ABORDARE TEORETICO-METODOLOGICĂ

Valeriu EFREMOV
Republica Moldova, Chi□inău, Universitatea "Perspectiva - INT", Catedra Rela□ii Interna□ionale □i □tiin□e Socioumane
Doctor în filozofie, conferen□iar universitar, □ef-catedră

Valeriu MO□NEAGA
Republica Moldova, Chi□inău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relatii Internationale, Stiinte Politice si Administrative, catedra Stiinte Politice
Doctor habilitat in stiinte politice, profesor universitar, sef-catedra

On 10 December 2011 will mark 63 years since the proclamation of the Universal Declaration of Human Rights.

From Magna Charta Libertatum (England 1215), declaration of human rights and citizen in 1789, The International Covenant of Human Rights (1966) was a burdensome, but ultimately constructive. Analysing this historic journey of becoming human rights, we see that they were always dynamic and remains to be in continued transformation. Throughout history, we see the following trend: that today we do not have a big distinction between natural rights and positive human rights. Human natural obtain a status of positive rights. They also found reflection in the Constitution. They are guaranteed at the same time are indicated in the conditions under which these rights can be limited (Constitution of the Republic of Moldova, art.54).

Today, the issue of rights should be seen as another angle of view, namely, the relationship state - society.

La 10 decembrie 2011 vom marca 63 de ani de la proclamarea Declarației universale a drepturilor omului.

De la gânditorii antici, de la Magna Charta Libertatum (Anglia 1215), Declarația drepturilor omului şi ale cetățeanului din 1789 (text votat de Adunarea națională franceză, de ideea constituționalismului şi până la adoptarea DUDO, Convenției europene a drepturilor omului şi libertăților fundamentale (1950), Pactului internațional al drepturilor omului (1966) a fost o cale anevoioasă, dar în final constructivă. Analizând acest drum istoric al devenirii drepturilor omului, observăm că ele au fost mereu în dinamică, supuse unor revedincări esențiale. Şi rămân a fi în continuă transformare. Asemeni fenomene precum globalizarea, trecerea cât mai masivă a statelor pe făgaşul posibilităților economiei de piață, tendințele tot mai evidente liberal-democratice, contribuie la creşterea cuantumului drepturilor şi subiecților lui. Tot mai hotărâtoare, influentă asupra legis-

latorilor are societatea civilă. Nu întâmplător Parlamentul Republicii Moldova a adoptat acum cinci ani în urmă Concepția privind colaborarea Parlamentului cu societatea civilă. În această direcție putem menționa şi crearea pe lângă Guvernul Republicii Moldova a Consiliului Național consultativ care urmăreşte scopul de a armoniza legislația națională cu interesele reale ale societății. Trebuie de accentuat că în spațiul CSI Republica Moldova, ba chiar şi European, este un pioner în această direcție. Statul prin aceste acțiuni demonstrează că fără o societate civilă dezvoltată nu poate exista un stat de drept, o democrație liberală, o înaltă cultură democratică. Conferința practico-ştiințifică din 18 octombrie 2008 organizată de Universitatea „Perspectiva - INT” în colaborare cu Parlamentul Republicii Moldova şi societatea civilă cu genericul „Rolul societății civile în implementarea Concepției politicii naționale a Republicii Moldova” confirmă acest deziterat. Sute de ONG-uri (la 1 ianuarie 2011 erau înregistrate peste 8000) în Moldova în domeniul drepturilor omului. Despre activitatea lor rodnică ne vorbesc rezultatele obținute de acestea la CEDO, în instanțele judecătoreşti din republică.

Cea mai generală clasificare a drepturilor omului este cea în drepturi individuale şi drepturi colective. Din această categorie fac parte:

1) Dreptul la integritate fizică şi mintală; încadrează dreptul la viață, dreptul la libertate şi securitatea personală, inclusiv interzicerea torturii şi a tratamentelor crud inumane, interzicerea sclaviei, a servituției şi a muncii forțate, interzicerea arestării arbitrare sau a privării abuziv de libertate.

2) Dreptul la justiție în condițiile stabilite de lege, judecată echitabilă în caz de acte delictuoase, dreptul la asistență din partea unui apărător, neretroactivitatea legii.

3) Drepturi privitoare la viața privată de familie: dreptul la respectarea vieții private, dreptul la respectarea şi la protejarea familiei.

4) Drepturi politice: dreptul de a participa la conducerea treburilor publice, dreptul de a alege, de a fi ales.

5) Drepturi sociale, economice şi culturale: dreptul la muncă, dreptul la un nivel de viață suficient, la securitate socială, la servicii de sănătate, la cultură.

6) Dreptul la conştiință şi acțiune: libertatea de opinie, de exprimare şi religioasă; libertatea întrunirilor paşnice, de a constitui sindicate şi alte organizații şi societăți şi de a adera la ele; libertatea de circulație.

7) Principiul egalității în drepturi şi al nediscriminării.

Din a doua categorie fac parte: dreptul persoanelor de a dispune de ele însele, dreptul la suveranitate permanentă asupra resurselor naturale etc.

Astfel, putem face concluzia că noi deosebim astfel de drepturi: drepturile naturale, inalienabile ale omului (dreptul la viață, proprietate, libertate, libertatea conştiinței etc); aşa numitele drepturi pozitive (dăruite de către stat, în numele societății), drepturi social-conomice, politice. Deci, o parte din ele sunt da-

te omului şi cetăţeanului, precum ar fi dreptul la ocrotirea sănătăţii, iar o altă parte numai cetăţeanului – drepturi politice, dreptul de a se asocia în partide şi mişcări social-politice etc.

Epistema, sau numită altfel, paradigma (noţiune introdusă în circuitul ştiinţific de către T.Kun) privind drepturile naturale, inalienabile ale omului (J.Locke etc.) a fost o mare victorie a gândirii democratice în lupta crâncenă cu absolutismul. Aceste drepturi sânt stipulate şi în Constituţia Republicii Moldova (art.46, alin (1)).

Ce putem spune, privind de poziţiile de azi despre aceste drepturi? Ele au avut şi locurile sale destul de slabe, dat fiind faptul că caracterul lor abstract lea făcut să fie destul de vulnerabile, ba chiar şi îngrădite. În afirmarea acestei teze putem menţiona, spre exemplu, dreptul la viaţă. Omul, printr-o hotărâre judecătorească, putea fi căznit la moarte. În ţările musulmane acestă sentinţă poate fi pronunţată de către biserică ca organ al statului. Dar, mai există azi şi paradoxul că pe lângă dreptul la viaţă considerat inalienabil în multe ţări mai există sentinta cu moartea sau aşa numita eutanasie.[1] Vom menţiona şi următoarele. În unele ţări, prin lege unele instituţii medicale, părinţii, ba chiar şi persoanele care nu pot fi tratate de boli grave, se pot lipsi de viaţă prin hotărîrea consiliului medical, consimţămîntul părinţilor şi la propria rugăminte.

În Olanda, de la 1 ianuarie 2001 a întrat în vigoare legea despre eutanasie. Dar şi până la adoptarea acestei legi medicii olandezi ajutau persoanele grav bolnave să plece din viaţă. Spre exemplu, în 1999 în Olanda cu ajutorul medicilor au plecat în lumea celor drepţi 2216 oameni. În această ţară există şi o organizaţie obştească „Societatea olandeză în susţinerea eutanasiei" care numără peste 100.000 de membri [2, 17].

Dar trebuie de menţionat că şi aşa drepturi precum dreptul la proprietate, libertate, libera circulaţie etc, considerate inalienabile, erau înstrăinate, îngrădite.

În unele ţări, în Legea fundamentală, inclusiv în Republica Moldova, inviolabilităţii şi sacralităţii propirietăţii private i se atribuie o funcţie socială, care trebuie să servească intereselor obşteşti şi poate fi naţionalizată numai în mod legal - prin adoptarea unei legi de către parlament sau prin despăgubire. În aşa ţări precum în Germania, Spania, Italia, Portugalia, Brazilia, Polonia în Constituţiile noi este stipulat că proprietatea privată are şi funcţii sociale care trebuie să slujească intereselor publice. Asemeni lucruri prevede şi Constituţia Republicii Moldova (art.46, alin.(2)). Drept exemple putem numi construcţia căilor ferate Chişinău – Căinari, Cahul – Giurgiuleşti.Vom menţiona că în Franţa pe timpul preşedinţiei lui Ch. de Gaulle, în Marea Britanie în timpul când în fruntea cabinetului de miniştri se afla M.Thatcher au avut loc procese de naţionalizare.

---

[1] ***Eutanasíe*** *- 1. Moarte fără dureri. 2. Metodă de provocare a unei morţi nedureroase unui bolnav incurabil, pentru a-i curma o suferinţă îndelungată şi grea.*

Naţionalizarea a avut şi continuă să aibă loc în multe state occidentale democratice. Ba chiar observăm şi unele elemente de planificare a economiei. Aşa că şi principiile liberale „statul - minim” suferă azi unele schimbări dictate de modernizarea politică a societăţii.

Vom aduce aminte că individualiştii, adepţi ai drepturilor naturale, menţionau că libertatea unuia ia sfîrşit acolo unde începe libertatea altuia. Pactul internaţional cu privire la drepturile omului (1966) priveşte altfel lucrurile. În primplan se pun interese publice, colectiviste.

Pe parcursul istoriei, observăm următoarea tendinţă: că azi nu avem o mare deosebire dintre drepturile naturale şi cele pozitive ale omului. Drepturile naturale obţin un statut de drepturi pozitive. Ele şi-au găsit reflectarea în Constituţii. Ele sunt garantate şi în acelaşi timp sunt indicate în condiţiile în care aceste drepturi pot fi limitate (Constituţia Republicii Moldova, art.54).

Astăzi, problema drepturilor trebuie privită sub un alt unghi de vedere şi anume, în relaţia ***stat – societate.***

În multe ţări ale lumii în a doua jumătate a secolului al XX-lea valorile general-umane au fost consfinţite în Legea supremă a ţării. Vom menţiona câteva dintre ele: dreptul omului la o existenţă destoinică, echitatea socială, îmbinarea reglementării de stat cu autoreglementarea societăţii, etc. Dat fiind faptul că aceste drepturi sunt cu un caracter abstract, ele îşi găsesc concretizarea în diferite acte legislative ale diferitor state, inclusiv în cele din Republica Moldova, precum ar fi stabilirea unui minimum de existenţă, plata minimă a muncii, îndemnizaţii sociale, compensaţii nominative, ajutor social, asigurarea cu pensii etc.

Nomenclatorul drepturilor se lărgeşte permanent. Aceste schimbări sunt dictate de realitatea obiectivă a dezvoltării societăţii, sferei sociale care contribuie la schimbarea valorilor ce stau la baza drepturilor omului. Are loc schimbarea conţinutului, formelor, numărului şi a funcţiilor dreptului, creşte specializarea influenţei lor asupra mediului înconjurător. Drepturile omului tot mai mult sunt ajustate la spaţiul vital crescând. Realizările ştiinţifice contribuie la creşterea bazei metodologice. În rezultat, şi mai fundamentale devin înterpretările privind diferite aspecte ale protejării drepturilor omului. Analiza rezultatelor aplicării dreptului în practica de toate zilele au contribuit, în mare măsura, la evoluţia teoriei dreptului omului. Investigările ştiinţifice în sfera dreptului şi însăşi practica zi de zi deschide tot mai multe domenii de reglementare juridică.

Studiind epistemele (paradigmele) dreptului omului descoperim evident şi amprentele („imaginea fotografică”) epocilor istorice concrete şi metodologia care a stat la baza elaborării lor. Însă, genetic drepturile au o legătură organică dintre realizările în domeniul conceperii şi reglementării lor în epocile precedente.

Evoluția drepturilor poate fi văzută dacă privim la acest proces prin prisma epistemelor (paradigmelor) în baza cărora luau naştere concepții generale privind drepturile omului în diferite etape istorice.

Cercetătorii în domeniul evoluției drepturilor omului, de regulă, evidențiază trei etape principale, trei episteme (paradigme) care au stat la baza formării şi evoluției conceptului privind drepturile omului: epistema clasică (numită şi individualistă); epistema neclasică (numită şi solidară) şi epistema postneclasică (contemporană, culturologică).

Fiecare epistemă organic integrează concepțiile ştiințifice care reflectau interpretările respective ale epocii istorice concrete privind drepturile omului. Epistema drepturilor omului reprezintă o formă concretă a organizării cunoştințelor ştiințifice privind drepturile omului drept un fenomen social care ne dă o interpretare integră privind legitățile, legăturile structurale, funcționale, genetice ale drepturilor. Fiecare epistemă este limitată de un anumit orizont conceptual, obiect şi metode specifice de interpretare. Aceste episteme au o mare însemnătate metodologică în analiza evoluției conceptului despre drepturile omului.

Şi anume. Epistema clasică (individualistă) a drepturilor omului apare la sfîrşitul secolului al XIX-lea în cultura Occidentală. Această etapă nouă încearcă să reflecte în drepturile omului procesele industrializării şi modernizării societății. Sub alt unghi este privită esența, natura individului. El este recunoscut drept proprietar particular, liber, un individ întreprinzător în sistemul relațiilor crescânde capitaliste, a economiei de piață.

Epistema neclasică (solidară) apare la începutul secolului al XX-lea drept răspuns la necesitatea societății şi individului privind ridicarea gradului de socializare a legăturilor obşteşti.

Vom atrage atenția că adepții liberalismului şi neoliberalismului tind spre epistema individualistă a drepturilor omului. Reprezentanții socialismului şi a social-democrației sunt copleşiți de epistema solidarității. Epistema universalistă se bazează pe sinteza, integritatea, complexitatea interpretărilor drepturilor omului.

Epistema individualistă se limita numai la prezentarea juridică a drepturilor. Epistema solidară admite existența a două ramuri ale drepturilor: drepturi ce au o natură juridică, care pot fi protejate prin proceduri judecătoreşti şi un grup de drepturi sociale care este un rezultat al ajutorului reciproc al oamenilor şi a unei activități anumite a stattului. Interpretarea universalistă care ține cont de diversitatea culturală a popoarelor priveşte drepturile omului în sensul general-uman.

Epistema clasică are drept componente principale ale drepturilor omului ideile individualismului, teze natural-juridice ale pozitivizmului şi liberalismului. Cunoştințele acestei episteme descriu drepturile ca aparținând omului / persoanei, care are o existență de sine-stătătoare inclusiv în afara societății. Drepturile formează autoconştiința şi responsibilitatea omului. Tabloul clasic al drepturilor

rilor omului vede în calitate de deţinător al lor subiecţi puternici, independenţi, energici. Drepturile în acest model se subînţeleg drept posibilităţi ale individului care reies din spiritul de întreprinzător, de iniţiativă.

Catalogul drepturilor clasice este limitat prioritar de asanmblul libertăţilor personale şi politice care au o coloratură clară individualistă. Aceste drepturi permit subiectului să se protejeze de oameni şi de stat. Principiile de bază şi destul de abstracte ale drepturilor clasice sunt: individualismul, libertatea şi autonomia individului.

În ştiinţa clasică drepturile omului sunt naturale, inalienabile, sunt interpretate drept obiect - urmare a naşterii omului, reflectă principiile lui constituitive şi condiţiile social-naturale ale vieţii. Fixarea prin lege a drepturilor creează un sistem de garanţii, asigură acţiunea drepturilor fără obstacole. Este permis orice ce nu este interzis de lege. Pozitivismul drepturilor desemnează trecerea de la starea de fapt a individului, la starea contractuală determinată de convenţia legislativă [1, 14].

Epistema clasică limitează dimensiunile acţiunii drepturilor prin relaţiile dintre individ şi stat nerăspândindu-le asupra legăturilor sociale dintre individ şi alţi subiecţi. În acest sens, drepturile omului sunt o barieră pentru manifestările puterii statului, îngrădesc spaţiul vital de amestecul extern şi de constrângere. Recunoaşterea prin lege de către stat a drepturilor omului a contribuit la restrângerea societăţii tradiţionale şi la constituirea societăţii civile în care puterea de stat este impusă să stea pe calea reglementării relaţiilor cu cetăţenii în baza dreptului. În acest caz, protejând cetăţeanul de amestrecul statului, drepturile omului puneau în opoziţie aceşti subiecţi unul faţă de altul, întărind alienarea reciprocă.

Teoria clasică recunoaşte adevărate numai drepturile civile şi politice descoperind numai în natura lor genetică calităţi de drept. Toate celelate drepturi, teoria clasică le defineşte ca privilegii.

La hotarele secolelor XIX–XX apare epistema neclasică. Epistema individualistă a fost supusă unei critici dure. Folosirea libertăţii poate fi paralizată de lipsa surselor materiale. Societatea dicta statului necesitatea de a-şi asuma o parte considerabilă din funcţiile sociale, să acorde servicii păturilor sociale defavorizate, vulnerabile. Epistema solidară reconstruieşte un şir de concepţii ale drepturilor omului, în primul rând cele care determinau drepturile social-economice (Pactul internaţional cu privire la drepturile economice, sociale şi culturale, 16 decembrie 1966). Drepturile civile şi politice (Pactul internaţional cu privire la drepturile civile şi politice, 16 decembrie 1966) au început a fi caracterizate drept mijloc de a îngrădi şi a proteja individul de actul arbitrar al statului. Drepturile social-economice au fost determinate în calitate de mijloc de a primi de către individ ajutor din partea statului. Drepturile clasice determinau egalitatea posibilităţilor, cele neclasice egalau rezultatele. Drepturile civile şi politice

erau legate de cerințele condițiilor autorealizării libere a personalității. Drepturile social-economice se indentificau cu posibilitățile individului de a obține bunuri sociale care ar asigura existența şi care ar corespunde demnității umane în cadrul nivelului atins de către societate a bunăstării materiale.

Drepturile social-economice au pus individul în dependență de puterea de stat. Însă, este important de menționat că opoziția ***stat – individ*** dispare. Drepturile social-economice au umanizat relațiile: statul, societatea, individul. Angajamentul statului de a da membrului sociumului o parte din bunurile materiale pe un temei neechivalent însemna recunoaşterea valorii fiecărui om, conştientizarea sarcinii de a păstra şi dezvolta personalitatea. „Orice persoană, în calitate de membru a societății are dreptul la securitate socială; ea este îndreptățită să obțină satisfacerea drepturilor economice, sociale şi culturale indispensabile pentru demnitatea şi libera dezvoltare a personalității" (DUDO, art.22).

Tabloul socializat al drepturilor omului şi mai tare a cimentat cerințele solidare înaintate de drepturile colective. Drepturile solidare declarate (a popoarelor, religioase, etnice, lingvistice şi a altor minorități), recunoaşterea drepturilor de grup (a femeilor, minorilor, invalizilor, oamenilor de vârsta a treia, refugiaților, şomerilor etc), promovarea unei politici discriminatorii pozitive, optimizarea mijloacelor de asigurare a intereselor individuale prin mijlocul grijei pentru binele comun a schimbat spațiul de gândire privind drepturile omului [1, 18].

Vom atrage atenția că în modelul neclasic nomencatorul drepturilor este şi mai vast. De rând cu drepturile civile şi politice se înscriu un şir întreg de drepturi social-economice, drepturile poparelor, minorităților, grupurilor sociale. Gândirea neclasică prezintă tabloul drepturilor omului nu prin prisma individualistă (clasică), dar de pe pozițiile sarcinilor total generale, prin grija față de fiecare om, prin eforturile colective. Proclamând ***„drepturile omului şi a popoarelor"*** modelul neclasic lua în considerare posibilitățile colective de protejere a intereselor individuale, stereotipurile socio-culturale a societăților neoccidentale, s-a dezis de la egalitatea formală care fiind implementată până la sfârşit printre oameni, diferiți şi neegali în fapt, provoca neechitatea. Varianta neclasică a drepturilor omului a diferențiat sistemul drepturilor, creând un şir întreg de drepturi – privelegii preferențiale pentru acele grupuri a populației care vădit nu sânt puternice, reuşite, de sine-stătătoare şi active.

Tabloul neclasic al drepturilor omului recunoscând cerințele social-economice şi colective în calitate de drepturi juridice, a provocat polarizarea sitemului unic existent al drepturilor omului, a creat o imagine privind existența drepturilor reale şi imaginare.

Înaintarea pe prim plan a drepturilor colective, conține un pericol dat fiind faptul că ele „***înghit***" individualitaea. Mecanismul de asigurare a intereselor individuale prin mijlocul bunurilor pentru toți provoacă tipizarea începuturilor personale, diminuează gradul diferenței dintre ele, micşorează diversitatea lor,

ştirbeşte iniţiativa de creaţie, care în ultima instanţă se răsfrânge negativ asupra dinamicii dezvoltării societăţii în ansamblu, potenţialului ei. Într-un fel spus, abordarea neclasică a complicat problema găsirii unei armonii şi a unui echilibru între individual şi colectiv.

Grija excesivă a statului faţă de bunăstarea cetăţenilor săi pe calea majorării numărului şi a volumului drepturilor social-economice poate provoca paternalismul, spiritul de a fi întreţinut.

Perioada postneclasică contribuie la ridicarea calitativă a drepturilor omului care se manifestă printr-un proces bine conturat de integrare a drepturilor filosofico-umanistice, etico-morale, politice, economice, juridice, concret istorice, educativ-didactice, socio-culturale. Drepturile devin un element organic al procesului globalizării şi se dezvoltă în coraport cu problemele societăţii informaţionale, neosferei, devenirea unei civilizaţii creative.

Drepturile omului se pot deosebi şi după formele care le reprezintă: drepturi generale (drepturi cu calităţi universale ale omului, ce aparţin fiecărui reprezentant al speciei umane); drepturi cu aspect civilizat (drepturile reflectate în specificul socio-cultural al acelor popoare şi regiuni unde este recunoscut şi primit o asemenea instituţie); drepturi statale naţionale (drepturi ce ţin cont de orientările juridice ale ţării unde acţionează dreptul).

Analizânad actele internaţionale cu privire la drepturile omului observăm următoarele: drepturile se structurează, au o abordare sistemică şi se împart după domenii (civile, politice, economice, sociale, culturale), după geneză (de drept şi legale), după generaţii (prima, a doua, a treia, a patra generaţie de drepturi), după subiecţii care le poartă (drepturi individuale şi colective), după felul de realizare (pozitive şi negative); după felul cum au fost întărite (naturale şi pozitive), după felul de legătură cu statul (drepturile omului şi drepturile cetăţeanului).

La baza sistemului contemporan al drepturilor omului stă metodologia de sinteză, generalizare şi integrare. Metoda dialectică asigură unitatea componentelor contradictorii: libertăţii şi egalităţii, individualismului şi solidarităţii, drepturilor şi obligaţiunilor cetăţeanului şi statului etc.

În modelul contemporan găsim şi individualitatea şi formele colectiviste. Individualismul liber şi izolaţionalismul omului în modelul clasic, educarea socialului şi dizolvarea personalităţii în modelul neclasic evoluează într-o altă calitate - unitatea dintre individ şi socium. Apare o solidaritate disciplinară. Drepturile armonios corelează cu obligaţiunile şi responsibilitatea, formează un sistem, sunt recunoscute, nedivizate, echivalente, îndeajuns necesare pentru asigurarea existenţei din plin a omenirii.

Apar noi subiecţi de drept: asociaţii suprastatale, societatea omenirii în întregime, generaţiile viitoare. Vom menţiona că drepturile tuturor subiecţilor sunt armonizate. Relaţiile privind drepturile omului se realizează nu numai pe vecto-

rul om - putere, ci pe vecorul om – om, om – natură. Dreptul pare a fi lipsit şi de aspectul subiectiv. Dreptul cere protejarea oricărei forme de viața.

Dreptul modern îmbină armonios interesele individului, colectivelor, statului şi a sistemului uman global. După cum menționa L.Gluhareva [1, 18] dreptu-rlie omului sunt caracterizate prin armonie, cumpătare, consensus, toleranță şi înțelegere reciprocă.

Este de menționat că statul nostru, Republica Moldova, prin acțiunile sale, tinde spre idealurile înaltei echități, a binelui general, spre idealul care îl visau încă marii înțelepți ai antichității Confucius, Platon, Aristotel etc.

Bibliografie:

1. Глухарева Л.И. Права человека в современно мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). – Москва, 2003.
2. Крылова Н.Е. Эвтаназия: уголовно–правовой аспект. // Вестник Московского университета. Серия 9. Право. №2, 2002.
3. LAROUSSE. Dicționar de gîndire politică. Univers enciclopedic. – Bucureşti, 2003.
4. LAROUSSE. Dicționar de politică. Univers enciclopedic. - Bucureşti. 2001.
5. Azarov A., Hufner K., Reuther W., Cîrnaț T., Moşneaga V., Rusnac Gh., Saca V. Drepturile omului: mecanisme de protecție (internationale şi din Republica Moldova). – Chisinau, 2007
6. Боршевский А.П. Основные права и свободы граждан в ведущих демократических странах мира и в Молдове. – Кишинев, 2004.
7. История политических и правовых учений. Учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. В.И.Власова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
8. Международные акты о правах человека. Сборник документов. – Москва: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998.
9. Шелистов Ю.И. Расширение каталога прав человека в XXI веке. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. №2, 2007, с.34-42.

Prezentat la redactie
la 14 ianuarie 2011

Recenzent – **Victor SACA**, doctor habilitat in stiinte politice, profesor

GÂNDIREA GEOPOLITICĂ A LUI ANTON GOLOPEN□IA

Eugen STRĂU□IU
Romania, Sibiu, Universitatea ”Lucian Blaga” din Sibiu, Facultatea de □tiin□e Politice, Rela□ii Interna□ionale □i Studii Europene
Doctor in istorie, lector universitar

The geopolitician Anton Golopenția formed as a sociologist in the German school has established himself as a key figure of the interwar Romanian geopolitical school. It has been noticed through the local monograph of a Bessarabian village, the sociological investigations carried out in the Romanian villages east of the Bug (1941-1943) and academic contributions on the Romanian geopolitics domain.

A.Golopenția is linking geopolitics and sociology; in foreign policy decision-making the following factors are essential: the economic element, population density, ethnic groups constituting the population and, ultimately, the country in question. Those elements are in an indissoluble unity, making sense of that state evolution.

Keywords: geopolitică, statistică, sociologie, etnologie, poten□ialul statelor

Via□a □i activitatea

Anton Golopenția s-a născut în 1909, în satul Prigor, județul Caraş-Severin, în familia unui func□ionar al Căilor Ferate Române[2]. În anul 1927, după absolvirea liceului ”Diaconovici Loga” din Timişoara, a început studiile la Universitatea din Bucureşti. Acolo a ob□inut licența în Drept (1930) şi Filozofie (1933). A câ□tigat burse Rockfeller şi Humboldt, care i-au permis studii de doctorat în Germania, încheiate cu teza de doctorat susținută la 27 noiembrie 1936 la Universitatea din Leipzig [2] (*Die Information der Staatsführung und die überlieferte Soziologie*, în traducere „Informarea conducerii de stat □i sociologia contemporană”).

Sub patronajul profesional al lui D.Gusti, este numit redactor al revistei ”Sociologie românească” □i director la nou întemeiatul Institut Social Român. În paralel, desfă□oară activitate didactică în calitate de asistent onorific la catedra lui D.Gusti, ajutîndu-l pe profesor şi la pregătirea, în Paris, a pavilionului românesc la expoziția universală [3].

Prestigios specialist în statistica demografică, este angajat (1940) de către S.Manuilă la Institutul Central de Statistică. Participă la mari proiecte în 1941 (pregătirea şi efectuarea marelui recensământ al României redusă territorial) □i

[2] *Se vehiculează □i opinia ca tatăl lui A.Golopen□ia ar fi fost avocat sau notar public [1].*

1941-1943 (recenzarea românilor stabiliți dincolo de Bug). Pe timpul guvernării mare□alului Antonescu, devine Director al Oficiului de Studii şi Publicații al Institutului Central de Statistică, publică numeroase articole în revista ”Comunicări Statistice” şi func□ionează ca membru fondator al redacției revistei ”Geopolitica şi Geoistoria”.

A refuzat func□ia de director de cabinet al lui S.Manuilă în guvernul generalului Rădescu (1945). La propunerea lui L.Pătră□canu, a fost integrat în delegația română la Conferința de Pace de la Paris (1946), în calitate de expert statistic. După autoexilarea lui S.Manuilă, este numit director general delegat al Institutului Central de Statistică, conducând recensământul din 1948. Refuzând să se înscrie în P.C.R., a fost înlocuit din funcția de şef al statisticii şi, o vreme, vreun an, primeşte lucrări, de colaborare externă, din partea Comitetului de Stat al Planificării, unde director era M.Constantinescu[3].

A fost pus sub urmărire la 5 octombrie 1949. În ianuarie 1950 e arestat, ca martor, în procesul Pătrăşcanu [4]. Pe fondul condi□iilor din închisoare, sub presiunea psihică □i fizică a anchetei, a fost răpus de o tuberculoză galopantă. A decedat la 9 septembrie 1951 la Spitalul Văcăreşti.

Sociologie □i geopolitică

Faptul că regăsim multă geopolitică sub eticheta sociologiei, la A.Golopen□ia, nu este deloc excep□ional. Dimpotrivă, cele două domenii de studiu se completează, se întrepătrund, colaborează □i produc concluzii asemănătoare prin însă□i natura obiectului □i metodelor. Sociologia studiază comunitatea umană în mediul său geografic, economic, istoric. La fel procedează geopolitica, doar că unitatea de bază a cercetării sale este statul. Evident, statul construit de către o comunitate umană. Iată deci sociologia văzută ca un capitol al geopoliticii (concluzie puternic sus□inută de către geopoliticieni □i probabil acceptatabilă cu re□inere de către sociologi)[4].

Concep□ia sociologică a lui A.Golopen□ia a fost recuperată, cu preten□ii de integralitate, în primul volum al Operelor complete, editat în anul 2002 la Editura Enciclopedică [5]. Unele dintre titlurile lucrărilor sale colec□ionate pentru acest volum, pot face parte la fel de bine dintr-un volum de geopolitică: Informarea conducerii statului şi sociologia tradițională (traducerea tezei de doctorat); România de dincoace şi dincolo de Carpați; O analiză germană a

---

[3] La lucrarea monumentală 60 de sate româneşti, coordonată de Golopenția, M.Constantinescu a fost în echipa de cercetare, semnând monografia satului Bogați din Argeş

[4] Realitatea colaborării intrinseci între sociologie □i geopolitică este consemnată □i institu□ional. Spre exemplu, catedra ”Sociologia rela□iilor interna□ionale” a Universitpă□ii Lomonosov”, condusă de reputatul geopolitician Al.Dughin, produce învă□ământ □i cercetare geopolitică de vârf în lumea contemporană

problemei "unificării sufleteşti" a neamului românesc; comentariile la cartea lui C.Rădulescu Motru, *Psihologia poporului român.*

Dovendind un profund instinct geopolitic, Golopen□ia oferă metoda întocmirii unui Atlas sociologic al României – care la fel de bine poate fi denumit Atlas geopolitic. Cercetarea trebuie pornită de la unită□ile administrative primare, satele, pentru a fundamenta sinteza regională, iar din însumarea calitativă a regiunilor ar rezulta un Atlas românesc argumentat, detaliat, complet. Finalitatea acestei lucrări este una evident geopolitică: informarea conducerii statului, în vederea adoptării deciziilor optime de politică internă □i externă.

Statistică □i geopolitică

Volumul al doilea al Operelor complete ale lui A.Golopen□ia poartă subtilul Statistică, demografie □i geopolitică [6]. Alăturare deloc întâmplătoare, dacă în□elegem statistica drept metodă a demografiei, iar demografia – capitol absolut esen□ial al argumentării geopolitice.

Lucrarea capitală în domeniu rămâne programul de cercetare ”Identificarea românilor de la est de Bug”, desfă□urat în perioada 1941-1944 de către o echipă de cercetători de la Institutul Na□ional de Statistică, în regiunile Harkov □i Done□k ale Ucrainei de astăzi. Rezultatele au fost publicate abia în 2006, în două volume, sub titlul *Românii de la est de Bug* [7].

Rolul lui Golopen□ia în calitate de director de proiect a fost extrem de complicat □i solicitant: asigurarea contactelor cu administra□ia germană, stabilirea punctelor de anchetă, dispersarea pe teren a echipierilor, rela□ionarea cu Institutul Central de Statistică. Cercetărorii au avut de străbătut uria□e, lucrând cel mai adesea singuri, superviza□i doar episodic de către A.Golopen□ia - care verifica respectarea motodologiei de cercetare □i prelua listele de înregistrare.

Cartea publicată în 2006 cuprinde, în primul volum, rapoartele lui A.Golopen□ia referitoare la identificarea românilor de la est de Bug, note despre administratia rurală sovietică □i despre problemele ridicate administra□iei române□ti de teritoriul dintre Nistru □i Bug. În volumul al doilea apar evocările □i articolele scrise de cei 19 membri ai echipei conduse de Golopen□ia.

Cercetarea la est de Bug continuă o linie de abordare tradi□ională în activitatea □tiin□ifică a lui Golopen□ia Era o cercetare zonală (prima de acest gen o realizase în 1939, în colaborare cu M.Pop, ancheta de la Dâmbovnic [8]), întreprinsă asupra unei popula□ii trăind, ca minoritate, în afara statului român (cum fusese culegerea de izvoare *Românii din Timoc* elaborată, în aceea□i perioadă, de către Golopen□ia □i C.Constante, sub egida Societă□ii Române de Statistică [9]) □i folosind metoda monografiei sumare elaborată personal de

Golopen□ia. Bineîn□eles, rezultatele serveau la informarea conducerii statului, a□a cum teoretizase în lucrarea de doctorat.

Astfel, sociologul □i statisticianul A.Golopen□ia nu poate lipsi din nicio istorie a geopoliticii române□ti, înscriindu-se cu realizări marcante în direc□ia geopoliticii poporului român.

Teorie geopolitică

De pe o pozi□ie consolidată de statistician □i sociolog, A.Golopen□ia a devenit nume de referin□ă în teoria geopolitică românească. În perioada interbelică, pornind de la concepte fundamentale promovate de □coala geopolitică germană (mai ales prin suedezul R.Kjellen □i germanul F.Ratzel), □i îmbogă□ind cu teorii □i aplica□ii locale, au creat analiză geopolitică I.Conea, S.Mehedin□i, V.Mihăilescu, Al.Rădulescu, Gh.Brătianu. Sunt geografi, istorici □i sociologi care □i-au reunit for□ele creatoare pentru câteva proiecte geopolitice majore, care sunt astăzi referin□a re-născutei □coli române□ti de geopolitică.

Maturitatea geopoliticii române□ti a survenit în timpul războiului mondial, alimentată de solicitarea □i sprijinul conducerii statului [10, 193-196], de nevoile acesteia de a-□i fundamenta deciziile de politică externă, de război, □i de pozi□ionare la tratativele de pace.

Poate cel mai important proiect de analiză geopolitică rămâne volumul *Geo-politica*, publicat de Editura "Ramuri" din Craiova în 1940 (coperta indică 1939 drept anul apari□iei), sub coordonarea lui I.Conea, A.Golopenția şi M.Popa-Vereş [11]. Contribu□ia lui Golopen□ia este anun□ată de către I.Conea, în studiul *Geopolitica. O ştiință nouă,* prin crearea unei a□teptări esen□□iale: "*să aşteptăm, totuşi, şi cuvântul care să vină dinspre sociologie*". Urmează, în economia volumului, studiul lui A.Golopenția, intitulat *Însemnare cu privire la definirea preocupării geopolitice.*

Căutând o defini□ie a obiectului geopoliticii Golopen□ia se opre□te asupra **potențialului statelor.** ”Acesta este rezultanta însuşirilor tuturor factorilor constitutivi pentru un stat: a teritoriului, a neamului, a populației, a economiei acestuia, a structurii sociale, a modului cum e guvernat, a mediului său politic. Cercetarea geopolitică nu este, deci, numai geografică, ori numai economică, ori numai politică, ci este concomitent geografică, demografică, economică, socială, culturală, politică" [11, 106]. De aceea, propunerea autorului este ”concentrarea □tiin□elor ce privesc aspecte singuratice ale statului în aceea□i □coală superioară. Ea ar putea familiariza în egală măsură cu no□iunile □i metodele geografiei politice, ale etnologiei □i demologiei, ale economiei politice, ale sociologiei, ale □tiin□elor culturii" [11, 107].

Natura obiectului de studiu astfel identificat, determină celelalte trăsături majore ale disciplinei. Cercetarea geopolitică "este întâi de toate informativă",

colec□ionând faptele faptelor în specificitatea lor. “Ea este cercetare, nu analiză teoretică” – deci nu î□i propune să ne ofere o teorie a statului, ci se opre□te la descrierea sistematică a realită□ii statistice pe domeniile men□ionate mai sus. Mai departe este treaba beneficiarilor acestei cercetări, adică a conducerii politice a statului, care î□i selectează aspectele de interes pentru a-□i fundamenta deciziile. Prin aceasta, rezultatele demersului geopolitic sunt ”na□ionale”, servind conducerii centrale a na□iunii.

Întrucât societatea este în continuă schimbare, determinând continua schimbare a statelor, cercetarea sociologică este în mod obligatoriu contiuuă, “reluată într-una, aşa cum e refăcut zi de zi buletinul meteorologic. Cercetarea geopolitică năzuieşte să realizeze un echivalent pe plan politic al acestor buletine” [11, 107].

Consacrat prin acest studiu drept teoretician fundamental al geopoliticii, Golopen□ia nu putea lipsi din celălalt proiect major al epocii, revista ”Geopolitica □i geoistoria” [12], apărută sub egida Societă□ii Române de Statistică între anii 1941-1944. În comitetul de direc□ie aflăm, alături de A.Golopen□ia, pe Gh.Brătianu, S.Manuilă, M.Vulcănescu □i I.Conea. Între autorii cei mai frecven□i, pe lângi cei deja numi□i, se remarcă S.Mehedin□i, V.Mihăilescu, C.Brătescu, S.Pu□cariu.

Din păcate pentru geopolitica românească, anul 1944 este începutul unei cezuri de aproape jumătate de secol. Instaurarea regimului comunist a adus proscrierea geopoliticii, considerată instrument expansionist al nazimului □i al regimului Antonescu. Astfel începe □i declinul □tiin□ific □i personal al lui A.Golopen□ia, care va deceda în închisoare, în anul 1950.

Posteritatea. Câteva concluzii

Anii de după 1989 l-au adus din nou în con□tiin□a □tiin□ifică românească, în prim-plan, pe A.Golopen□ia, în cadrul unui proces profund de recuperare a valorilor tradi□ionale române□ti.

Studiile sale au fost grupate în două volume, ca *Opere complete*, apărând la Editura Enciclopedică. *Românii de la est de Bug* a fost publicată, pentru prima oară, în anul 2006, □i a beneficiat de lansări cu răsunet la Ministerul Afacerilor Externe în Bucure□ti, dar □i la Chi□inău, în ianuarie 2007, în prezen□a unor personalită□i prestigioase ale vie□ii culturale române□ti din Republica Moldova.[5]

Experien□a sa din închisoare a fost reconstuită de către fiica S.Golopen□ia, pe baza documentelor din arhivele Securită□ii, sub titlul *Ultima carte*, apărută tot la Editura Enciclopedică. Sub îngrijirea aceleia□i, coresponden□a cu

[5] *V.Pohilă, Gr.Botezatu, N.Băieşu. S.Ghinculov, L.Bulat, A.Marinat, L.Kulicovski, V.Şoimaru, N.Dabija, A.Vartic*

importante personalită□i ale vie□ii culturale române□ti interbelice a fost adunată sistematic sub titlul *Rapsodie epistolară*, în două volume de dimensiuni impresionante.

Alături de aceste recuperări editoriale, mai important poate, este locul acordat astăzi sistemului de gândire golopen□ian în tratatele □i cursurile de sociologie, statistică, etnografie □i geopolitică. Scrierile geopolitice ale lui Golopen□ia sunt fundament structural pentru materia de profil predată azi în marile universită□i □i în academiile militare din România, iar studiile noii genera□ii de geopoliticieni români se referă fără îndoială la viziunea lui Golopen□ia, în contextul istoric □i în actualitatea sa.

Una dintre direc□iile de cercetare cel mai intens dezvoltate azi în România □i Republica Moldova, pe urmele lui Golopen□ia, este inventarierea sociologică □i geopolitică a neamului românesc din afara grani□elor României. Aici o contribu□ie majoră î□i aduce V.□oimaru, originar din satul basarabean Corjova, cel cercetat monografic de A.Golopen□ia în anul 1931, rezultând un film monografic extrem de bine apreciat în comunitatea □tiin□ifică românească a epocii.[6]

Revalorizarea □i actualizarea operei geopolitice a lui Golopen□ia este un proces de durată, pornit deja de o manieră metodică, astfel încât relevan□a sa se îmbogă□e□te mereu cu noi con□inuturi □i perspective.

Bibliografie:

1. Petriceanu N.D. Câteva gânduri despre Anton Golopen□ia (1909-1951). // Vestea, http://vestea.wordpress.com/istorie-prin-evenimente-si-chipuri/n-d-petniceanucateva-ganduri-despre-anton-golopentia1909-1951/
2. Ceau□escu Gh. Un spirit european. // ”România Literară”, 2004, nr.20
3. Ornea Z. Cazul Anton Golopen□ia. // ”România Literară”, 2001, nr.43
4. Golopenția A. Ultima carte. Text integral al declarațiilor în anchete ale lui A.Golopenția aflate în arhivele SRI. Volum editat, cu introducere şi anexă de prof. dr. S.Golopenția. - Bucure□ti, Editura Enciclopedică, 2001.
5. Golopen□ia A. Opere complete. Vol.I. Sociologie. - Bucure□ti, Editura Enciclopedică, 2002.
6. Golopen□ia A. Opere complete. Vol.II. Statistică, demografie, geopolitică. – Bucure□ti, Editura Enciclopedică, 2001
7. Golopen□ia A. (coord.) Românii de la este de Bug. - Bucure□ti, Editura Enciclopedică, 2006.

[6] *Filmul documentar, intitulat ”Un sat basarabean – Cornova”, beneficiază □i de o editare în bro□ură a unor aspecte relevante [13].*

8. Pop M., Golopen□ia A. Dâmbovnicul – o plasă din sudul jude□ului Arge□. Câteva rezultate ale unei cercetări monografice întreprinse în 1939. – Bucure□ti, Institutul de □tiin□e Sociale al României, 1942.
9. Constante C., Golopen□ia A. Românii din Timoc. Culegere de izvoare. – Bucure□ti, Tipografia ”Bucovina”,1943.
10. Golopen□ia A. Contribu□ia □tiin□elor sociale la conducerea politicii externe. // Sociologie Românească, 1936, vol.II, nr.5-6, p.193-196
11. Conea I., Golopen□ia A., Popa-Vere□ M. Geopolitica. - Craiova, Editura Ramuri,1939.
12. Geopolitica □i geoistoria. Revistă română pentru sudestul european. – Bucure□ti, Societatea Română de Statistică, 1941-1944
13. Aspecte ale desfă□urării procesului de oră□enizare a satului Cornova. – Bucure□ti, Monitorul Oficial □i Imprimeriile tatului, 1932.

Prezentat la redactie
la 25 noiembrie 2010

РУСОФОБСКИЙ МИФ «ПАНСЛАВИЗМА»

Александр ШИРИНЯНЦ
Россия, Москва, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет политологии, кафедра истории социально-политических идей
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой

Анна МЫРИКОВА
Россия, Москва, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет политологии, кафедра истории социально-политических идей
Кандидат политологических наук, доцент

Статья посвящена исследованию идейно-политического комплекса панславизма. Авторы раскрывают сущность явления русофобии, прослеживают генезис панславизма как идеи славянской взаимности. В статье представлен анализ творчества одного из теоретиков и пропагандистов панславизма М.П.Погодина и его идеи создания «Дунайского Союза».

Ключевые слова:
Панславизм, русофобия, Ф.И.Тютчев, Ю.Крижанич, идея славянской взаимности, славянофилы, М.П.Погодин, «Дунайский Союз».

The article deals with the ideological-political complex of pan-Slavism. The authors reveal the essence of the phenomenon of Russophobia, trace the genesis of pan-Slavism as an idea of Slavic reciprocity. The article presents an analysis of work of one of the theorists and propagandists of pan-Slavism M.P.Pogodin and his idea of "The Danube Union".

Keywords: Pan-Slavism, Russophobia, F.I.Tiutchev, Y.Krizhanich, the idea of Slavic reciprocity, Slavophiles, MP. Pogodin, "The Danube Union".

Принято считать, что термин «панславизм» возник в трудах австрийских и германских публицистов на грани 1830–1840-х годов XX века[7] и был отождествлен ими с понятием «русификаторство»[8].

---

[7] *По мнению В.Э.Багдасарян, «впервые термин панславизм был употреблен словацким мыслителем Я.Геркелем в работе о «славянском языке (Elementa universalis Iinquaure Slavicae), опубликованной в Будапеште в 1826 г. Им предпринималась попытка конструирования «всеславянского языка». Слово панславизм Геркель относил к области лингвистики, не включая в него политического содержания. В политическом ракурсе термин панславизм впервые употреблялся в статье К. Крамарчика «Чешско-словацкие герои панславизма в Легове», опубликованной в венгерском журнале «Таршалкодо» от 14 ноября 1840*

Подавление царским правительством польского восстания 1831 года с одной стороны, и рост национально-освободительного движения западных и южных славян с частой оглядкой на Россию как на «старшего брата», с другой стороны, вызывали в самых разных кругах Австрии и Германии - от консерваторов до либералов и демократов включительно – напряженность и русофобские настроения.

Первый аналитик русофобии – выдающийся русский мыслитель и поэт Ф.Тютчев (1803-1873) - считал, что возникновение образа России – «чудовища», «людоеда 19-го века» [35, 176] – в общественном сознании европейцев было обусловлено, во-первых, глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы[9], во-вторых, непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит западную: «Западные люди, судящие о России, – это нечто вроде китайцев, судящих о Европе» [35, 100]. В-третьих, к «непониманию» присовокупляется «нравственная безответственность» [35, 191]. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение Запада раздражает против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности» [35, 193], а сами начала цивилизации (история без феодализма, религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления» [35, 192]). В связи с этим он также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство – «нечто среднее между уважением и страхом – то чувство awe (благоговейного страха – *А.Ш., А.М.*), которое испытывают только по отношению к Власти» [35, 100-101].

г. Под ним подразумевалась угроза распространения власти России на славянские земли Австрийской империи (точнее Венгрии)». [22, 381].

[8] *Интересно то, что не только противники «обрусения» и «русификации» не всегда четко понимали то, что они разумеют под этими терминами, но и у самих сторонников «обрусения» не было согласия по поводу того, что есть «русскость»: одни отводили ключевую роль православию, другие языку и культуре, третьи – расе или крови. Как следствие, различались и представления о мерах, инструментах и задачах русификации. При этом, по верному замечанию современного исследователя, чаще всего получалось так, что, становясь объектом идеологических манипуляций, «термин «русификация» не описывает явление, но оценивает его». [19, 55, 69].*

[9] *Россия, часть Восточной Европы, – законная сестра христианского Запада, в отличие от последнего Россия – не феодальная и не иерархическая, но потому самому еще более искренно-христианская, это целый мир, единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий своею собственною органическою, самобытною жизнью [35, 182].*

Наиболее показательный пример – «классики марксизма», испытывавшие непреодолимое отвращение к славянам вообще и к русским в частности. Так, Ф.Энгельс (1820-1895) писал о панславизме – «это нелепое, антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город – деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру – примитивному земледелию славян-крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице Российской империи – той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной части его – русских; ... той империи, которая за последние 150 лет ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой... войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика поддерживала новоиспеченную теорию панславизма» [43, 56]. Отождествление панславизма с самодержавным русификаторством было характерно и для К.Маркса (1818-1883), который, например, безосновательно причислял к панславистам и русификаторам теоретика «русского социализма» А.Герцена (1812-1870) и идеолога анархо-коммунизма М.Бакунина (1814-1876), что никак нельзя признать соответствующим действительности[10].

–

[10] *М.А.Бакунину был свойственен специфический «демократический» или «революционный» панславизм, в основе которого – воинствующий антигерманизм. Он считал, что «чувство, преобладающее в славянах, есть ненависть к немцам… Ненависть против немцев есть первое основание славянского единства и взаимного уразумения славян» [3, 133], что «союз славянских народов с народами латинскими против завоевания, грозящего им всем одинаково со стороны немцев, остается горькой необходимостью» [4, 372]. Еще в 1846 году он провозгласил главной целью своей деятельности русскую революцию и создание после ее победы республиканской федерации всех славянских земель. В 1848 году в Брюсселе на собрании, посвященном памяти декабристов, Бакунин призвал славян быть готовыми исполнить великую миссию – обновить «гниющий западный мир» [18, 127]. В «Воззвании к славянам» и «Основах новой славянской политики», «Основах славянской федерации» и др. работах, сформулировав девять основ славянской федерации, он выдвинул программу демократической славянской федерации, нацеленную на уничтожение царизма и монархии Габсбургов. Этот «революционный» или «демократический» панславизм требовал свободы и равенства, ликвидации феодализма и реализации права каждого на землю, опирался на принцип самоопределения народов. «Новая политика славянских племен, – утверждал Бакунин, – будет не государственною политикою, а политикою народов, политикою свободных, независимых людей» [5, 301]. В свою очередь, А.И.Герцен будущее славянского мира также связывал со свободной федерацией, ядром которой ему представлялась Россия, освободившаяся от ярма крепостничества и самодержавия. Столицей же этой федерации он видел Константинополь – «Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским наследием» [34, 199]. Ни о каком «русификаторстве» в их концепциях нет и речи.*

Этот русофобский миф о славянских притязаниях достаточно прочно укоренился в западноевропейском сознании, о чем свидетельствует довольно часто демонстрируемое современными авторами (особенно либерального толка) стойкое предубеждение против панславизма, который обычно отождествляется с гегемонистскими «имперскими бреднями» русских националистов, шовинистов, расистов и экспансионистов, ненавидящих Европу и в ее лице весь западный мир. Так, известный исследователь национализма, Г.Кон, дайджест старой книги которого разместил на своих страницах русскоязычный журнал, выходящий в Вашингтоне [11], утверждает, что «Панславизм аналогично пангерманизму был движением за распространение власти России посредством включения других славяноязычных народов, даже против их воли, в «Великую Россию», население и экономические ресурсы которой создали бы достаточную базу для мирового господства России, или, как говорили в XIX в., для «Русской вселенской монархии». Оба движения основывались на убеждении, что «расовая» или лингвистическая принадлежность обеспечивает родство цивилизаций и идеологий и стремление к объединению». По его мнению, «панславизм и пангерманизм, основывавшиеся на надуманных идеях, все-таки оказали эмоциональное воздействие на многих немцев и многих русских и стали важнейшими факторами мировых войн XX века». Особую роль в панславистском движении, Кон отводит России и русским: «Многие панслависты разделяли веру в мессианскую роль России, согласно которой русский народ избран Богом для спасения человечества. Русские были признаны подлинно христианским народом, столпом православия (истинной веры), мира и социальной справедливости, и призванным распространить это послание среди всех народов». Политическую ангажированность книги Кона вполне ясно демонстрирует следующий пассаж: «Русские коммунисты, свергнувшие в ноябре 1917 г. под руководством Ленина недолговечный демократический режим, установленный Февральской революцией 1917 г., возродили русское мессианство, провозгласив русских подлинной социалистической нацией, столпом марксизма (истинной веры), мира и социальной справедливости, призванным распространить это послание среди всех народов. В 1945 г. они осуществили самые дерзкие мечтания панславистов России XIX в., объединив всех славян под водительством России и расширив ее границы до Одера и Адриатического моря. Они нанесли поражение пангерманизму А.Гитлера (1889-1945), который к 1941 г. осуществил самые дерзкие мечты его предшественников – пангерманистов». Подобные «советологические» эскапады американского исследователя вполне можно было бы оставить без внимания, если бы они не тиражировались современными электронными изданиями [47; 48; 49].

Что можно противопоставить мифотворчеству, основанному на русофобии? Наверное, только планомерный, спокойный и взвешенный поиск истины, исходящий из того, что, исследуя сложные идейно-политические комплексы, к каковым, безусловно, относится и пангерманизм и панславизм, следует отличать этнические и расовые идеологические элементы от религиозных, культурных и политических. Поэтому односторонние трактовки этих националистических идейно-политических комплексов как политической идеологии экспансии Германии или России, не отражают всего богатства доктрин, теорий, концепций и идей, во главу которых была поставлена задача национального объединения родственных или близких народов и народностей. С этой точки зрения, дескриптивное определение панславизма может звучать следующим образом: панславизм есть идейно-политический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей [41, 75].

Генезис панславизма как идеи славянской взаимности

Обычно возникновение панславистской идеи относят к XVII веку, когда изобретатель грамматики и лексического состава общеславянского языка хорват Ю.Крижанич (ок.1618-1683) увидел в нем средство объединения всех славян. Как отмечает Р.О.Якобсон, «В общеславянском масштабе традиционные утверждения языкового единства временами сопровождались предложениями либо избрать для межславянского культурного взаимодействия один из славянских языков (к примеру, Коменский предлагал русский), либо создать lingua communis. Ю.Крижанич (1618-1683) попытался сделать последнее; в XVIII в. его примеру последовал словенец Б.Кумездей (1738-1805), а в XIX в. - хорват Й.Вольтиджи и словак Я.Геркель, целью которого было «Unio in Litteratura inter omnes Slavos, sive verus Panslavismus» [единение в литературе между всеми славянами, или истинный Панславизм] [44]. Но только в XIX веке эта идея приобретает оформленный вид и широкое распространение, предполагая «возможность объединения всех славян на основе родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести некоторых черт литературы в раннехристианский период» [15, 5]. Возникшая из осмысления культурологического факта, идея славянской взаимности постепенно дополнялась религиозными и политическими аргумента-

ми, приобретая идеологический характер, ложилась в основу различных славянских националистических воззрений[11].

Пробуждению славянского самосознания способствовали различные исторические факторы – прежде всего, следует отметить Французскую революцию 1789 года и Наполеоновские войны в Европе, приведшие к переделу мира и стимулировавшие вызревание идеи национальной свободы в сознании всех европейских народов. С конца XVIII века в политической мысли начинают складываться представления о том, что у каждой нации должно быть свое собственное государство, охватывающее всю нацию. В начале XIX века идеи национального самоопределения возникают в итальянской, немецкой, венгерской, чешской, польской, сербской, болгарской общественной мысли. Поражение Наполеона вызвало к жизни движение по объединению Германии, сопровождавшееся зарождением идеологии пангерманизма. В противовес этой идеологии, по мере развития национального самосознания возникали различные доктрины культурного и политического объединения славян, получившие название «панславизм». Победа над Наполеоном привела к укреплению международного авторитета России как крупнейшей славянской державы, показала, что единственное независимое и могущественное государство славян может стать оплотом движения по освобождению угнетенных собратьев.

Впервые идеи о большом историческом будущем славян были высказаны И.Г.Гердером (1744-1803) – одним из основателей философии истории – в его главном труде «Идеи к философии истории человечества» (1784-1891, русский перевод в 1829) [7]. Теория Гердера о культурно-национальной индивидуальности и ее правах, его высокая оценка славянских народных традиций и обычаев глубоко повлияли на националистическую мысль в странах Центральной и Восточной Европы и явились мощным стимулятором пробуждающегося национального сознания молодой славянской интеллигенции начала XIX века.

Представители молодого поколения славянских образованных слоев сосредоточились на создании литературы на местных языках и на изучении фольклорных традиций. Словак по происхождению, Я.Коллар (1794-1852), почти всю жизнь проживший в Пеште и умерший в Вене протестантский викарий и поэт, в цикле сонетов «Дочь Славы» (1824) сетовал на падение славянской мощи, призывал к единству славянских народов и

[11] *Как показывают современные исследования, идея славянской взаимности, возникнув сначала как основа культуртрегерского движения, приобрела затем политическое звучание и историософское измерение. В начале своего генезиса она имела, по крайней мере, три основных концептуальных разновидности – «литературную», «австрославистскую» и «славянофильскую», из которых затем развилось множество концепций и теорий объединения славян, как литературного, так и политического характера [21, 74; 32, 12-17].*

предрекал им великое будущее — заселение огромных территорий от Эльбы до Тихого океана, от арктических морей до Средиземного моря. В публицистических статьях «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836, русский перевод в 1840), «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» (1846) и других произведениях он выдвинул программу культурного сближения славян, не имевшую политического характера. Коллар и его последователи призывали составлять словари и разрабатывать грамматики славянских языков, переводить на них иностранные сочинения, изучать памятники национальной культуры, исторические хроники и архивы. В целях свободного общения славян между собой они предлагали целый ряд мер – от создания славянских книжных лавок, библиотек, кафедр славянских языков в учебных заведениях, созывов съездов ученых-славистов до создания единого славянского языка – «литературного», не бытового, а книжного и политического. Эти меры были необходимы для осознания места и роли своего народа в истории, для доказательства его равенства с другими соседними народами. Следует заметить, что этими общественными деятелями обсуждались проблемы культурного развития наций, а не их политического самоопределения. «Литературным» или «культурным» панславистам было присуще стремление стать выразителями идеи всеславянства, а не национальных устремлений какого-то отдельного славянского народа.

Иная концепция славянского объединения, в которой основное внимание обращено не на всеславянство, а на отдельные славянские народы – «австрославизм» – возникла в середине 1840-х годов благодаря усилиям чехов К.Гавличека–Боровского (1821-1856) – известного публициста Австрии, а также друга многих русских славянских деятелей историка Ф.Палацкого (1798-1876), который по-новому исследовал историю гуситских войн. Палацким был разработан план, предполагавший политическую реорганизацию центральноевропейской и дунайской территории, входившей в состав австрийской империи и населенной малыми народами. Этот план был назван «Австрославизм» и был представлен венскому парламенту в 1848 году. Согласно этому плану малые славянские народы постепенно должны получить автономию и одновременно в едином сильном государстве поддерживать друг друга и противостоять опасности пангерманизма и панрусизма. Первый Всеславянский конгресс под председательством Палацкого состоялся в июне 1848 г. в Праге. Идеологи австрославизма, выступали или за равноправие всех народов Австрии в ее рамках, за союз свободных славянских народов Австрии, или же за преобразование австрийской монархии в конституционное союзное государство равноправных народов. Они не предполагали создание самостоятельных славянских госу-

дарств, так как считали, что небольшим славянским государствам не под силу противостоять мощи крупных соседей: чехам не под силу преодолеть превосходство немецкой армии, полякам – российской, а хорваты едва ли устояли бы против мадьяр, турок и немцев. Таким образом, первая политическая концепция славянского объединения ограничивалась проблемами федерализма австрийских славян, Россию же рассматривала как угрозу для национальной и культурной независимости малых славянских народов. Следует отметить, что многие чешские сторонники австрославизма после 1867 года, с созданием дуалистической Австро-Венгрии, усиливавшей положение мадьяр в государстве, решили продемонстрировать свой протест Вене, и перешли на позиции русофильства.

Идеи объединения славян возникали и у южных славян: именовавшие себя «иллирийцами» деятели хорватского национального движения (Л.Гай (1809-1872) и др.) мечтали об объединении славян вокруг Хорватии, сербы (И.Гарашанин (1812-1874) и др.) – вокруг Сербии [16, 75-92].

Большинство поляков мечтало о Великой Польше «от моря до моря» – которая бы стала центром славянского мира и вместе с западными славянами защитила Европу от русской экспансии, некоторые, такие как А.Гуровский (1805-1866) – выступали за общеславянский союз под протекторатом России.

Таким образом, помимо «культурной» или «политической» ориентации, одним из важных критериев различения тех или иных панславистских концепций и теорий стало декларируемое в их рамках отношение к России, трактовка роли единственной на тот момент самостоятельной славянской державы в процессе национального освобождения славянских народов и их будущего объединения[12]. В соответствии с этим критерием все теории и концепции славянской взаимности можно разделить на «русофобские», исходящие из страха перед экспансивной силой самодержавной России и потому исключавшие ее участие в предполагавшемся политическом объединении отдельных славянских народов и на «русофильские» концепции всеславянства под эгидой или при гегемонии России (подробнее

---

[12] *В то время за пределами России из славянских земель полную независимость имела только Черногория. Остальные народы жили под властью немцев и венгров (в Австрийской империи) и турок. Практически повсюду славяне были угнетены, господствующие классы в славянских землях состояли из иноземцев и ассимилированных славян (среди австрийских славян заметную прослойку составляли различные группы перешедших на немецкий язык и культуру «полунемцев», в Венгрии среди словаков выросло значительное число «мадьяронов», то есть омадьяренных, а на Балканском полуострове среди «потурченцев» стал складываться боснийский мусульманский этнос). Славянские языки были сведены до уровня простонародных наречий, существовали запреты на преподавание на родном для славян языке. В Османской империи к этому добавлялся религиозный гнет.*

о критериях различения течений в рамках панславизма [21, 74-75]). К этому можно добавить, что зарубежные славянские политики, апеллировавшие к помощи России, как правило, подчиняли демонстрируемую ими русофильскую ориентацию исключительно собственным национальным целям.

Русофильский панславизм в России

Во второй половине XIX века панславизм получил самое широкое распространение среди всех слоев и политических сил российского общества. «Политической исповедью русского народа» называл панславизм русский публицист М.Катков (1818-1887) [20]. Для той эпохи все это не звучало преувеличением.

Одной из ведущих русофильских концепций славянской взаимности, без сомнения, являлось славянофильство. Само это слово в буквальном смысле означает «любовь к славянам», т.е. влечение, увлечение, привязанность, склонность, наклонность, пристрастие, преданность, тяготение, симпатию, верность, благоволение, благорасположение, благосклонность, доброжелательство, предрасположение и т.п. ко всему славянскому.

Однако, слово «славянофилы» долгое время не имело точного терминологического выражения. На наш взгляд, блестящий анализ возникновения и эволюции слов «славянофилы» и «славянофильство» дал в своей книге Н.Цимбаев [37, 5-55]. Учитывая этот опыт, мы лишь дополним картину истории слова несколькими штрихами. Возникнув в самом начале XIX века в ходе литературной полемики, оно обозначало круг людей во главе с адмиралом А.Шишковым ((1754-1841), ставшим затем Президентом Российской академии (1818) и министром народного просвещения (1824-1828)), ратовавших за архаизацию русского языка. В этот круг, в частности, входил писатель С.Аксаков (1791-1859) – отец будущих славянофилов Константина и Ивана. «Архаисты» выступали против реформы русского литературного стиля, предпринятой «новаторами» из круга историка и литератора Н.Карамзина (1766-1826). В идеологии Шишкова и возглавлявшегося им и поэтом Г.Державиным (1743-1816) литературного общества «Беседа любителей русского слова» (1811-1816) защита «старого стиля» сочеталась с общественным консерватизмом и национализмом, с требованиями самобытности и народности литературы; защита вытесняемого из литературы церковнославянского языка была связана с борьбой против секуляризации, борьба с галлицизмами, – как отмечает А.Валицкий, – переходила в «галлофобию уже политического свойства» [31, 41].

Поскольку большинство литераторов не приняло архаических «новаций» адмирала, слова «шишковисты», «славянофилы» и т.п. представляли собой лишь обидные клички, характеризующие литературных неудачни-

ков, чьи надежды и помыслы принадлежат исключительно прошлому. За пределы узкого круга дискутировавших литераторов Москвы и Петербурга слово «славянофильство» не распространилось. Однако, например, литературный критик В.Белинский (1811-1848) видел в шишковистах предшественников славянофильства [6, 68]; и сами славянофилы не отказывались от Шишкова, хотя имя его ассоциировалось, прежде всего, с языковыми нелепицами, наподобие «звездоблюстилища» (обсерватория) и т.п., которые он выдумывал для устранения из русского языка слов неславянского происхождения. Один из отцов-основателей славянофильства А.Хомяков (1804-1860) писал об этом: «Впрочем, мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. Как ни темны еще были его понятия, как ни тесен круг его требований, он много принес пользы и много кинул добрых семян» [36, 207].

Иная судьба ждала это слово в 30-40-е годы XIX века, когда в России возникает интерес к славянству и проблемы славянских народов становятся модной темой столичных салонов, а в университетах создаются кафедры истории и литературы славянских наречий. В конечном итоге слово «славянофилы» получает совершенно иное содержание. Им начинают называть людей, преданных интересам славянских народов, занимающихся изучением их истории, культуры, политики, языка и пр. Именно в этом значении данный термин выражает взгляды представителей нового оригинального течения русской мысли. Именно в этом значении слово «славянофильство» получило самое широкое распространение, вызывая, впрочем, критические замечания многих русских мыслителей.

Так, например, русский философ П.Флоренский (1882-1937) считал «славянофильство» «уродливой кличкой» [38, 12]. Сам термин «славянофильство», по выражению еще одного известного исследователя русской мысли – имя очень неточное, только подающее повод к недоразумениям и ложным толкованиям [38, 249], это название сами славянофилы сначала не принимали, характеризуя свое направление как «московское», «самобытное», «туземное», «православно-словенское» или «славяно-христианское». Историк русской философии В.Зеньковский (1881-1962), не без основания заметил, что еще точнее было бы назвать это направление «православно-русским»: «В сочетании Православия и России и есть та общая узловая точка, в которой все мыслители этой группы сходятся» [9, 6]. Однако, в конце концов, как отмечает Н.Цимбаев, славянофилы приняли как самоназвание слово «славянофил». Первым это сделал К.Аксаков (1817-1860). На рубеже 1845-1846 годов он, с «основательностью ученика гегелевской школы», так обосновал возможность и неизбежность принятия прозвища «славянофил»: «Кто не славянин, тот конечно не русский. Кто смеется над какими-то славянофилами или славянолюбцами, тот, конечно, сам славян

ненавидит, а кто ненавидит род, ненавидит и вид, кто ненавидит славян – ненавидит и русских». Аксаков наметил пять признаков принадлежности к славянофильскому учению, из которых один, пятый, предполагал обязательное сочувствие к племенам славянским, «притом отклоняя все возможные мечты о политическом соединении всех славян в одно целое». Последняя оговорка была существенна и делала «славянофильские» взгляды К.Аксакова отличными от представлений других славянофилов [37, 31].

По большому счету, сам интерес к славянам в этой среде был следствием признания культурной самобытности России, обусловленной принятием православия. Один из активных деятелей славянофильства и русского панславизма И.Аксаков (1823-1886) полагал, что «Россия призвана явить новый культурный исторический тип, который примирит в себе и Восток и Запад на основе православно-славянской» [1, 677]. Действительно, старшие славянофилы (особенно А.Хомяков и К.Аксаков) впервые в истории русской общественной мысли относительно разносторонне рассмотрели своеобразие отечественной культуры, национального мышления, национального характера в сравнении с соответствующими чертами западноевропейских народов, высоко оценили особенности русской культуры, русской истории; впервые в свете отмеченных проблем заговорили о судьбе и свойствах южных и западных славянских народов, подходили к идее о политических, культурных и конфессиональных союзах. В связи с этими проблемами в славянофильских и околославянофильских кругах и возникли идеи панславизма.

О наличии в славянофильской среде стремления к славянской взаимности нет смысла спорить[13]. Спорить приходится с распространенным мнением, о том, что славянофилы, были «шовинистами», выражавшими «мотивацию русской ментальности» [46; 42; 8] в стремлении поставить русскую нацию господствующей над всеми другими славянскими народами и «обрусить» их [45, 106-130]. Подобные обвинения строятся на истолковании определенных высказываний славянофилов и близких к ним мыслителей. Так, Тютчеву принадлежит мысль о том, что австрийским славянам предстоит «либо остаться славянами, сделавшись русскими, либо сделаться немцами, оставаясь австрийцами» [35, 88]. Но означают ли эти сло-

---

[13] *Часто встречающееся в литературе мнение о глубокой укорененности идеи «славянской взаимности» и панславизма в славянофильском мировоззрении не вызывает особых возражений и может быть лишь скорректировано при сравнительном анализе творчества тех или иных славянофильских теоретиков (например, позиция А.С.Хомякова в этом вопросе значительно отличалась от позиции К.С.Аксакова) или при изучении эволюции их взглядов (А.С.Хомяков, например, с возрастом отдалялся от панславистской проблематики, а И.С.Аксаков от отрицания панславизма (правда, в форме «австрославизма») все более к нему склонялся).*

ва «великодержавный шовинизм»? Вполне корректный ответ на этот вопрос дал И.Аксаков, разъяснив этот тезис в своем очерке о Тютчеве: «Тютчев под словом «стать русскими» вовсе не разумеет ни государственного закрепощения, ни обрусения в тесном смысле слов. Употребив это выражение в черновой заметке для краткости, он дает ему тот смысл, что славяне или должны стать гражданами грекославянского мира, которого душой, без сомнения, может быть и есть только Россия, – или же погибнуть прежде всего духовно, т.е. утратить свою нравственную народную самостоятельность». Здесь же Аксаков разъяснил известный славянофильский постулат: «Славяне неправославные могут спасти в себе славянскую народность только под условием возвращения к православию», так как (и этот постулат вполне поддерживал Тютчев) оставаясь католиками, они будут принадлежать Западу и утратят национальные черты славянства [1, 215-216].

Следует признать, что элементы национализма, существенные в концептуальных построениях славянофилов, не перерастали в шовинизм. Славянофилы ратовали за расширение влияния православной церкви – как средства нравственно-духовного объединения, и русского литературного языка – как средства межнационального общения, их воззрения не являлись проповедью национальной исключительности, «расовой теории», ведущей к разжиганию национальной вражды. Их теория «славянской взаимности» рождалась не как апология национального превосходства с целью дискриминации других рас, а как теоретическая основа борьбы за права угнетенных народов.

Так, например, живой отклик у славянофилов нашли события освободительной борьбы славян Австрии и Турции в 1848-49 годах. Хорваты, противясь мадьяризации, создали освободительное движение, опирающееся на национальную идею и стремящееся привлечь на свою сторону других южных славян. Будучи по своим политическим взглядам в основном либералами, при подавлении национально-освободительной революции 1848–1849 в Венгрии иллирийцы встали на сторону Австрии, надеясь, что Габсбурги разрешат им вновь объединить все хорватские земли. Славянофилы, и в частности, И. и К.Аксаковы симпатизировали предводителю иллирийской аристократии бану Й.Елачичу (1801-1859), ставшему в 1848 генералом австрийской армии и главнокомандующим войсками Хорватии и Военной границы – территории, пограничной с Турцией. Когда лидер революционной Венгрии Л.Кошут (1802-1894) отказался дать автономию славянским народам, входящим в состав возрождаемого венгерского государства, заявив хорватской депутации, что не знает такого народа, как хорваты, то это определило поведение всех немадьярских этносов страны. Наместник Хорватии Елачич повел войско хорватов и сербов на Вену и Буда-

пешт. Елачич прямо объяснил причину, по которой весь хорватский народ поднялся сражаться за Габсбургов против демократии: «Я бы предпочел видеть мой народ под турецким игом, чем под полным контролем его просвещенных соседей… Просвещенные соседи требуют от тех, кем они правят, их душу, то есть, говоря иначе, их национальную принадлежность»[14]. Выступая против германских и венгерских революционеров, для которых славяне были «реакционными народами», оказавшись, вместе с русскими войсками, спасителями Габсбургов (что вызвало яростные антиславянские выступления Маркса и Энгельса), в конечном счете, славяне защищали свою национальную идентичность. Поэтому славянофилы считали Елачича борцом за духовное освобождение славян от австро-венгерского и турецкого гнета.

Нужно подчеркнуть, что русский панславизм лишь в малой степени был «соблазном крови». Не столько этнические, сколько языковые и культурные факторы, особенно религиозные, выдвигались на первое место в обосновании необходимого единения славян. В отличие, например, от подобных ему объединяющих движений типа итальянского или германского, для которых был характерен резкий антиклерикализм, русский панславизм, в силу своего консервативного характера, опирался на традиционную религию, отрицая всякий религиозный модернизм. Во второй половине XIX века, когда пышным цветом расцвели различные расистские теории (достаточно сказать, что в 1853 г. выходит книга А.Ж. де Гобино «О неравенстве человеческих рас», тогда же появляются различные социалдарвинистские теории), русские панслависты, почти не беспокоившиеся о «чистоте крови», были чем-то странным. Важно отметить и то обстоятельство, что в 1850-1860-е годы панславизм в России, несмотря на заявляемые его представителями патриотизм, самодержавность, имперскость и т.п., приобретал оппозиционный характер, поскольку требовал переориентации всей внешней и во многом внутренней политики Российской империи.

«Дунайский Союз» М.Погодина и панславизм

Одним из теоретиков и пропагандистов идеи славянской взаимности, занимавшей центральное место в русской националистической политической идеологии – панславизме являлся выдающийся русский историк, публицист, писатель, общественный деятель М.П.Погодин (1800-1875)

---

[14] *[40, 29]. Подобные чувства разделяли и чехи, выступая против присоединения Чехии к объединенной демократической Германии. Видный деятель Чешского просвещения К.Гавличек-Боровский говорил немецким демократам: «Что вы нас, немцы, стращаете русским кнутом; для нас, славян, он предпочтительнее и лучше вашей немецкой свободы» [13, 110].*

Анализ творчества Погодина позволяет прийти к выводу о том, что в своих трудах 1830-1850-х гг. он обозначил контуры панславистской доктрины (отрицание европоцентризма, идеи цивилизационной противоположности Запада Востоку; враждебности Европы к России, перерастающей в русофобию; необходимости, неизбежности борьбы России против Европы и понимание этой борьбы как единственного средства решения восточного и славянского вопросов; закономерности возрастания всемирно-исторической роли славянских народов; культурной и политической миссии России на востоке Европы; создания федеративного Всеславянского союза во главе с Россией; и др.), развернутое теоретическое обоснование которой затем предприняли в своих трудах В.Ламанский[15], Н.Данилевский[16] и другие русские панслависты 1860-1880-х гг. Более того, не только в теоретическом, но и в конкретно-политическом плане панславистские программы, особенно русских «культурных» панславистов этого времени во многих пунктах совпали с программой помощи развитию славянскому просвещению, которую Погодин предлагал осуществить еще в конце 1830-начале 1840 годов.[17]

Погодинская историософия, как и идея всеславянства, исходила из просветительских представлений о месте народов во всемирно-историчес-

---

[15] *Ламанский Владимир Иванович (1833-1914), историк-славист, один из первых русских геополитиков, автор труда «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), создатель исторической школы русских славистов, отстаивавшей славянофильские и панславистские идеи.*

[16] *Данилевский Николай Яковлевич (1822-1885), русский публицист, социолог и естествоиспытатель, идеолог панславизма, автор знаменитого труда «Россия и Европа» (1869, отд. издание -1871), в котором обосновал теорию культурно-исторических типов и панславистскую политическую доктрину решения «Восточного вопроса».*

[17] *Так, например, один из самых деятельных сотрудников С.-Петербургского отделения Славянского благотворительного общества, В.И.Ламанский в речи «Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западно-славянских землях?», произнесенной в общем собрании Славянского общества 15 ноября 1884 г., наметил программу взаимоотношений России со славянскими народами, которая мо многих пунктах буквально совпадала с погодинской системой мер, предложенной им русскому правительству в лице Уварова еще в конце 1830-начале 1840-х гг. Она состояла из трех пунктов: 1) улучшение издания «Известий Славянского Общества» и приобретение ими все большего круга читателей и подписчиков; 2) распространение русских книг в зарубежных славянских землях; 3) содействие славянам «единоверным» – болгарам и сербам - в развитии у них высшего светского и духовного образования [14, 2-4, 39]. Главной особенностью славянства Ламанский и в этой речи назвал «исключительный партикуляризм»: «В славянстве вообще не только нет внутреннего мира и согласия, но и мало общения и соглашения. Каждая народность занята самосохранением, своими частными задачами» [14, 19]. Поэтому приоритетной задачей для славянских народов на ближайшую историческую перспективу Ламанский считал преодоление разногласий, выработку принципов обсуждения и решения общих проблем, принятие единого «органа образованности» – общеславянского литературного языка [14, 21-22].*

ком процессе и гегелевского учения о том, что каждому народу априорно присуще некое «начало», раскрытие содержания которого и составляет его историю. Такое «начало» для русских как славянского народа Погодин находил в православии. В своих теоретических построениях он противопоставлял Восточному миру, православному, греко-славянскому наследнику Византии мир Западный, католический, романо-германский – детище Рима. Характерными признаками Западного мира были для него римско-католическая религия, латинская образованность, рассудочность мышления и рационалистичность действия, четкая регламентация жизни, преобладание материального элемента над духовным, стремление к насилию. Отличительной особенностью этого мира Погодин считал преобладание в нем юридического начала над нравственным, поэтому политическую борьбу, революции и перевороты относил к проявлениям «западных начал» в жизни романо-германских стран.

Истинным хранителем христианских заповедей с точки зрения Погодина является Восточный мир, исповедующий православие – единственную форму религии, сохранившую в чистоте христианские начала. В православном мире нравственные начала являются определяющими в жизни общества. Этика греко-православной стихии основывается, по мнению Погодина, не на формальной логике и рассудочности, а на искренней вере, на пылком и бескорыстном чувстве. Поскольку политические начала не являются для славян ведущими, их государственность отличается от прочих, она основывается на свободном выборе власти, а не на насилии завоевателей. Отсюда проистекают и особенности общественной жизни – отсутствие сословий, широкое развитие общественной собственности на землю, мирные отношения между светской и духовной властью.

Запад, с точки зрения Погодина, «обветшал, устарел, повредился и имеет такую же нужду в обновлении, какую восток имеет в пробуждении» [23, 211].

Погодинские теоретические представления о цивилизационной противоположности западной и восточной Европы, коренящейся в религиозных различиях, легли в основу русских панславистских концепций и теорий объединения славян – как литературного, так и политического характера.

Так же как и в панславизме западном, в рамках русского панславизма можно выделить «культурное» и «политическое» направления. «Культурный панславизм» развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский. «Политический панславизм» создавал проекты политического объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона. Эта ветвь панславизма существовала в нес-

кольких вариантах, одни из которых можно обозначить как «революционные» или «радикальные» (декабристы, Герцен, Бакунин), другие – как «консервативные» или «имперские».

Именно к последней разновидности можно отнести погодинский проект «Дунайского Союза», идею создания которого он высказал в период Крымской войны 1853-1856 годов.

В качестве предварительного замечания, нужно отметить, что, проектируя православно-славянский союз, Погодин исходил из того, что «византийский» вектор русской геополитики с главной задачей – завоевания Константинополя-Царьграда и изгнания турок из Европы, имел в истории России глубокие корни. По крайней мере, «на вратах Константинополя повесил свой щит, как будто ставя нам цель, наш вещий *Олег*, иже нача первее в Киеве княжити» [23, 188], а «задача сломить турок», которым поддались крымские ханы, была поставлена в XV веке Иваном Васильевичем [23, 154-155].

В этой же связи Погодин упоминает и о «знаменитом» проекте XVIII века, авторство которого приписывает Миниху: «завоевать Константинополь и выгнать Турок из Европы» [23, 167]. Здесь речь идет о так называемом «греческом проекте» Екатерины II [10], который предусматривал: во-первых, изгнание турок с территории Европы; во-вторых, освобождение Греции и создание греческой империи, Новой Византии, с православным императором во главе. В-третьих, на роль греческого православного императора предназначался второй внук императрицы, Константин, который и именем своим, и воспитанием (он с детства был окружен греческими наставниками и воспитывался в греческом духе) предуготовлялся на престол. Этот проект имел характер не только и не столько имперско-прагматический, сколько религиозно-исторический, духовный. Речь ведь не шла о захвате, присоединении или подчинении новых территорий России. Русский царь на греческом престоле был необходим как единственный законный правитель православной страны. Именно тогда актуализировалась политическая риторика о православных братьях – греках (включая, заметим, и болгар, чья церковь в то время была частью греческой церкви), которая позже дополнилась ссылками на кровное родство русских со славянами-братьями. Именно в этом концептуальном плане (духовное, православное родство, как основа патронажа России других народов), а не в деталях, прослеживаются аналогии с погодинским проектом.

В мае 1854 года, в записке VII. «Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа», требуя неучастия России в европейских делах и «предоставления Европы самой себе», подразумевая под «диверсиями» поддержку Россией освободительного движения в Италии, надежд Греции на присоединение Ионической республи-

ки и всех греческих островов, наконец, на устроение союза с Америкой[18] и возможный мир с Францией, Погодин указывает на рост влияния славянских народов Болгарии, Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, иллирийской Сирмии, хорватских Кроации, Далмации и Славонии, словенских Крайны, Штирии и Каринтии, чешских Богемии и Моравии, русинской Буковины, которые являются естественными союзниками России в борьбе с ополчившейся против нее всей Европы: «Восемьдесят слишком миллионов, – почтенное количество! Порядочный союзец! Славяне были затерты Историей, Славяне были затерты Географией, Славяне были затерты дипломатией и политикой, но наступает, видно, время, когда, по слову писания, последние должны сделаться первыми» [27, 115]. «Да! Novus nascitur ordo! Новый возникает порядок, новая эра наступает в истории… Владычество и влияние уходит от одних народов и достается другим» [27, 123]. В связи с «новым порядком» европейского устройства, по аналогии с Рейнским союзом немецких государств под протекторатом Наполеона I (1806-1813)[19], и, памятуя о «греческом проекте» Екатерины II, Погодин предлагает русским дипломатам направить усилия на создание нового славянского союза со столицею в Константинополе.

Этот союз, как считает Погодин, можно назвать «Дунайским, Славянским, Юговосточным, Европейским» [27, 119].

Что касается государства-главы Союза и отношений внутри проектируемого сообщества, то по логике Погодина, во-первых, «покровительство и председательство союза должно принадлежать, естественно, по всем

---

[18] *К идее установить прочные дружественные связи с Северо-Американскими Соединенными Штатами Погодин не раз возвращался в своих письмах и записках [30, 233-234]. Развернутое обоснование необходимости «дружеского союза» России и Америки, Погодин дал в 1866 году в речи во время приема американской официальной делегации в Московской городской думе. Помимо взаимной симпатии американцев и русских, как отмечает Погодин, Россию и Америку сближают, во-первых, сходство экономико-географическое: обширность территории, неистощимость сил и средств, обилие природных ресурсов; во-вторых, сходство в учреждениях: «Северо-Американские Штаты – республика, а Россия – самодержавное государство. Но и здесь, как в нашей географии, крайности сходятся: в Русском самодержавном государстве земская струя течет беспрепятственно чрез всю Русскую историю до сих пор от глубочайшей древности». В-третьих, и это главное, сходство в опасливом, подозрительном, ревностном отношении к Америке и России европейских стран, источник которого Погодин усматривает «в старческой ревности, в общем невольном убеждении, что Америке и России принадлежит преимущественно будущее, как Европе прошедшее и давно прошедшее» [26, 262-264].*

[19] *Это объединение было создано в соответствии с парижским договором (12 июля 1806) между Францией и 16 государствами Западной и Южной Германии, которые отделялись от "Священной Римской империи" (6 августа 1806 она была ликвидирована) и вступали в военный союз с Францией, становясь фактически её вассалами. В течение последующих пяти лет к Рейнскому союзу присоединились ещё 20 государств в Западной, Средней и Северной Германии.*

правам, многолюднейшему племени из всех, составляющих союз» – то есть пятидесятимиллионной России, которая «должна сделаться главою Славянского союза, не по своему желанию, не по произволу, не из честолюбия и властолюбия, а по необходимости, по естеству вещей» [27, 119, 120].

Во-вторых, общим литературным языком для всех славян со временем должен сделаться русский язык, «не по принуждению Русского правительства, а по законам филологии, как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий Славянских, северных и южных, восточных и западных» [27, 120].

В-третьих, как считает Погодин, этот союз должен расшириться. К нему, «по географическому положению, находясь между Славянскими землями, должны пристать необходимо: Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания» [27, 120].

Что касается Польши, то Погодин ратует за ее отделение от Российской империи и за восстановление независимого польского государства «в пределах польского языка», то есть без Белоруссии, Волыни, Подолии, которые есть «часть России с Русскими жителями, с Русским языком, с Русскою верою», но с Познанью, западной частью Галиции и частями Силезии в которых осталось «польское начало» [28, 129, 130]. Взамен отчуждения Польши Погодин предполагал присоединение к составу Российской империи восточной Галиции [28, 133]. Единственная, сколько ни будь возможная форма будущего бытия Польши, как и других славянских государств, считает Погодин, – в Славянском союзе, «при покровительстве России, с взаимной помощию всех Славянских племен» [28, 130-131].

Внутрисоюзные отношения, по мысли Погодина, должны будут строиться на принципах невмешательства во внутренние дела союзных государств. Все государства этого Союза «будут управляться сами собою, conditio, sine gua non, без малейшего участия прочих, с покровительницею включительно (т.е. России – *А.Ш., А.М.*)» [27, 120].

Видимо, перед лицом остального мира Славянский союз будет выступать как одно целое. Для решения «общих дел», затрагивающих интересы всех государств-членов союза, Погодин предполагает учреждение возглавляемого русским императором «Константинопольского сейма» (структуру и функции этого сейма Погодин не прописывает, упоминая лишь вскользь о его тождественности «миру» – сходке русской крестьянской общины) [27, 120].

Столицей этого Союза, центром Славянского мира – географически и исторически является Константинополь.

С одной стороны, как доказывает Погодин, на протяжении тысячелетней истории Россия ищет «центр своей тяжести» (которыми последова-

тельно были Новгород, Киев, Владимир, Москва). Движение этого маятника с севера на юг, а затем на север, остановилось в Петербурге, но даже по законам физики крайняя точка 15 000 верстной линии не может быть центром: «Из Петербурга размах не может остановиться нигде кроме Константинополя» [24, 187]. С одной стороны от него будет Россия, с другой – Славяне, «которые простираются до Адриатического моря, до пределов Рима и Неаполя к Западу, а к Северу до Среднего Дуная и Эльбы» [24, 187]. Именно Константинополь является центром этой «почтенной окружности», столицей нового Союза.

С другой стороны, именно Константинополь является духовной святыней для русского народа и всех православных христиан, центром притяжения русской истории, центром не только географического, но и исторического, духовного круга: «Константинополь был средоточием, столицею Русской Истории в продолжение ее первых двухсот лет, которые так знаменательно соединяются и соседствуют с нашим временем, составляя одно целое, один замыкающий круг» [24, 190].

Поэтому, как заключает свои исторические рассуждения Погодин, «Все зовет Россию в Константинополь: История, обстоятельства, долг, честь, нужда, безопасность, предания, соображения, заключения, наука, поэзия, родство, благодарность, Вера, друзья, враги, память, воображение, прошедшее, настоящее, – и даже будущее – и мы будем в Константинополе!»[20].

Для России Славянский союз чрезвычайно выгоден и в военно-политическом и геополитическом отношениях. Во-первых, замечает Погодин: «Россия отделится тогда от Европы целою стеною союзных с ней государств Славянских, и может делать у себя дома, что угодно, пользуясь силами своего союза, и не имея нужды в ежегодных рекрутских наборах» [28, 131]. Во-вторых, в самой Европе тогда установится действительное, а не мнимое равновесие сил, которому будет, по мысли Погодина, способствовать образование еще одного – Северного или Балтийского – союза Швеции, Дании, Пруссии во главе с Россией: «Франция, Испания, Италия, Англия, Голландия и Юго-Западная Германия, на одной стороне, а на другой Россия с силами Балтийского союза на севере, т.е. Швециею, Даниею

---

[20] *[24, 197]. Объективности ради нужно сказать, что в середине 1860-х годов Погодин начал корректировку своих представлений о центре славянского мира в пользу Москвы. В мартовском 1867 года послании Тьеру, он приводит слова «боевого генерала», в которых, как ему кажется, скрывается глубокая историческая истина: «если мы возьмем Константинополь, все лучшее от нас, и из нас, повлечется туда: все таланты, все средства, все капиталы, все усилия... Бог с ним с Константинополем! Москва нам дороже. Мы должны оставаться дома. Отсюда можем мы протягивать руки, по железным дорогам, и в Константинополь, и в Камчатку, и в Ташкент, и на Печору, и в Тифлис» [29, 178].*

и Пруссиею, или Северною Германиею, и с силами Дунайского союза на Юге, т.е. со Славянскими государствами, Венгрией, Молдавией, Валахией и Грецией… вот настоящее равновесие, вот Запад и Восток лицом к лицу, с соразмерным разделением сил…» [30, 239].

Более того, именно такая равновесная система европейской политики, по мнению Погодина, обеспечит прочный мир и процветание народам, гарантии которых «могут быть предметом общих совещаний всех государств… на законах права, науки взаимных их отношений, естественных и исторических, – Совета Европейских Амфиктионов» [30, 241][21], по аналогии с древнегреческими амфиктиониями – символами панэллинизма и воплощения идеи общеэллинского единства[22].

По большому счету, можно утверждать, что к середине 1850-х годов, задолго до Данилевского с его проектом «Всеславянской федерации» и Ламанского, выдвинувшего концепцию греко-славянского мира, Погодин, обозначив цивилизационные отличия Запада и Востока Европы, обрисовал контуры федеративного Всеславянского союза во главе с Россией, идеал которого стремились воплотить в жизнь русские панслависты. Таким образом, он предстает перед нами как мыслитель, одним из первых в России начавшим разрабатывать и пропагандировать идеи русофильского политического панславизма.

---

[21] *В письме к Ф.И.Тютчеву Погодин высказывает идею создания «Суда Европейских Амфиктионов» [31, 299].*

[22] *Амфиктионии – одна из древнейших форм межплеменных и межгосударственных объединений в древней Греции. Важнейшей чертой, отличавшей этот тип объединения от прочих, являлось наличие у амфиктионов (букв. «вокруг живущих» - греч.яз.) общего религиозного центра, который находился на их попечении и в котором во время специальных собраний их представители осуществляли совместную культовую практику. Помимо надзора за святилищами, в задачи амфиктионии входила организация панэллинских празднеств, таких, например, как Пифийские игры, а также решение различных политических вопросов как внутри, так и во- вне Союза (например, создание третейских судов, выработка правил ведения войны: знаменитая клятва амфиктионов требовала примерно наказать того, кто нанес ущерб амфиктионам или Дельфийскому святилищу, и сравнять с землей такой город и др.). Во времена Погодина принято было считать, что союз амфиктионов, как, например Дельфийско-пилейская амфиктиония, играл большую политическую роль и имел значительную компетенцию в международной юрисдикции. Общие дела амфиктионии и спорные вопросы, возникавшие между ее членами, решались Советом амфиктионов – синедрионом (букв. «собрание, совещание» – греч.яз.), который составляли гиеромнемоны (по два от каждого племени), обладавшие в качестве представителей племен правом голоса. Кроме того, на заседания амфиктионов направлялись и представители отдельных полисов – пилагоры, имевшие право совещательного голоса. Постановления Совета были обязательны для членов Союза, которые клятвенно обязались им повиноваться [17; 12].*

Библиография

1. Аксаков И.С. Передовая статья из газеты «Русь» 19 октября 1885 г. // Аксаков И.С. Полн. Собр. Соч. Т.I. Славянский вопрос. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878. - Москва: Типография М.Г. Волчанинова, 1886.
2. Аксаков И.С. Ф.И. Тютчев (Биографический очерк). Репринтное воспроизведение издания 1886 года. - Москва: АО «Книга и бизнес», 1997.
3. Бакунин М.А. Исповедь. // Бакунин М.А. Собр. Соч. и писем. В 4 т. Т.4, - Москва: Изд-во Всерос. Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934-1935.
4. Бакунин М.А. Государственность и анархия. // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. - Москва: Правда, 1989.
5. Бакунин М.А. Основы новой славянской политики. // Бакунин М.А. Собр. Соч. и писем. В 4 т.Т.3, - Москва: Изд-во Всерос. Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934-1935.
6. Белинский В.Г. Литературные и журнальные заметки // Полн. собр. соч. Т.9. - Москва, 1955.
7. Гердер И.Г. Избранные сочинения. - Москва – Ленинград, 1959.
8. Дзюба И. Пророче слово. Штудіі про філософські погляди Т.Г.Шевченка. // "Кит", 1986, №3.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.2. - Ленинград, 1991.
10. Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. - Москва, 2001. Глава I. Русские как греки. «Греческий проект» Екатерины II и русская ода 1760-1770-х годов.
11. Кон Г. Национализм: его смысл и история. // Проблемы Восточной Европы. №41-42. Вашингтон. 1994. С.88-169. http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/6.htm
12. Кулишова О.В. Дельфийская амфиктиония в политической жизни архаической и классической Греции. // Университетский историк: Альманах. Вып.2. – Санкт-Петербург, 2003 (http://history.pu.ru/biblioth/unhist/2003/items/Kul.pdf).
13. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. 2 изд. – Петроград, 1916.
14. Ламанский В.И. Чего нам особенно желать и что нам нужнее делать в западно-славянских землях. - Санкт-Петербург, 1885.
15. Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX-XX вв. - Москва, 1994.

16. Лещиловская И.И. Концепция славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX века. // «Вопросы истории». – Москва, 1976, №12.
17. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. I (Государственные и военные древности). - Вильна, 1880. Гл.27. Амфиктионии (http://www.sno.7hits.net/lib/lat/1/4-27-1.htm)
18. Материалы для биографии М.Бакунина. - Москва; Петроград: Гос.изд., 1923. Т.1.
19. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. - Москва: НЛО, 2006.
20. «Московские ведомости», 1887, №260.
21. Мырикова А.В. Политические идеи Ф.И.Тютчева. - Москва: Изд-во «Современные тетради», 2004.
22. Панславизм. // Общественная мысль России XVIII - начала XX века. Энциклопедия. - Москва: РОССПЭН, 2005.
23. Погодин М.П. Настоящая война, с точки зрения Европейской Истории (1854 в Июле). // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. - Москва, 1874.
24. Погодин М.П. X. В Июне. Настоящая война в отношении к Русской истории. // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. - Москва, 1874.
25. Погодин М.П. XV. О Русской политике на будущее время. // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. - Москва, 1874.
26. Погодин М.П. Речь, произнесенная в Думе, на обеде, в честь Американского Посольства. // Погодин М.П. Речи, произнесенные М.П.Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830-1872. - Москва, 1872.
27. Погодин М.П. Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа (Мая 27.1854). // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. – Москва, 1874.
28. Погодин М.П. VIII. О Польше. // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. – Москва, 1874.
29. Погодин М.П. Послание Тьеру. // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). - Москва, 1876.
30. Погодин М.П. XV. О Русской политике на будущее время. // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. - Москва, 1874.

31. Погодин М.П. XVIII. 1855. Апреля 7. К Ф.И.Тютчеву. Положение Европы. Вид на союз с Францией. Мечтания. Что нам делать. // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853-1856. – Москва, 1874.
32. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. - Москва, 2007.
33. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Выпуск 2. - Москва, 1992.
34. Старый мир и Россия. Письмо к В. Линтону. // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. т.12. Произведения 1852-1857 гг. - Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
35. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. Статьи, стихи. – Москва: Правосл. Свято-Тихон. богосл. ин-т, 1999.
36. Хомяков А.С. Разговор в подмосковной. // Полн. собр. соч. Т.3. – Москва, 1900.
37. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. - Москва, 1986.
38. Флоренский П.А. Около Хомякова. - Сергиев-Посад, 1916.
39. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. - Вильнюс, 1991.
40. Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы / пер. А.Бушуев, Т.Бушуева, И.Соколов. - Смоленск: Русич, 1997.
41. Ширинянц А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П.Погодина. - Москва, 2008.
42. Шкляр Л.Е., Штоковиш А.А. Н.Я. Данилевский как культуролог и геополитик. (Современный взгляд в прошлое). // Философская и социологическая мысль. 1992. №12;
43. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Изд. 2-е, т.8. - Москва: Госполитиздат, 1956.
44. Якобсон Р.О. Основа славянского сравнительного литературоведения. http://ameshavkin.narod.ru/litved/grammar/jakobson/osnova.htm).
45. Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. - Москва: Художественная литература, 1981.
46. Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. Главы из книги. // Нева. 1990. №9.
47. http://traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/index.htm
48. http://www.turan.info/forum/showthread.php?t=1799
49. http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/kon01.htm

Поступила в редакцию
16 ноября 2010 года

Compartimentul
GUVERNAREA POLITICĂ SI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

RESPONSES TO THE CRISIS OF LOCAL AUTONOMY IN ESTONIA: CENTRALISATION VS. MULTILEVEL GOVERNANCE PERSPECTIVE

Georg SOOTLA
Estonia, Tallinn, Tallinn University, department of Government,
PhD, professor

After the collapse of Soviet system the dual system of local government was introduced in Estonia. This became possible largely because of deep economic and political crisis. Estonia tried to solve the emerging capacity problems by municipal amalgamations, but did not succeed. The centralizing trends were persistent at the start, but with the strengthening of politico-administrative system it becomes dominant in the development of intergovernmental relations (IGR) in 2000th. This is conducive to the change of dominant pattern of central local relations – to the transformation of fused system of IGR. The inability of local elites to oppose to those trends was caused by political reasons as well as by drawing on traditional outdated understanding of local autonomy. Strategies of both – central and local elites – cannot provide perspective solution to imbalance of central local relations. Estonia should develop the pattern and values of multilevel governance which enables to be involved into intensive Europeanization process and into the formation of Baltic Sea integrated region.

Introduction

Estonia is among few Central Eastern European countries that established dual system of municipal government with strong autonomy of local authorities. The extensive local autonomy – as perhaps in many CEE countries – was largely a result of institutional context: extensive crisis caused by the collapse of Soviet type political, administrative and economic system and very active bottom up popular support. This initial impetus towards autonomy faded soon, however. The normative ideals of democracy which guided the reforms in the end of 1980s -beginning of 1990s and institutional vacuum was soon replaced by very practical issues of capacity: how small communities with very restricted revenue basis can provide services to local population.

Table 1. Size of local government units in selected new EU member states

Country	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*

Estonia	227	4117	15.4	20,7	199
Czech Republic	6230	1482	79.8	116,7	12.7
Hungary	3127	2657	54.8	89,2	29.8
Slovakia	2875	1722	68.4	100,7	17.1
Latvia	118	12869	0	23,5	547.4

Note: 1 - *number of municipalities; 2 - mean number of inhabitants; 3 - Municipalities below 1000 inhabitants (%); 4 - Mean density of inhabitants in km*^{2}; 5 - *mean area of municipality (km*^{2}.

Source: calculated by government websites of respective countries. The population of the capital city is excluded

The quest to autonomy was replaced by centralizing trends, which become especially intensive in 2000th. Local authorities tried to resist to those trend without success, because they draw on traditional and outdated by 2000th in Europe of the concept and practice of protective local autonomy. Central authorities who backed the centralizing trend actually focused on the replacement of one traditional pattern of IGR (dual system) with the other (fused system). Whereas in Europe in 1980-1990s the substantially new pattern of central local relations – multilevel governance [22] or government across levels [19, 37] emerged. It was caused by extreme fiscal stress as well as that was by European integration and by general globalisation trend. In this situation the both perspectives: autonomy and centralisation become obsolete [16; 3] and the need to introduce the pattern of multilevel governance become acute [22, 23]. The new trigger to the latter trend was caused by emergence of macro-regions strategies in European Union (Mediterranean, Danube basin and Black sea), among them the Baltic Sea region strategy, which can be promoted by intensive cooperation across levels of government [24].

Basic patterns of central-local relations in Europe.

Patterns of central local relations in Europe emerged in two basic ways in the course of development of nation states [17; 26]. On the one hand, in Continental European power vertical was established as a result of - actually – conquest of central government and subordination by then of strong and conservative and uncontrollable local elites, who governed over the hierarchical corporatist clan like communities, which economically based on serfdom. The central government established its rule at the local level in order to unify certain dimensions of nation state-society (language, culture, public order) and to control better local resources to be able to finance extensive central government and army. As the result **the fused system of intergovernmental relations (IGR) emerged.** In this patters it was clearly defined central state competences, which were assigned either to state provincial governments and field offices or to municipality officials (mostly administrative services to population and to the state), who

worked under more or less strict state supervision in implementing those tasks. The local autonomy rests on those public tasks and services that state was not willing to control and to provide (i.e. general competence). Obviously in small municipalities the amount of self governing tasks (and taxation powers) was very small, but in larger cities those tasks might be very extensive. This makes the elected mayors of large cities a very powerful figure. (Many presidents of France, for instance, have been city mayors.) Local government was actually arm-length of central authorities which can at best adapt national policies to local specific and local autonomy was in majority of municipalities very tiny.

In Northern Europe, where historically serfdom did not emerge (Nordic region) or it was abolished by monetary agriculture very early as in England, the nation states, integrated space of culture and economy, formed in the context of balance of levels of governance, because of strong egalitarian communities with extensive self-governing institutions or even rudiments of local democracy. Rather important role in this process played protestant religion, which promoted values of equality, individualism and competitiveness. This set of already integrated but relatively communities and local elites were able not only to resist to centralizing trends and to satisfy needs of central government (in conscription, in providing justice) but were rather constructive partners in developing internal markets, in providing public services, such as secular education or social care, whereas military service recruitment was already put on the monetary / economic basis. As a result, the dual system of central local relations emerged, where public authority of central government and local government become clearly legally separated spheres of public authority and mutual intervention of their affairs was not permitted. Obviously this non-interference can be based on mutual trust or consensus like mechanisms and on strong economic positions of local elites. As a result majority of public tasks at the local level was trusted to local self-governing bodies. Differences of those basic patterns are presented in the table 2.

Table 2. Classical patterns of central-local relations in Europe

Fused, centralized system	*Dual, Autonomous system*
1. One and individible public authority	Two spheres of publik authority: central and local
2. Strict standards for actions of local authorities, very detailed regulation by laws and by-laws	Legal context established by framework laws, local policy formed by local laws adopted by local council
3. Local council has supervising role over administration or adapting laws / decisions of central government to local needs	All local powers are coming from council which is delegated to local administration; extensive comperence of council in local leglislation.
4. Direct administrative intervention	Administrative intervention prohibited, only

and ex ante control	court decision to estabilishing legality of local decisions / actions
5. One indivisible civil service at all levels	Considerable autonomy in formation of civil service at local level
6. Decisive role of state categorical grants to cover current expenditures, dependent of the state regulations spending	Extensive autonomy in taxation and spending, state general grants to support capacity

Source: The author

Those are of course ideal types in Weberian sense and they have multiple internal variations and are intermingling. For instance in northern (protestant) part of Germany and in Low countries there are some traits of dual system, which enables even to locate those countries into Northern family of local governments. The profound decentralisation of those countries is based also on extensive autonomy of federal units of government: lands and regions. In Eastern Europe and in Estonia the split hierarchy emerged [5] where local autonomy did not reached provincial / county level, and central authorities were not balanced by self-governing bodies on that strategic level of government [17]. This was established largely by political reasons: strong local elites with Soviet background played important role at the beginning of 1990s and new emerging liberal elites were very eager to restrict their power resource at provincial / county. But, later this specific makes the municipal level very vulnerable to the centralizing trends.

Estonian case: from fused to dual (autonomous) system of central-local relations

Estonia is very edifying case because it established the fused system – inherited from Russian Empire – in 1920 after the independence which Estonians gained first time in 1918. But local government self-elements were introduced already in the end of 18th century as counterweight to powers of rural manors. Modern local government which took shape from German-Prussian one was created in 1860s in when Estonia was still part of Russian Empire. The Russian law was in force up to the end of 1930-s, when authoritarian regime in Estonia introduced the system strong elements of local (corporatist) autonomy.

In the 1989 the other - dual pattern - of central local relations was established with specific split hierarchy. This pattern emerged because of rather specific historical context. The first, it was a very bottom up initiative aimed to build-up the popular-democratic government as strong counterbalance to the Soviet institutions that played in the 1989 still important role (Estonia was restored as the independent state in 1991). This provided the basis for extensive autonomy vs. central state. The second, it was strongly supported by population which

provided a strong basis for party political democracy. The third, this initiative was supported directly – first of all with advice and training – by Nordic associations of local and regional governments. The fourth, at the second stage of reform in 1993 Estonia was in deepest economic social and political crisis. Besides economic decline the Russian secession movement intended in summer 1993 to split off North-Eastern Estonia where Russian speaking population was in majority. At the same time the military unit of young Estonian army initiated disobedience in the context when still strong Russian army located in Estonian territory. New government that was elected in 1992 started to loss political support. In this context the central government was ready to disperse different risks via profound decentralization of tasks and assets to local authorities. The consensus and trust between central and local elites – as necessary variable of dual system – was at that moment rather strong. The focus of local government development was primarily political – the development of self-governing democracy - and issues of economy and capacity were largely behind the scene.

Early warnings of centralisation trend

Later studies revealed [29; 27] that this consensus of central and local elites was far from being sincere. It’s better to call it a naive consentience. Central government elites intended to develop its power basis at the local level (that in 1993 nevertheless failed) and to spread risks of popular discontent because of economic, social, ethnic crisis and still actual threat from Russia. Local elites intended to get as much as possible resources and authority, whereas democratic self-governing traditions were not enough deep. There were a lot of bottom up enthusiasm but it is not per se sufficient to self-governance: participation, power contesting from below and accountability and responsiveness from above at the local level. For instance, in 2005 as much as in 37,3% of Estonian municipalities (and 49,4% in smaller municipalities with population less than 1500 citizens) majority party get 66 and more per cent of votes. This indicates about still strong persistence of corporatist community which would be important hindrance to true local-self government at local level. Already after the 1993 law the first warning signals of centralizing trends were evident.

The first, the assets that were delegated into the possession of municipalities were largely exhausted in moral morally and in physical sense. One of the first tasks for municipalities was the reconstruction of Soviet central heating system that was built to consume the very cheap energy whereas the prices to energy jumped drastically. Many of municipalities inherited from this time extensive loans. The second, central government delegated as few as possible land into the property of municipalities, whereas land is in Europe usually one of sources of local government revenue. The third, the financial reform at the beginning of 1990-s gives to local authorities very large spending and borrowing rights, whe-

reas the tax reform in 1993-4 established local taxes that enable to collect only 1% of public revenues by local authorities, which is lowest in Europe [10; 15]. Majority of taxes in Estonia are coming from personal income tax that is shared state tax. The fourth, the initial decision to abolish county councils in 1993 by political reasons was followed by the gradual reduction of authority of county government and governor. The specific consensus between central and local elites emerged. Central government was eager to curb the authority of autonomous county governors who had rather extensive legitimacy and at the same time to increase the influence of sectoral field offices. Thus the integrity of authority and cooperation of public authorities at county level reduced. These trends were already coded into 1993 LGA and later become more pronounced which evidenced also about the increase of political role of bureaucracy.

Municipal elites wished to transfer regional tasks of county government to local government associations which played extremely important role in developing dual system of central-local relations at the beginning of 1990-s. This interest was supported by the central government rhetorically but not in practice. Local government associations (LGA) have still a very low status as non-profit, non-government organisations and this restrained the transfer of public tasks and resources of county government to LGA-s and these resources were transfered to administratively dependent ministerial field offices and later centralized. The most serious problem was the political deadlock that emerged at the beginning of 2000-s that closed a door to any kind of political reform targeted to the modernisation of central-local relations.

Attempts of amalgamation of municipalities in Estonia

The local capacity issue become at the forefront soon after 1993 Act was adopted. The amalgamation was seen as the only tool to increase the capacity of local government that evidenced the domination of traditional understanding of IGR. Framework legal norms of amalgamation were adopted already in 1994. In 1997-98 the first government program of local government was drafted that presumed voluntary amalgamations at the first stage (one electoral period) and the compulsory amalgamations at the second stage. The next government program (1999-2001) triggered the comprehensive top down amalgamations. The readiness of local elites to do that was still persistent. Through complicated negotiations the first draft plan for merger of majority of municipalities was designed. The main strength of this top town political and rather instrumental reform was its reform organization which was integrated by strong lead agency and multilevel consultative process [29]. This enables to mobilize via discussion arenas the resource of trust still existing between local and central officials.

Nevertheless, the reform failed, because of several reasons. The first, the initiators as well as local elites did not have enough clear understanding of pos-

sibilities and gains from amalgamations. They operated with quite simplistic concepts of economy of scale and structure of municipal space which must be concentrated around larger geographical attraction centre. No new principles of institutional organisation and IGR was not presumed [6; 18]. The main focus of debates was the new number of municipalities, which was proposed to be from 15 to 120 (as compared with then existing 253). In this ambiguous context new controversial arguments for and contra amalgamations started to emerge. This eroded the former favourable context for further debates and for the achievement of tentative consensus in concrete cases of mergers. During the new wave of debates that did not based on clear indicators, opponents of amalgamation started to form the majority.

The second, the new cabinet started at the same time promote centralizing trend in other dimensions of central local relations, which diminished the trust between partners about true purposes of the reform. The opposition to top down overall amalgamations becomes very strong. As a result major party in coalition – Reform party - refrained to support this reform and the reform and government coalition failed. If at the start (1999) the coalition was strongly collegial and promoted substantive policy aims, already in 2001 the hidden political considerations, first of all the Presidential elections, started to form the position of partners towards comprehensive amalgamation reforms. Strategic issues become to be subordinated to current political power-games which become general trend of the policy process. From this point and up to present the reform agenda of Estonian local government was formed by hidden political calculation that did not have any substantive link with the harmonization of central-local relations or increasing overall capacity of local authorities. From 1999 the Reform party has been in government coalition as major partner and it have blocked any initiative of overall reform of local government.

The third and maybe most important contextual variable was the presence and even strengthening of old understanding of central local relations which – in the period of stable development – become conducive to the decreasing trust between central-local and also between local authorities themselves. With the breaking down of consensus which existed at the beginning of 1990 and which was based on belief of democratic local government as the guarantee of national survival, both sides – central and local authorities – returned to very traditional values. Local elites are increasingly holding values of protective democracy and see the mission of local authorities in defending traditional community and in resisting to the possible intervention of central authorities to local affairs. This stance is rather justified, because all government cabinets in Estonia have contributed – from 1993 onwards – to the centralization of powers and resources and in strengthening dependence of local authorities – politically as well in administrative and economic sense – on central authorities. Alongside with centra-

lizing trends in central-local relations there were several waves of centralization of county government and field offices. I.e. centralization was not a specific stance towards the local authorities, but was in general perceived as the only and as the most effective tool of effective government.

Hence, beliefs and political interests of local elites, who are caring about autonomy of community (but also about their own personal office) on the one hand, and interests of national party elites, who systematically started to reduce the autonomy of local authorities, on the other hand, coincided concerning local government amalgamations. By the 2010 in Estonia the only politically feasible perspective remained still the voluntary bottom up amalgamations.

In this context it is even surprising how intensive have been amalgamations in Estonia. The first merger was in 1996. By 2010 the number of municipalities was reduced from 256 (in 1993) to 226 in 2010 after 21 merges in which 51 municipalities participated. Most of them were simple merges of town centres with surrounding rural municipalities. From 2002 onwards more complex mergers started, which resulted twice in changes of boundaries of counties (this presumes the decision of Government and Parliament). Actually amalgamations in 2020 and 2005 were triggered by 1999-2001 top down reform and their supporters among local elites. In 2009 in the context of deep economic crisis there was only one annexation [17] of surrounding area by larger town.

Steps toward centralisation and strengthening of defensive autonomy

Voluntary amalgamations of municipalities can at best improve the effectiveness and economy of individual municipalities but they does not enable to trigger sufficient institutional changes in municipal governance and in central-local relations (IGR). The pattern of political party spectrum and policy agenda in Estonia have been conducive – alongside with paradoxical consensus of central and local elites - to the application centralizing tools for the solution of capacity problems. The first changes in this direction in 2000-s was the gradual reduction of administrative autonomy of county governor as well as county government field offices. The first, central government freeze county administration budget in 1999. Political elites decided to make county governors onto party-political appointees before 2002 elections and reorganised in 2004 county governor's office from subordinated to government cabinet and prime minister to sub-unit of the department of local and regional government at the Ministry of Interior. The second, relatively autonomous government field offices in counties were reorganized into de-concentrated sub-units of regional field offices. Four large region's centres instead of 14 counties were developed for that caused the decline of rather large county centres in Estonia. This caused the erosion of public authority and integrated territorial development in counties, which was outright the reverse direction of reforms in Germany which is moving towards the strong local

autonomy [30]. The third trend was has the gradual centralisation of finances. The table 3 below indicates it very clearly. Government budget is increasing faster that local ones. The role of general grants for capacity building (as a indicator of local autonomy) has decreased insignificantly as compared with conditional and formula grants for covering current expenditures that indicates the increase of financial dependence from central government.

Table 3. Sources of local revenue 1998 and 2007 and the rate of change

	1998 (1000 EEK)	*2007 (1000 EEK)*	*Rate of change (per cent)*
Public budget revenues	15 287	54 647	357
Local government revenues	6.998	20.149	288
Unconditional equalizing grant	746	1301	74
All conditional grants	835	5388	645
Own revenues and income	5417	13461	248
The role of own income in local revenues (%)	77,4	66,8	
The role of unconditional equalizing grants in local revenues (%)	11.9	6.5	
The role of conditional grants in local revenues	5.5	24.8	

Note: In order to make the data comparable, the social fund has been excluded in the figures for 2007.

In 2000 the government investments to local authorities which were distributed at regional level (by Local Government Associations and County governor) become to be decided by ministries and their officials or by the Parliament factions. This increased the individual pork barrelling and competition between individual municipalities over resources that is appropriate to fused pattern of central local relations.

In 2009 the State Court decided, after the application of Tallinn City (that is governed by party which is permanently in opposition), that government grant money and local revenue must be managed separately and the former must be transferred under the administrative supervision of higher state authorities. In 2009 after unsuccessful national reform of education the government started to reorganize case by case secondary schools (gymnasiums) from municipal-owned organisations into government subordinated organisations whereas the role of education expenditures are ca. Half of total local government budget expenditures. I.e. Estonia is close to the explicit introduction of fused pattern of central-local relations.

At the same time, surprisingly, local elites have not reacted in any way. There would be different explanation of that behaviour. The first, local elites are becoming more and more dependent on central party elites, especially after Estonian parliament have prohibited to have double mandate at local and central

level legislatures. The second, local elites prefer more individual solutions in solving resource issues with ministries, i.e. they are becoming also personally dependent on civil service. Moreover, presumably majority of local elites have sacrificed autonomy of their community to the stability of personal office.

From amalgamations and cooperation to the multilevel governance in Europe

Amalgamation of municipalities was one of responses to the rapid expansion of welfare state in 1950s [8]. Enlargement of municipalities was precondition to the delegation of welfare services to local authorities which may after that retain or even extend their autonomy. In Nordic countries public expenditures and employment at local level may be up to 2/3 of all public expenditures. Adoption of this strategy was possible because of dominant values of self-government and responsibility for community it's well-being and of balanced dual model of central-local relations in Northern European region. In continental Europe where fused pattern of IGR formed and values of community protection and its political autonomy prevailed the provision of welfare services were let to the government field services of department / province / county level. The capacity gap of small communities was compensated by different forms of cooperation which started to develop for instance in France as soon as 1890 [20].

With the advent of crisis of welfare state in 1980-s and intensification of EU integration different strategies were applied. Nordic and Low countries launched the second wave of mergers [1; 25; 9]. The amalgamation's strategy was extended – with high controversies - to the German politico-administrative space [30]. Countries with Napoleonic tradition of government (France, Italy, Spain) started to create are rely on self-governing regions. United Kingdom launched comprehensive reforms based on ideas of New Public Management. The role of local government as service provides was decreased and provision was contracted either to central public agencies or private sector, including third sector, providers [28]. Reforms in former British colonies (Australia, New Zealand) decreased radically the service provision role of local authorities [12].

Like NPM, also the other reforms with *instrumental aims* were able to adapt local governance to the fiscal stress, but not to develop principal solution of core institutional problems in intergovernmental relations (IRG). Already at the first stage of amalgamation reforms in Nordic area and with shift in capacity and responsibilities of municipalities, the classical concept of local autonomy as guarantee against intervention of central authorities started to erode [28]. The integrative understanding and pattern of local government autonomy, which presumes cooperation of central and local authorities in provision of public services becomes more appropriate for the furthering sustainability of local governance [16; 3]. In France and in Southern part of Europe the increasing need in

fit between levels were achieved mainly through the personal integration of local and central elites, because local mayors of larger municipalities were either central figures in Parliaments or can hold simultaneously higher offices in government.

At that time the new challenge in the development of IGR become explicit, to which implicitly and in converted from responded already integrative approach as well as NPM reforms. Amalgamation reforms (and reforms of territorial integrity in Germany) referred to the need for more cooperation between levels or practice of managing across levels. The NPM strategy started to disintegrate – paradoxically through centralizing mechanisms – hierarchical relation between tiers of bureaucracy and central-local relations in particular. I.e. central local relations ceased to be zero sum power game [22], and instead, the need to introduction different institutional mechanisms that would ensure positive sum game between tiers and actors emerged. I.e. as a result of fiscal stress and globalisation (and EU integration) the extended (revised) understanding of subsidiarity (or of local autonomy) and the need in multilevel governance (MLG) emerged [4; 22].

This challenge was summarized by H.Baldersheim [4, 209] who states:

"Local government reform in European countries has been a pursuit of two himeras: the ideal size of municipalities and the ideal division of functions between levels of government... The precise municipal size and functional distribution are not at all important for effective governance. What is important, however, is the pattern of coordination across levels of government, or the mode of multi-level governance."

The analysis of MLG and its impact on relations between actors and tiers of government is extensive theme that deserves separate article [23]. We would briefly emphasize several specific traits that have changed aims, tools and the very sense of amalgamation in comparison with earlier one's.

First and foremost, the main purpose of amalgamation reforms and it's relation to other reform tools is changing. Earlier merges were aimed to increase mainly the effectiveness dimension and *output legitimacy* [14] of local government as service provision unit. Figuratively, the LG was fighting for the right to retain its role in the implementation of national policies at local level. The main theoretical focus was on issues of size and effectiveness, size and democracy [11; 7; 15]. Amalgamations were considered as one of possible tools of local government reform [10].

From MLG perspective the sources of capacity and scope, and the meaning of effectiveness and sustainability is changing. The first. The local government can rely because of deep fiscal stress much less on support of central authorities, but at the same time LG has much diverse external and horizontal sources of resources and capacity which make LG more autonomous from central authorities

[22]. The national and international cooperation is only the earlier channel of that sources. Without doubt the application of subsidiarity principle in intergovernmental relations in EU played in the creation of that kind of new autonomy a very important role. EU triggered the process of emergence of cross-boarder regions (Copenhagen region, Maastricht region, Strasbourg region etc.) and opened direct access to EU resources and also regulatory regimes for regions and municipalities of nation states. Currently the trend to form new macro-regions through primarily cross-boarder regional and local networks is meaningful trend in Europe. The Southern-Mediterranean regional networks were launched by Barcelona process in 1995. The EU Baltic Sea Region strategy was adopted in 2009. These trends in EU policy weakened the power vertical of nation states and increased considerably the role of vertical networks and clusters in promoting public policies and business.

At the same time, also the increasing scope of tasks that public sector faces presume joint cooperative efforts not only of different tiers, but also different local, domestic and international actors. The advantage of fused model of IGR was that it enabled the formation of local and state authorities cooperation. Hence, the amalgamations and other local government reforms must not focus primarily to the increasing local government physical capacity, but to the development of cooperative and reflective capacity: the ability of being attractive and reliable partner in different networks. This ability is not determined simply by service provision capacity but also by what we can name as by reflectivity: capacity of organizing and adapting to changing circumstances, role-taking in different networks, mobilizing internal human resources and external support as reliable partner, i.e. also by variables of *input legitimacy*, including the ability of creating favourable public image. Local government and IGR reforms must focus on the rearrangement of patters of interaction between tires and actors of governance. It means that the primary purpose of reforms becomes rearrangement not only central-local relations (IGR), but also rearrangement interactions with external partners, development of qualitatively new patterns of interactions and management between local authorities and devolved internal actors [4; 18; 31]. The internal re-structuring of larger municipalities into multy layre organism is even more acute at the current stage than achieving the new power balance between central and local authorities, because this balance is now increasingly dependent on the ability to mobilize internal partners and resources and to be open to external partnership.

Traditional mergers were focussed on exact definition of new boundaries and tasks of enlarged municipalities, and to their precise legal definition. In the framework of MLG the role of formal legal and ordered patterns is gradually diminishing and, instead, the role of negotiated patterns is increasing. In cooperative networks of, for instance, joint social service delivery the significance of

municipal jurisdiction and frequently also its role in managing services is declining. Thus, the amalgamations, the increase of the scale is becoming permanent process of extending the boundaries of partnership. Consolidation of resources can become from simple tool of changing municipal boundaries into complex generic reform mechanism [2; 15], that is utilizing different tools of capacity building, including the elaboration of new appropriate public rhetoric that go beyond the traditional statements about effectiveness etc.

In conclusion. Estonian responses to challenges: towards fused pattern or MLG

The creation of Estonian local government system is based largely on the experience of European and primarily Nordic countries of 1980s. They passed at that time themselves deep crisis which challenged traditional patterns of central-local relations. I.e. Estonian and CEE local government systems are not only products of transition crisis but they accumulated already obsolete practice which corresponds to their capacity and mentality. In current situation when, for instance the affluence of Estonia is already about 80% of EU average and new generation of capable political and administrative elites have emerged it is urgent to react emerging challenges similarly to other partners in the Baltic Sea region.

But the reaction is still in opposite direction in order neutralize not to respond to challenge. As demonstrated, developments in Estonian central-local relations were have focussed on the local government side, on traditional voluntary amalgamations and on protection of traditional autonomy. The national politico-administrative elite have openly pushed Estonian IGR towards the fused and centralized pattern of central-local relations. The latter strategy can be implemented in top down way because overwhelming superiority of central authorities over small and competing with each other local authorities. But is it perspective strategy for Estonia?

As stated the EU Baltic Sea region's Strategy was adopted in 2009. This strategy is focussed on the development of joint networks and institutions in main policy areas, like environment protection, transport infrastructure, business climate and high-tech production, public security and prosperity etc. Currently it is still rather technical document which implementation is put on the responsibility of central government. I cannot go into details but at central level Estonian government faces huge coordination problems because of over-politicisation of public policy. These problems have suppressed capacity of central government to carry out institutional reforms. This is already a fact that the implementation of BSS has faced with similar problem of coordination. As demonstrated at the BSS conference in Tallinn (Proceedings 2010) the BSS is very much linked to local and regional partnership, which presumes the development

of strong capacity and attractiveness as partners in BSS. I.e. BSS is fostering the MGL character in Baltic Sea region countries. It depends on capacity of individual countries to adapt their domestic structures to the needs of MLG.

Nordic countries have been most advanced in developing devices of MLG and they have already promoted substantial initiatives, created new cross-boarder regions, for instance in South-eastern Baltic which includes Sweden, Poland, Germany and Russia or in the Copenhagen-Skane region. BSS partners gave developed also substantial cross-boarder cooperation with Russia which is gradually approaching to the EU. Obviously the extent of European integration is not depending on the implementation of Lisabon Constitutional treaty from above, but increasingly is depending on capacity of developing new networks and institutions of macro-regions. It is rather probable that, if Estonia is continuing to move towards the model of central-local relations characteristic to Southern-Europe, Estonia may face not only similar economic problems with this region but, Estonia can remain outside of the development of macro regions and more widely – of European integration process. Because through current pattern of central local relations it is very difficult to develop local and regional communities as capable partners for macro-regional networks and institutions.

References

1. Aalbu H., Böhme K., Uhlin Å. Administrative reform – Arguments and values. Nordic Research Programme 2005-2008, research report. – Stockholm, Nordregio, 2008
2. Alternatives for reform. // The size of municipalities, efficiency and citizen participation. Local and regional authorities in Europe No.56. - Council of Europe Press, 1995.
3. Amnå E., Montin S. (Eds.) Towards a new concept of local self-government: recent local government legislation in comparative perspective. – Bergen: Fagbokforlaget, 2000
4. Baldersheim H. Subsidiarity at Work: Modes of Multi-Level Governance in European Countries. // Caufiled J., Larsen H. Local Government at the Millennium. – Opladen, 2002
5. Bennett R. (Ed.) Local government in the New Europe. - London: Belhaven Press, 1993
6. Bouckaert G., et.al. Trajectories for Modernizing Local Governance. Revisiting Flandrian Case. // Public management Review, 2002, v.4, #1.
7. Boyne G. Local government structure and performance. Lessons from America? Public Administration. 1992. Vol. 70, Autumn, pp.333-357.
8. Brans M. Theories of local government organization: an empirical evaluation. // Public Administration. 1992. Vol.70, pp.429-451.

9. De Ceunick K. Municipal Amalgamations in Belgium and the Netherlands: the principal cimilarities and differences. - Paper presented at the EGPA Annual Conference, Madrid 19-22 September, 2007
10. Caufiled J., Larsen H. Local Government at the Millenium. – Opladen, 2002
11. Dahl R.A., Tufte E.R. Size and Democracy. - Stanford, CA, Stanford University Press, 1973.
12. Dollery B., Garcea J., LeSage E. Local Government Reform. Comparative Analysis of Advanced Algno-American Coutries. - Edward Elgar, 2008
13. Theories of Local Government: European Comparison. // King D., Stoker G. (Eds.) Rethinking local democracy. - Basingstoke: Macmillan, 1996
14. Keating M. Size, Efficiency and Democracy: Consolidation, Fragmentation ans Public Chioce. // Judge d. et al. (Ed.) Theories of Urban Politics, - SAGE, 1994, pp.117-134
15. Kersting N., Vetter A. Reforming Local Government in Europe. – Leske, 2003
16. Kjellberg F. Between autonomy and intergation. Paper presented to the International Seminar Process of Institutionalisation at Local Level. – Oslo, June 1993
17. Leemans A. Changing Patterns of Local Government. – IUAL, 1970
18. Lowndes V., Sullivan H. How Low Can You Go? Rationales and Challenges for Neighborhood Governance. // Public Administration, 2008. Vol.86, #1, pp.53-74.
19. Managing Across levels of government. - OECD 1997.
20. Marcou G. Intermunicipal cooperation as a means to improve efficiency of local authorities. // The size of municipalities, efficiency and citizen participation. Local and regional authorities in Europe No.56. - Council of Europe Press, 1995, pp.141-152
21. Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world. - Pengiun Books, 1977.
22. Peters B.G., Pierre J. Developments in intergovernmental relations: towards multi-level governance. // Policy & Politics, 2001, Vol.29, #2, pp.131-135
23. Pierre I., Peters B.G. Governing Complex Societies. Trajectories and Scenarios. - Palgrave, McMillan, 2005
24. Proceedings European Union Strategy for the Baltic Sea Region – a new challenge for knowledge-based regional and local governance and cooperation. - Tallinn, 2010 (forthcoming)
25. Schaap L. Problems in Local governance and governmental scale. Paper presented at the EGPA Annual Conference, Madrid 19-22 September, 2007
26. Smith G. POlitics in Western Europe. A comparative analysis. - London: Heinemann Educational Books, 1978

27. Sootla G. et. al. Indicators of Local democracy in Estonia. // Sootla G. et. al. (Eds.) The State of Local Democracy in Central Europe. – LGI / OSI, 2006, pp.163-350
28. Stoker G. Introduction: Normative Theories of Lical Government and democracy. // King D., Stoker G. (Eds.) Rethinking local democracy. – Basingstoke: Macmillan, 1996
29. Temmes M., Sootla G., Laijavaara P. Models of Administrative Reforms Institutions in Transition Environment. Comparative analysis of Finland, Estonian and Russia. - Helsinki, 2004
30. Wollmann H. German Local Government under the Double Impact of Democratic and Administrative reform. // Kersting N., Vetter A. Reforming Local Government in Europe. – Leske, 2003
31. Wilson D. Unravelling control freakery: redefining central-local government relations. // British journal of Politics and International Relations, 2003, vol.5 #3, pp.317-346

Prezentat la redacte
la 20 decembrie 2010

Compartimentul
SOCIOLOGIA POLITICĂ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ЗАПАДЕ И В МОЛДОВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Владимир АНИКИН
Республика Молдова, Кишинев, Академия наук Молдовы, Институт европейской интеграции и политических наук
Ведущий научный сотрудник, доктор хабилитат политических наук, доцент

This article discusses the conceptual bases of formation and functioning of civil society in the West and in the Republic of Moldova. The author pays particular attention to the continuity of functioning of institutions of civil society in the modern conditions of Moldova. In the article is emphasized generally and specificaly, that characterizes modern civil society in the countries with developed democracy and in the Republic of Moldova. Subjected to critical analysis, the orientation of the most mass institution of the civil society-national associations. Highlighted the pressing problems of the further revitalization of nongovernmental organizations to enhance their interaction with public authorities, public associations to minimize dependence on foreign donors. The article emphasizes the importance of using best practices in the West with the specific development of the Moldovan society.

Принято считать, что термин «гражданское общество» как отрефлектированное научное понятие становится достоянием западной политологической литературы по крайней мере с XIX столетия. Среди многих его толкований исследователи выделяют прежде всего два основных, характеризующих его признака, а именно:

- гражданское общество это сфера, отличная от государства;
- наличие дифференциации в оценочных подходах (между узким и широким пониманием понятия гражданского общества).

В задачу данной статьи, однако, не входит детальное рассмотрение указанных общих подходов и их трансформация в историческом времени [14; 15; 16].

Гражданское общество на Западе, имеющее за своими «плечами» несколько столетий, в результате сложилось как «система независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [4, 30].

Различные группы и сообщества: семья, церковь (там, где она отделена от государства), политические партии, профсоюзы, общественные объединения / неправительственные организации, ассоциации по интересам (бизнес-центры, клубы и др.), школы (частные) и т.д. - все это в настоящее время включает в себя современное гражданское общество на Западе.

Активная разработка проблематики гражданского общества в Республике Молдова началась в середине девяностых годов двадцатого столетия преимущественно по инициативе представителей научного сообщества и прежде всего – философов, социологов и историков. За основу была взята традиционная «западная» модель гражданского общества с поправками на опыт стран Восточной Европы, а позднее и Содружества Независимых Государств [5; 6; 8; 17].

Предпосылкой для исследования проблем гражданского общества на постсоветском пространстве в целом и в нашей стране, в частности, стали радикальные политические, социально-экономические и иные реформы в молдавском социуме. Демократизация и становление гражданского общества становится реальной альтернативой тоталитаризму, авторитаризму и социальной мифологии.

Необходимо подчеркнуть, что к идее формирования гражданского общества отдельные государственники и политические лидеры относились с настороженностью. Считалось, что известное, западное воплощение гражданского общества в принципе не подходит Молдове, «поскольку является плодом, выросшим совершенно на иной, чуждой почве в результате иного, чем наше, многовекового - постепенного и стихийного – развития».

Между тем, интерес исследователей-обществоведов и их последователей к проблематике гражданского общества нарастал и, в процессе осмысления / освоения зарубежного, прежде всего европейского опыта, в молдавском социуме выработался своеобразный консенсус. Сказались условия, сложившиеся для проявления способности общества к *саморганизации*. Новая конституция страны (принята 29 июля 1994 г., с последующими поправками) гарантировала функционирование демократии с ее стержневым принципом главенствования большинства, а также обеспечение высших ценностей – «достоинства человека, его прав и свобод, свободного развития личности, справедливости и политического плюрализма».

Поступательному становлению основных институтов гражданского общества – политических партий, общественных объединений / неправительственных организаций, независимых профсоюзов и других ассоциаций граждан – способствовали разработанные с учетом лучших европейских образцов и принятые парламентом страны Законы – «О партиях и других общественно-политических организациях (1991 г.), «Об общественных объединениях» (1996 г., с изменениями 2007 г.) [13], «О политических

партиях» (2008 г.) [12], «О профсоюзах» (2000 г.) [10], «О патронатах» (2000 г.) [11] и др.

Следует подчеркнуть, что идеальных моделей развития общества в целом, а также спасительных рецептов формирования гражданского общества не существует. Мировая практика свидетельствует, что гражданское общество «нигде и никому не удавалось учредить: оно вырастает – постепенно и спонтанно – из корней». Поэтому к зарубежному опыту, особенно в вопросах углубления демократии, преломления духовных ценностей и формирования гражданских структур, необходимо подходить избирательно и исключительно с учетом местной специфики.

Безусловно, взятый Республикой Молдова курс на евроинтеграцию, ратификация парламентом страны ведущих документов и конвенций, принятым в Европейском Союзе, предполагает приверженность Молдовы действующим на Западе стандартам и ценностям. Разумеется, несомненную пользу приносят периодические мониторинги представителей Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) по вопросам углубления процессов демократизации всех сторон жизни молдавского общества.

У стремящегося к своему более качественному обновлению гражданского общества Молдовы имеются свои «розы и шипы». Важнейшим из субъектов гражданского общества в нашей стране, также, как впрочем, и на Западе, является сформировавшаяся система общественных объединений / неправительственных организаций, консолидирующая многообразные социальные, профессиональные группы и слои на защиту законных прав граждан, удовлетворение личных и общественных интересов, производство, распределение и использование общественных ресурсов и благ с учетом их востребованности у различных категорий населения. В целом своей деятельностью общественные объединения, как отмечается в соответствующем законе, способствуют «органам публичной власти в реализации общественно значимых и общественно-полезных целей и задач». Значит, гражданское общество не есть лишь нечто отличное от государства, но и тесно связанное с ним.

Представляется, что сформировавшаяся на добровольных началах сеть негосударственных организаций, объединений, ассоциаций, союзов остается важнейшей структурной составляющей гражданского общества и политической системы государства в целом. Другими словами, это – системное обеспечение жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их производство, воспроизводство и передача от поколения к поколению. Именно общественные объединения (в настоящее время их насчитывается около четырех тысяч) остаются, пожалуй, самым массовым институтом гражданского общества, осуществляющим непосредственную посредническую функцию связи между властью / государством и населе-

нием. Можно констатировать дальнейший рост численности общественных объединений, расширение диапазона сфер их деятельности. Как известно, способность населения к *самоорганизации* является тем принципиальным признаком, по которому можно и нужно судить о возможностях становления и развития достаточно зрелого гражданского общества в той или иной стране, в том числе, разумеется, и в Молдове.

По своей природе самодеятельные и инициативные общественные формирования характеризуются стремлением их членов к конструктивному выдвижению альтернативных решений и осуществлению наиболее рациональных из них. Обсуждение и возможное принятие предложений, выдвигаемых общественностью, по крайней мере, уже не рассматривается государственными стуруктурами любого уровня как вызов, а тем более как упрек в неэффективном управлении. Современные общественные объединения можно с полным основанием рассматривать как разновидность общественного самоуправления, направленную на совершенствование политической системы, как одну из форм сближения, сотрудничества государственного и общественного управления, их взаимодополнения. Таким образом, гражданское общество не столько «уходит» от государства, сколько формирует его в соответствии со своими ценностями и интересами.

Представляется, что создание новых форм общественной активности граждан обусловлено и тем, что личностный интерес, интерес отдельного человека начинает совпадать с интересами других людей, выходит за рамки сугубо любительского и приобретает общественно-значимый характер. Говоря о диалектике личности и группы в процессе формирования гражданского общества, необходимо отметить наличие схожих тенеденций, связанных с тем, что личность как таковая, как в Европе, так и в Молдове, очевидно, «никогда не существовала вне сети различного рода неформальных объединений» [20, 53]. Видимо, широко распространенное мнение, что западное общество и западная цивилизация основаны сугубо на примате личности, индивида, правах человека и пр. является явным преувеличением. Подлинная личность, согласно выводу из опыта европейской истории, возникает только на базе группового сознания. Об этом, в частности, весьма точно сказал выдающийся немецкий философ К.Ясперс, противопоставляя «народ» «массе» атомизированных индивидов [21, 192]. Для гуманного общества, конечно, очень важно, чтобы групповые формы солидарности не подавляли индивидуальность человека, а способствовали ее проявлениям.

В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос расширения форм взаимодействия государственных (исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти) и гражданских структур. Так называемых горячих «точек» оперативного и непосредственного взаимодействия

общественности и власти предостаточно. Большой общественный резонанс в последние годы имели многочисленные гражданские инициативы, связанные с развитием малого и среднего бизнеса (движение патентодержателей), охраной окружающей среды (защита лесных угодий и парковых зон, санитарная уборка прилегающих территорий), с обеспечением законных прав и интересов граждан (опротестование местных судебных решений в Европейском суде по правам человека, движение в защиту сохранения социальных завоеваний пенсиониров и инвалидов), с защитой прав потребителей (движение за повышение качества коммунальных услуг и снижение тарифов) и др.

Повседневная практика свидетельствует, что эффективность деятельности каждого отдельного общественного объединения во многом зависит от умения правильно определить свое «лицо», занять свою «нишу» в многообразном круговороте общественных потребностей. Не случайно некоторые наиболее продвинутые общественные организации, особенно действующие в сфере обеспечения законных прав человека и защищающие права различных категорий потребителей, усиливают свои ряды опытными юристами, способными в необходимых случаях компетентно оформлять иски в соответствующие судебные инстанции и отстаивать незаконно нарушенные права и интересы граждан в ходе судебных разбирательств. Укреплению связи власти и общественности, по нашему мнению, способствовало бы наделение определенного лица при президенте (возможно и при премьер-министре) статусом уполномоченного по правам человека и по связи с гражданским обществом, а также поддержка в создании координирующего органа - Центрального совета общественных организаций (название условное) [2, 171].

Самой, пожалуй, болезненной проблемой была и, к сожалению, остается задача ликвидации или значительная минимизация опасной зависимости отечественных неправительственных организаций от иностранных доноров. Не приходится сомневаться, что для нормального развития общественных организаций и продвижения демократии в стране они должны финансироваться как со стороны государства, так и, возможно, со стороны налогоплательщиков (подобная практика существует, например, в Чехии и Польше). Такой подход поддерживает не только руководство Национального центра помощи и информирования неправительственных организаций «Contact», но и руководители ряда европейских структур, в частности, Академии за образовательное развитие и Европейского центра за некоммерческое право [1, 18; 23]. Понятно, что такое возможно при внесении соответствующих поправок в действующее законодательство. В противном случае прекращение финансовой поддержки и даже ее сокращение может поставить сеть неправительственных организаций в труднейшее положе-

ние. Найти форму диверсификации своего финансирования неправительственных организаций, чтобы на порядок уменьшить их зависимость от иностранных доноров – актуальная задача государства.

Несомненно, за годы существенной социально-политической и экономической трансформации Республика Молдова прошла определенный этап, сходный с моделью становления гражданского общества на Западе: формируются институты рыночной экономики и конкурентной демократии; складывается многопартийная система; общество становится более открытым. Однако в целом сказывается незавершенность реформ. Наиболее характерным признаком резко отличающим гражданское общество на Западе и в Молдове, является незначительная социальная прослойка представителей среднего класса в структуре молдавского общества. Зарубежный опыт свидетельствует, что средний класс является основой становления гражданского общества, визитной карточкой современного развитого государства. Не случайно в странах Запада средние слои выступают гарантом социальной стабильности общества. Здесь, как известно. Экономическую основу гражданского общества составляет суверенитет индивидуальных собственников и многообразие сфер собственности. Как показала история, не может быть свободен отдельный индивид там, где нет свободы экономического выбора.

Объединяя свои усилия, развиваясь и увеличиваясь, средний класс заинтересован в действенном механизме отстаивания своих интересов. Именно средний класс, успешно хозяйствуя, способствует становлению здоровой рыночной экономики, служащей базой для построения демократии и гражданского общества. В свою очередь, повышение эффективности последнего способно создать прочную основу для построения правового государства и проведения демократической политики, в основе которой лежит активное участие всех граждан в жизни страны [18]. Как правильно замечено, *«средний класс, в его строгом, классическом содержании, составляют не просто обладатели определенного размера собственности, но носители базовых ценностей гражданского общества – личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, составляющих в совокупности его классовое самосознание, которое и делает средний класс основой гражданского общества»* [18, 55-56].

Представляется, что без опоры на средние слои фундаментально решить задачи консолидации и стабилизации молдавского общества и создания устойчивой базы социально-политической поддержки властных структур не только намного сложнее, но фактически невозможно. Для нашей страны в настоящее время актуальным остается лозунг «Молдова без бед-

ности». Очевидно, что существующая в современном молдавском обществе резкая социальная поляризация ставит проблему становления среднего класса в разряд одной из первоочередных.

В контексте данной статьи, на наш взгляд, целесообразно также подчеркнуть актуальность проблемы, связанной с углублением глобальной информатизации, утверждением в мире новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета. Успехи развитых стран Запада на этом направлении очевидны. Результатом стремительно развивающейся информационной революции, по мнению исследователей, является становление общества нового типа, в котором информация и знание становятся главным ресурсом дальнейшего развития. Предполагается, что основой нового общества будет являться комьютерная технология, с ее фундаментальной функцией замещать либо усиливать умственный труд человека, основным субъектом социальной активности станет «свободное сообщество», а политической системой будет являться «демократия участия» [3, 427-428].

Как и другие развивающиеся страны, Молдова также оказалась вовлеченной в процесс глобальной информатизации. В период первого десятилетия нынешнего века государство предприняло ряд шагов по созданию предпосылок для развития информационного общества в нашей стране (создано специальное министерство, приняты законы «О доступе к информации» (2000 г.) [9], «Об информатизации и государственных информационных ресурсах» (2003), утверждены ряд сопутствующих правительственных актов).

К сожалению, становление информационного общества в Молдове проходит в труднейших условиях, связанных с последствиями затянувшегося экономического и политического кризиса, тормозящих расширение сегментов, утверждающих ценность человеческой личности, ее законные права и свободы, активизирующих деятельность институтов гражданского общества. Медленно, но расширяется круг пользователей сетью Интернет, часть населения обучена навыкам и умению использования компьютерной грамотности для удовлетворения своих профессиональных и социальных потребностей (коммуникация, получение публичных услуг, голосование в период избирательных кампаний, участие в интернет-форумах, видео-конференциях, экспертиза проектов законодательных актов и т.д.).

Внедрение информационно-коммуникационных технологий (компьтеризация классов) осуществляется в такой жизненно важной сфере как образование, где реализуются принципы «Образование для всех» и «Информация для всех». Расширяется сеть учебных заведений, подключенных к Интернету. Однако многое предстоит еще сделать. Гражданское общество Молдовы заинтересовано, в частности, в повышении транспорентности

документирования государственного предприятия «Центра государственных информационных ресурсов «Registru»; в расширении электронных услуг населению по программе «Электронное правительство» (в целях устранения или минимизации бюрократических поползновений чиновников и снижения уровня коррупции); в создании единой информационной системы медицинских услуг и электронного доступа к ним; в повышении роли информационно-коммуникационных технологий в деле охраны окружающей среды (экологические мониторинги, предупредительные мероприятия, мониторинг и предупреждение стихийных бедствий, оптимизация сельскохозяйственной и промышленной деятельности, санитарная охрана жилых зон и т.д.); в активизации партнерства между местными органами власти, неправительственными организациями и бизнесом в реализации программы «Информационное общество для всех» (компьютеризация и расширение сети Интернет). Даже частичная реализация указанного приблизит нас к европейским ценностям.

Важное значение для обеспечения доверия пользователей к информационно-коммуникационным технологиям имеет обеспечение информационной безопасности и защита информации личного характера от посягательств разного рода кибер-мошенников, использующих персональные данные частных лиц в корыстных и преступных целях. Между тем, поставщики информации, владеющие информацией личного характера, подчеркивается в законе о доступе к информаци, «обязаны хранить тайну частной жизни лица», а разглашать такую информацию могут только при условии, «что лицо, к которому оно относится, согласно на ее разглашение» [9]. Разумеется, нами рассмотрены лишь некоторые из существующих проблем преемственности, требующих первостепенного решения.

Библиография:

1. Аникин В. Взаимодействие государства и гражданского общества как фактор укрепления безопасности Молдовы. // Securitatea naţională a Republicii Moldova în contextul geopolitic european. - Chişinau, IIEŞP al AŞM, 2010.
2. Аникин В. Общественные объединения и публичная власть: проблема взаимодействия (политологический аспект). // Creşterea eficienţei social-economice şi bunăstării populaţiei - cerinţa prioritară a societăţii. – Chişinău, 2010.
3. Всемирная энциклопедия. Философия. - Москва-Минск, 2001.
4. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки. // Вопросы философии, 1991, №7.
5. Геллнер Э. Условия свободы. - Москва, 1995.

6. Darendorf R. Economic Opportunity, Civil Society and Political Liberty. An Research Institute for Social Development, March 1995.
7. Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции. // Мировая экономика и международные отношения, 2009, №2.
8. Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России. // Полис, 1996, №5.
9. Официальный Монитор Республики Молдова, 2000, №88-90.
10. Официальный Монитор Республики Молдова, 2000, №130-132.
11. Официальный Монитор, 2000, №141-143.
12. Официальный Монитор Республики Молдова, 2008, №42-44.
13. Официальный Монитор Республики Молдова, 2007, №153-156.
14. Парсонс Т. О структуре социального действия. - Москва, 2000.
15. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1-2. - Москва, 1992.
16. Рудыка Н.А. Гражданское общество и современность. - Москва, 2003.
17. Seligman A. The Idea of Civil Society. - New York,1992.
18. Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? // Социс, 2009, №1.
19. Турко Т., Завтур К. Средний класс Республики Молдова: состояние и проблемы формирования. // Organizaţiile nonguvernamentale şi impactul lor asupra proceselor de transformare. – Bucuresti, Pan Europe, 2004.
20. Хорос В. Гражданское общество: общие подходы. // Мировая экономика и международные отношения, 1995, №11.
21. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып.1. - Москва, 1978.
22. http://forum.pridnestrovie.com/topic/?id-147394 (цит. 24.11.2010).

Поступила в редакцию
20 ноября 2010 года

CRIZA POLITICĂ ŞI CONSOLIDAREA DEMOCRAȚIEI ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Angela COLAȚCHI
Republica Moldova, Chisinau, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relatii Internationale, Stiinte Politice si Administrative, Catedra Stiinte Politice
Doctor in sociologie, conferențiar

The Republic of Moldova is placed in a situation when it can hardly afford itself a luxury of a long-term transition. Moreover, the young and ambitious Moldovan political elite is aware that Moldova's transition from totalitarianism to democracy and the democracy building, in fact, takes place almost simultaneously. The sustainable development of our society, failing to observe this requirement, would not plausibly succeed. Only such democratic transformations in Moldova will be irreversible. A system of democratic governance is deemed enhanced if, in spite of any deep systemic crisis, despite a number of major economic problems, the deceptions and frustrations, most people accept and follow the idea that the democratic institutions and procedures are only capable to manage and resolve any crisis. The governors and the governed are aware and abide by the idea that the democratic institutions and procedures have no alternative.

Societatea moldovenească este în proces de tranziție de la un sistem politic totalitar spre unul democratic. Momentul cheie în acest proces îl constituie consolidarea democrației. Etapă debutează de imediat ce are loc ruptura definitivă cu regimul precedent (totalitar) şi se va termina de imediat ce vom atesta capacitatea democrației de a se dezvolta (reproduce) pe propria bază, astfel încît în pofida unui dezechilibru al factorilor economici, sociali, culturali ai vieții să fie asigurată o dezvoltare durabilă a societății. Or, consolidarea democrației este un proces de fundamentare a noilor relații politice, nu doar în sensul preluării şi aplicării subiective a normelor şi valorilor democratice, dar în sensul unei funcționări solide, elocvente a instituțiilor democratice.

Procesul de transformare şi dezvoltare socială a omenirii balansează în permanență între reformă, inovarea şi revoluție. În acest sens este interesantă afirmația reprezentantului curentului filosofic existențialist A.Camus. „Lumea - scria gînditorul în notițele sale din „Carnets"- este în permanentă situație de reacție, prin urmare este supusă pericolului revoluției. Progresul, în cazul în care acesta există, este condiționat de capacitatea creatorilor (demiurgilor), în condițiile orecărui regim, să găsească anume acele forme, care vor depăşi spiritul revoluției şi inerției, doar astfel va decadea necesitatea în revoluție. Cînd nu apar

oameni creatori, revoluția devine inevitabilă” [2, 183]. Revoluția cu caracterul ei tragic pentru oamenii, în numele căror este realizată.

Este extrem de important ca transformarea socială să păstreze, susțină, asigure modul firesc de înfăptuire a istoriei – reproducerea vieții. Politica urmează doar să obiectiveze cursul sancționat de către popor. Iată de ce devine extrem de considerabilă legitimarea puterii, deoarece lipsa acestei legitimități fixează dictatură.

Autorii specializați în analiza proceselor de consolidare a democrației emit un mesaj comun, prin care se afirmă: etapa consolidării democrației este imperativă pentru formarea democrației; este o etapă controversată şi de lungă durată; o etapă care generează mecanisme inovaționiste; o etapă care se manifestă în diferite societăți, pornind din specificul sistemelor politice autohtone. Fixarea exactă în timp a punctului de trecere la etapa consolidării democrației este una dificilă. Astfel L.Diamond atestă interdependența dintre intensificarea şi consolidarea democratică, remarcînd că: ”Consolidarea democrației este stimulată prin multiple schimbări în instituții, politică şi comportament. Multe din acestea direct ameliorează actul de guvernare (administrare) fortificînd competența statului; liberalizînd şi raționalizînd structura economică; mărind gradul de securitate socială şi de ordine politică, respectănd drepturile şi libertățile fundamentale ale omului; perfecționînd responsabilitatea pe orizontală şi supremația legii; controlînd corupția. Alte (schimbări) ameliorează funcțiile reprezentative ale administrării democratice dezvoltînd partidele politice şi legătura acestora cu grupurile sociale, prin deminuarea fragmentării sistemului de partid, majorînd nivelul de competență proprie şi de responsabilitate a organului legislativ şi a puterii locale, dezvoltării societății civile” [3, XVII].

Pe de altă parte, şi acest fapt este grăitor, pentru societatea moldovenească tranzitorie, după cum observă O'Donnell şi Schmitter, în acestă perioadă are loc întemeierea celor mai importante instituții ale noii puteri, care lucrează şi interacționează între ele în conformitate cu noile reguli de joc. Pe cînd procesul de democratizare presupune deja un grad mai înalt şi anume de instituționalizare a normelor şi structurilor introduse, „extinderea legitimizării şi înlăturarea acelor obstacole, care complica întemeierea lor (instituțiilor)” [6, 73].

Analizînd procesul de democratizare în spațiul Europei de Est şi celui exsovietic, autorul rus L.Smorgurnov concretizează cîteva momente cheie:

1. Procesul de consolidare a democrației presupune nu doar instituționalizarea de norme şi structuri noi, ci adesea, este însoțit de utilizarea unor elemente din cultura tradițională, avînd o atitudine mai puțin radicală față de regim autoritar precedent;
2. Consolidarea democrației nu este posibilă, în lipsa reformei structurilor administrației de stat. Tînăra democrație intră în contradicție nu doar cu stilul

autoritar al administrării de stat, spre care tinde funcționărimea veche, dar şi cu aparatul birocratic nou, raționalizat prin norme de drept;

3. Modelul liberal nu este unica variantă de consolidare a democrației, care poate fi realizată în baza unei combinări orginale a diverselor forme şi modele;

4. Deşi sistemul de partide este elementul cheie al democrației, consolidarea acesteia presupune o oarecare marjă pentru dinamizarea procesului de exprimare a intereselor şi prin intermediul altor mecanisme, adesea spontane, cum ar fi mişcările, grupurile de interese, corporativismul, autoadministrarea locală ş.a.;

5. Consolidarea democrației se manifestă şi în cadrul parametrilor externi. Este vorba nu doar de acel ajutor care-i acordat noilor democrații, ci şi de faptul că noile state democratice sunt incluse în comunitatea internațională şi tratate ca parteneri egali [8, 227].

Problemele care apar în procesul de consolidare a tinerii democrații în Republica Moldova, sunt caracterizate prin aceleaşi fenomene, care au fost descrise de către Huntington [4, 208-279]. Printre altele cercetătorul remarcă că sistemele democratice au propriile probleme, care apar în timpul îndelungat de existență a democrației. Noile democrații, conform lui Huntington, nu au imunitate contra acestor probleme obiective, şi anume contra patului democratic, imposibilității de a lua decizia, sensibilității față de democrație, dominării marelor interese economice. Vorbind despre condițiile care contribuie la procesul de consolidare democratică, Huntington subliniază prioritatea 1) unei experințe de lungă durată în procesul democratizării; 2) fixarea unor indici relativ înalți în dezvoltarea economică, industrializare şi învățămînt; 3) relațiile internaționale şi susținere externă; 4) aflarea îndelungată în tranziție spre democrație, includerea țării în cel de al treilea val de democratizare; 5) trecerea paşnică, prin consens de la regimul autoritar (totalitar) spre cel democratic; 6) atitudine normală din partea elitei politice şi a populației față de imposibilitatea guvernului democratic de a soluționa probleme contextuale.

Studiind regimele constituțional-pluraliste ale democrațiilor consolidate, filosoful şi sociologul francez R.Aron, consideră necesar de efectuat procesul de analiză în patru direcții:

a) sistemul politic, abordat ca un subsistem al sistemului social, începînd cu alegerile şi deciziile guvernamentale, pînă la structurile de partid, funcționarea parlamentului şi numirea guvernului;

b) sistemul politic este examinat în contextul asa numitei infrastructuri sociale. Realizarea puterii, procesul decizional depind de grupuri sociale, de interesele şi aspirațiile acestora, de formele de luptă, concurenței permanente şi posibilei înțelegeri (alianțe);

c) Se analizează fincțiile administrației, care concomitent realizează deciziile guvernamentale, joacă şi rolul de consilier tehnic al guvernanților, necesar pentru activitatea persoanelor particulare;

d) Este supusă analizei asa numită ambianță istorică a sitemului politic, dat fiind faptul că orice sistem politic resimte influența, uneori determinată, a unui conglomerat de tradiții, valori, mentalitate, caracteristice fiecării țări în parte [1, 92].

Aron scrie: „Funcționarea oricărui parlament depinde de legislația constituțională şi electorală, pe cînd lupta politică în interiorul parlamentului devine clară doar prin conceperea concurenței dintre grupurile sociale... În fine, aspectele vieții parlamentare sunt determinate nu doar de Constituție, nu mai puțin importante sunt viziunile politicienilor despre gradul de admisibilitate şi imposibilitate de admite unele sau altele acțiuni, despre legitimitatea mijloacelor” [1, 92].

Starea consolidării democrației poate fi examinată sub aspectul funcționalității sistemului politic, mai concret la nivelul funcționării parlamentului şi a relațiilor legislativ - executiv; alternanța la putere a concurenților politici; magnitudinea de susținere şi stabilitatea regimului în condiții grave de dificultăți economice. Consolidarea democrației se răsfrînge asupra tuturor proceselor prin care este caracterizat regimul politic, relațiile dintre diferite forțe politice, care acceptă regulile concurenței democratice, transformarea calitativă a culturii politice, pentru instaurarea unui climat de transparență, egalitate, optimitate şi eficiență în societate. Putem spune că o democrație este consolidată în cazul în care este eficientă, în cazul în care procesul decizional este eficient şi ca procedură şi ca rezultat, or ramurile puterii de stat fiind separate şi constituțional limitate nu sunt paralizate.

Societatea moldovenească este supusă unor transformări calitativ noi, vorbim despre o dinamică socioculturală, care influențează direct procesele politice şi economice din țară. Dinamica socioculturală poate fi explicată prin teoria progresului - în baza modelelor de dezvoltare liniare, exponențiale şi logaritmice; sau prin teoriile ciclurilor – în baza oscilațiilor, fluctuațiilor periodice, crizelor, care sunt condiții imperative ale dezvoltării. În sens îngust, procesele periodice sau ciclice, sunt acelea la care perioada amlitudinei de oscilație este constantă, sau variază în limite nesemnificative. Or, ciclul sociocultural este asociat cu o simplă rotație a etapelor de creştere şi descreştere, prosperare şi cădere, accelerare şi frînare. Procesul este perceput ca unul compus din două faze, deşi sunt cercetători, care divizează ciclul în mai multe faze consecutive – de la trei pînă la şase. Astfel durata ciclelor poate varia de la cîțiva ani şi pînă la cîteva secole. Dezbaterile ştiințifice din ultimele decenii se axează asupra următoarelor concepții, care la părerea noastră sunt semnificative pentru studiul nostru, şi anume:

1. Teoria undelor lungi ale lui Kondratiev, care la începutul anilor ‘20 ai secolului XX, vine la concluzia că mişcarea ciclică este un proces de deviere de la starea de echilibru;

2. Concepţia schimbului de generaţii, prin care sunt explicate oscilaţiile proceselor socioculturale. Filosoful german K.Mannheim este de părerea că modificările sociale sunt cauzate prin procesele de interferenţă şi relaţii, care apar dintre noile grupuri (tînăra generaţie) şi moştenirea culturală şi memoria istorică;

3. Teoria elitelor este într-o apropiată legătură cu precedenta. V.Pareto explica dinamica socială prin fenomenul circulării elitelor. Sociumul, ca ceva integru, este în proces de dezvoltare, în condiţia circulării tipurilor de bază a elitelor, celei comerciale, politice, religioase, militare ş.a. Astfel societatea este plasată în situaţia unui echilibru dinamic, or este în oscilaţie de echilibru, dînd naştere ciclurilor sociale;

4. Abordarea cognitivă în analiza ciclurilor socioculturale. Maslow propune ipoteza precum că, periodicitatea modificărilor socioculturale este influenţată de schimbarea tipurilor de conştiinţă. Examinănd individul şi societatea, în contextul teoriei informaţionale, vine la concluzia, că organizarea informaţională este una ierarhică. Informaţia pătrunzînd în sferele inferioare, este transmisă treptelor posterioare, fiind supusă procesului de prelucrare la fiecare etapă;

5. Abordarea sinergetică, tratată de H.Hacken ca o parte componentă a analizei sistemice. Autoreglarea şi autoorganizarea poate fi utilizată în analiza proceselor dinamicii socioculturale. Procesul evoluţiei socioculturale este una din căile depăşirii impasului, condiţionat de mecanismele inovărilor şi tradiţionalismului, deoarece logica internă a dezvoltării intră în contradicţie cu realitatea schimbătoare: tradiţia, modul tradiţional de gîndire (mentalitatea veche) frînează progresul, fapt care impune necesitatea revizuirei adevărurilor deprinse, dar în aselaşi timp, caracterul conservator al tradiţiei ocroteşte individul de la nişte modificări nejustificate ale comportamentului, în cazul unor fluctuaţii sporadice.

Transformarea în contextul dezvoltării, ca o trecere de la tradiţional la modern este abordată de M.Weber în termenii teoriei obstacolelor, „tratînd dezvoltarea ca şi cum ar fi o cursă lungă cu obstacole distribuite da la linia de pornire (societăţi tradiţionale) la cea de sosire (societăţi moderne)... este propus modelul obstacolelor pe care le au de trecut modernizatorii pentru a obţine efecte pozitive şi deci un progres real într-o societate... modernizatorii au de trecut următoarele obstacole: obstacole economice, obstacole politice, obstacole psihologice [10, 49].

Analiza proceselor de consolidare a democraţiei în Republica Moldova în contextul acelor transformări socioculturale căror este supusă societatea noastră, relevantă este explicarea trăsăturilor caracteristice ale obstacolelor politice, care

urmează a fi depăşite pentru „a reuşi să înlocuieşti economia patrimonialistă şi de rudenie cu organizații administrative raționale şi cu instituții legale – această tranziție aduce după sine separarea locurilor de rezidență de cele dedicate afacerilor, distincția între corporativ şi privat etc.

Republica Moldova este pusă în situația cînd nu-şi poate permite luxul unei tranziții de lungă durată. Mai mult, tînăra, dar ambițioasa elită politică moldovenească urmează să conştientizeze faptul că în Moldova procesul de tranziție de la totalitarism spre democrație şi procesul de consolidare a democrației, de fapt, se desfăşoară practic concomitent. Dezvoltarea durabilă a societății noastre, fără de respectarea acestei condiții nu se va solda cu un rezultat plauzibil. Doar astfel transformările democratice ale Moldovei vor purta un caracter ireversibil. Un regim de guvernare democratică este considerat consolidat în cazul în care, în pofida situației de criză sistemică profundă, în pofida fixării mai multor probleme economice majore, a decepționărilor şi frustrărilor, majoritatea populației acceptă şi se conduc de idea, că doar instutuțiile şi procedurile democratice sunt unicele capabile să administreze societatea şi să soluționeze criza. Guvernanții şi guvernații conştientizează şi se conduc de idea că instutuțiile şi procedurile democratice nu au alternativă.

Consolidarea democrației se referă la toate procesele şi raporturile care se manifestă între diferite forțe politice din statul nostru. Am menționat ceva mai sus, că procesul de consolidare democratică în direct este legat de concepția statului eficient şi a stabilității sociale. Dezvoltarea stutului în lipsa unei stabilități ale proceselor economice, politice, sociale, culturale etc. a fi fragmentară, mozaică. Urmează de remarcat, că o interpretare simplistă a proceselor de stabilizare a vieții politice, echivalată cu lipsă de contradicții şi criză, o reduce la stare de stagnare. Vorbim, la mod general şi pur, de o stabilitate, cînd toate forțele politice, antrenate în amenajarea statului se folosesc de drepturi şi îşi îndeplinesc obligațiunile liber, cu cunoştință de cauză, asumîndu-şi responsabilitățile şi consecințele, soluționează contradicțiile şi conflictele, apelînd la unica posibilitate civilizată – negocierea. Dacă să fim sinceri, deocamdată cei care ne guvernează nu dau dovadă de capacități conciliante.

Este cunoscut faptul, că o trăsătură caracteristică a orecărui sistem politic, este apariția situațiilor de criză la toate etapele ciclului său vital – geneză, creştere, maturitate, descreştere. Criza sistemelor democratice nu se manifestă în egală măsură în toate statele democratice, dat fiind faptul că există mai multe feluri de democrații. D.Pavel susține, că: „În plus, contează vechimea democrației şi continuitatea ei. Diferența dintre democrațiile ”primului val” şi „democrațiile celui de-al treilea val” este enormă, mai ales dacă cele din prima categorie sînt democrații bicentenare, iar cele din ultima au la activ doar trei-patru cincinale neconvingătoare şi în istoria lor s-au confruntat cu cîteva schimbări de regim politic. Iar dacă unul dintre regimurile pe care le-au cunoscut anterior a fost

un regim comunist totalitar, este clar că ele au pornit în cursa democratizării cu un handicap complex. Pentru acestea din urmă este cel mai complicat să facă față triplei crize (politice, economice, geopolitice - *n.a.*), întrucît ele se află într-o veşnică tranziție. Eterna tranziție este de fapt o eternă criză. România aparține paradigmei veşnicei crize, care s-a manifestat din "momentul zero" al democrației şi a afectat toate instituțiile democratice". Autorul roman scrie că fenomenul de criză a afectat "în primul rind cei trei piloni ai arhitecturii instituționale ai democrației – cele trei puteri din stat" [7, 16-17].

Scurta retrospectivă istorică a procesului de democratizare a societății moldoveneşti, geneza instituțiilor democratice, ne demonstrează valabilitatea tendinței fixate de D.Pavel şi pentru realitatea noastră. Instituțiile democratice din Moldova au apărut în criză, şi vor fi consolidate ca rezultat ai depăşirii acesteia. La moment, putem constata, dat fiind faptul că suntem o societate tranzitorie, că starea de criză politică este una din formele procesului politic din Moldova, iar printe cauzele acestuia putem enumera nivelul de cultură politică ai actorilor politici, abuz de putere, schimbarea situației politice, presiuni din partea concurenților, felul în care are loc divizarea şi partajarea puterii, riscurile şi vulnerabilitățile sistemului politic, instabilitatea economică şi financiară, rezultat nu în ultimul rind, ai nefinalizării proceselor de împroprietărire, care la rîndul său contribuie la instabilitate socială, la fel, putem aduce în calitate de factor, vulnerabilitatea securității din cauza apariției calamităților naturale.

Pentru firava democrație moldovenească criza politică, gestionată neconstructiv, poartă un enorm pericol, pentru că rezultă din dezvoltarea nestabilă, fragmentară a sitemului politic, este o manifestare, la gradul superlativ, a contradicțiilor politice, a conflictelor de interese politice şi a purtătorilor acestora. Chintesența crizei politice din Moldova devine evidentă cînd analizăm procesul instituționalizării echilibrului dintre puteri, şi mai concret dintre ramura legislativă şi executivă. De jure, conform prevederilor Constituției, Republica Moldova are un sistem parlamentar de guvernare. Formal cele trei diferențe cruciale dintr-o republic parlamentară şi prezidențială în cadrul raportului legislativ-executiv şi anume 1) acordarea increderii / neîncrederii executivului este înfăptuită de către legislativ; 2) şeful statului – Preşedintele, este ales de către legislativ; 3) executivul este colegial (deşi am avut şi executive monocolore), sunt respectate în Constituția Republicii Moldova. Realitatea politică moldovenescă este caracterizată de un specific ambiguu în cea ce priveşte ramura puterii executive, care la noi, conform aprecierii ex-prim-ministrului I.Sturza dată într-un interviu pentru "Europa Liberă" este o construcție bicefală. "Moldova nu are nevoie de o constructie bicefala a executivului, in care noi avem un presedinte semiexecutiv si un guvern executiv. Practica țării noastre şi a altor țări, de obicei asta se transforma în dictatura unei persoane, care în anumite condiții de lipsă de contrabalanasare

face ceea ce doreşte, sau conflicte interminabile între aceste doua ramuri ale executivului” [9].

Or, din cele menționate, cît şi din unele aprecieri şi realități fixate de către Preşedinții Republicii Moldova M.Snegur (raport Snegur-Sangeli) şi P.Lucinschi (raport Lucinschi-Sturza), contradicția, care în condiții favorabile degenerează în criză politică, este programată în insăşi Constituție – Lege Supremă, prin faptul că prerogativele Preşedintelui şi Prim-ministrului sunt practic, după pondere, echivalate, creînd, în condițiile practicii şi tradițiilor politice, culturii politice în Moldova, nu limitări ci blocaje.

Noi, relatînd despre textul Constituției, vorbim că am preluat în scrierea acesteia, forma celei franceze. De fapt am preluat nu doar forma, dar dacă doriți şi spiritul de atitudine față de Lege Supremă. În lucrarea deja citată “Democrația şi totalitarismul”, analizînd regimul politic francez R.Aron scrie: “Regimul (politic - *n.a.*) francez este stigmatizat de revoluțiile, în care s-a format. Permanentele atacuri asupra Constituției – o sursă de slăbiciune – pot fi explicate parțial şi prin consecințele istoriei furtunoase a țării. De imediat ce Franța se confruntă cu criză, Constituția devine obiectul unei dezbateri politice. Nu putem soluționa probleme financiare, criza din Algeria – de vină este Constituția” [1, 105].

Ceva asemănător se întîmplă, cu o periodicitate de un deceniu şi în Republica Moldova. Constituția este supusă amendării, de imediat ce criza poltică devine evidentă, iar factorii procesului decizional politic, indiferent de coloratura sa politică, întreprind doar nişte tentative anemice de soluționare, apelînd pur formal la mecanismele negocierilor politice. Criza politică ai anilor 2009-2010, exprimată prin trei scrutine parlamentare şi un referendum constituțional (aprilie 2009 – alegeri parlamentare ordinare, iulie 2009 – alegeri parlamentare anticipate, noiembrie 2010 – alegeri parlamentare anticipate, septembrie 2010 – referendum constituțional), care au fost provocate de imposibilitatea alegerii Sefului Statului, este de fapt deja a doua etapă, acută, a crizei politice. Prima etapă desfăşurîndu-se la sfîrşitul anilor ‘90 ai secolului XX. Iată cum descrie acea perioadă Preşedintele Republicii Moldova (1996-2000) P.Lucinschi: “Şeful statului, ales de întregul popor, era înzestrat, prin aceeaşi Constituție, cu atrubuții care nu-i permiteau să influențeze serios situația din țară, în timp ce, în opinia cetățenilor, şeful statului era atotputernic şi răspundea de toate. Guvernul, la rîndul său, era practice, lipsit de pîrghii reale care i-au fi permis să se manifeste ca o ramură a puterii în raport cu parlamentul… Aceasta era situația reală: două autorități, preşedintele republicii şi guvernul, fiind responsabile de modul în care era guvernată țara, nu dispuneau de prerogativele necesare, iar parlamentul, care avea la dispoziție toate atribuțiile, nu purta o răspundere directă pentru situația social-economică a țării” [5, 311].

Atunci, conflictul politic, la baza căruia este testată atît componenta obiectivă, cît şi cea subiectivă, care în democrațiile consolidate este una secundară, dar

nu la noi, a fost "soluționat" parțial realizînd o modificare trunchiată a Constituției. Reforma constutuțională din iulie 2000 a fost una paliativă. Înlocuind modalitatea de alegere directă de către populație a şefului statului, prin alegere de către deputați, nu a fost eliminată sursa conflictului în interiorul puterii executive, ambii, şi preşedintele republicii şi prim-ministru au împuterniciri comparabile, care pornind din tradiția şi cultura noastră politică nu sunt limitări ci blocaje.

În perioada anilor 2001-2009, pe parcursul a două legislature, cînd PCRM deținea majoritate absolută în Parlamentul Republicii Moldova, şi prin urmare putea să-şi promoveze programul electoral în lipsa contrapunerilor, a permis ca Preşedintele Moldovei V.Voronin, ales deja conform regulii noi, pe departe nu era un "simplu obiect decorativ". În pofida regimului parlamentar de guvernare, puterea era exercitată ca într-un regim prezidențial, criza politică a intrat în faza sa latentă, datorită factorului subiectiv, este vorba despre relațiile Preşedinte-Prim-ministru (Voronin-Tarlev, Voronin-Greceanîi).

Din momentul ce, conform voinței poporului, demonstrată prin rezultatele alegerilor din 2009, configurația politică a Parlamentului se schimbă, majoritatea este o expresie policoloră, dar care nu deține un număr suficient de mandate pentru a alege Preşedintele Țării, criza politică din nou revine în faza sa activă. Soluția durabilă o regăsim în asumarea de către purtătorii puterii a responsabilitățiі şi voinței politice de a modifica Constituția. Dar această modificare va fi una calitativă, în cazul dacă nu se va limita, din nou ca şi în 2000, cu schimbarea procedurii de alegere a Preşedintelui Republicii Moldova (sunt două variante – reducerea numărului de voturi ale deputaților pentru alegere de la 61, în primul tur, 57 - în turul doi, pînă la 52-în turul trei; şi cea de a doua variantă – revenire la alegere direct de către popor), dar se va reveni la o revizuire a raporturilor în cadrul puterii executive. A venit timpul să decidem, dorim să fim o republică parlamentară, nu doar ca formă, dar ca şi conținut (clasică), cînd puterea executivă este concentrată în mînile unui guvern cu un prim-ministru puternic, sau dorim să avem o republică prezidențială – cu o concentrare a puterii executive în exlusivitate de către Preşedintele țării. Răspunsul, mult aşteptat, la această întrebare crucială, va elimina ambiguitatea, şi prin urmare, va contrubui la crearea condițiilor obiective pentru depăşirea crizei politice şi crearea condițiilor pentru consolidarea democrației în Republica Moldova.

Bibliografie

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – Москва, Текст, 1993.
2. Camus A. „Carnets". // Иностранная Литература. 1992. №2.
3. Diamond L. Introduction: In Search of Consolidation. // Diamond L., Plattner M., Chu Y., Tien H. (Eds). Consolidating the Third Wave Democracies.

Regional Challenges - Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1997.
4. Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. - Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
5. Lucinschi P. Moldova şi moldovenii. – Chişinău, Univesul, 2007.
6. O'Donnell G., Schmitter Ph., Whitehead L. (eds.) Transitions from Authoritarian Rule: Prospectts for Democracy. - Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1986.
7. Pavel D. Democrația bine temperată. Studii instituționale. - Iaşi, Polirom, 2010.
8. Сморгунов Л. Современная сравнительная политология. – Москва, РОССПЭН, 2002.
9. Sturza: Moldova nu are nevoie de o construcție bicefală a executivului (http://www.europalibera.org/content/article/1850038.html)
10. Zamfir C., Stoica L. (coord). O nouă provocare: dezvoltarea socială. - Iaşi, Polirom, 2006.

Prezentat la redactie
la 9 decembrie 2010

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Александр ЕЖОВ
Государственный Университет Молдовы, Факультет Международных Отношений, Политических и Административных наук, Кафедра Международных отношений
Преподаватель, магистр политических наук

Particular interest to the image of a political leader and aspects of the election campaign has become an important feature of the modern electorate. Great importance the issues associated with the formation of the image of politician in the Republic of Moldova, acquired in the 90-ies of XX century, when actively began to develop democratic institutions, above all, the institution of free general elections.

The person of the political leader is the central figure who sets the fashion to the political elections. Therefore there is always actual a problem of creation and introduction in public consciousness of such image of the politician, which would satisfy the needs of electorate and would influence their social installations. The resolution of this problem is possible on the basis of deeply thought over system of formation of political image, scientifically and methodically proved.

Особый интерес к имиджу политического лидера и аспектам избирательной кампании стал актуальной характеристикой современного электората. Большое значение проблематика, связанная с формированием имиджа политика в Республике Молдова, приобрела в 90-е годы XX века, когда активно стали развиваться демократические институты, прежде всего, институт всеобщих свободных выборов.

Центральной фигурой, задающей тон политическим выборам, является личность политического лидера. Поэтому остается всегда актуальной проблема создания и внедрения в общественное сознание такого образа политика, или имиджа, который бы отвечал потребностям электората и оказывал влияние на их социальные установки. Лидер предстаёт перед избирателями не сам по себе, а в том имидже, при помощи которого он имеет наибольшие шансы реализовать главную цель избирательной кампании - победить на выборах.

Для того чтобы политик получил голоса избирателей, избиратель должен поверить политику, не усомниться в его честности, надёжности, добропорядочности, отдавая в его руки завтрашний день страны и своё собст-

венное благополучие. Избиратели должны видеть в кандидате человека, который разделяет их ценности и идеалы, их моральные нормы [6, 133].

Современные избирательные кампании представляют собой сложный технологический процесс. Первым этапом информационно-аналитических мероприятий в избирательной кампании является изучение политического рынка и его сегментирование, т.е. типологизация потребителей-избирателей по политическим симпатиям; определение знаковых признаков «политического товара» для каждой электоральной группы. Затем следует этап позиционирования кандидата - занятие «позиции» в конкретной целевой аудитории и выбора модели имиджа. При позиционировании в первую очередь анализируются возможности каждого сегмента рынка с позиции их доступности и претензии возможных конкурентов на те же самые сегменты [8, 97]. На последующем этапе реализация имиджевой стратегии обеспечивается агитационно-пропагандистскими технологиями. Агитационно-пропагандистские технологии формирования политического имиджа включают информационно-рекламную деятельность, организационно-практическую деятельность и демонстрационные действия.

Процесс создания и внесения политического имиджа в массовое сознание подчиняется и определяется законами политической рекламы – и направлен на приобретение политиком общественной популярности. Российские исследователи определяют политическую рекламу как форму «коммуникации, задача которой привести политические установки в соответствии с нуждами и запросами электората» [12, 35]. Ими определяются и задачи политической рекламы в самом широком смысле: формирование соответствующего реалиям имиджа политической силы или политика. Реклама призвана обеспечить в крайне доступной эмоциональной, лаконичной, оригинальной и легко запоминающейся форме суть политических платформ и предвыборных программ, а также настроить избирателей на их поддержку. Заметим, однако, что данная трактовка понятия политической рекламы далеко не всегда отражает специфические особенности всех ее разновидностей. Нельзя не согласиться с молдавским исследователем Т.Турко, утверждающей, что «реклама призвана упростить, сложные политические концепции и программы, выхватив из них самое яркое, перевести скучные текста на язык эмоций, лозунгов, девизов, предвыборных слоганов, символов, впечатляющих зрительные образы» [13, 160].

Организационно-практические действия осуществляются посредством мероприятий и акций, нацеленных на обеспечение психологического воздействия на избирателя или на создание условий, повышающих его эффективность. Такая деятельность, выражается в проведении выгодных решений, популярных в широких слоях населения. Именно на таких мероприя-

тиях строилась предвыборная кампания кандидатов в президенты М.Снегура, П.Лучинского и В.Воронина.

Организационно-практические действия могут выражаться в форме различных акций поддержки, митингов, собраний, встреч. Примеры использования таких способов актуализации имиджевых характеристик можно наблюдать практически в любой кампании. Причем влияние на избирателей своим авторитетом и статусом способны оказывать совершенно различные люди: от популярного актера и певца до священника. Исходной психологической посылкой здесь является то, что значительная часть избирателей будет голосовать так же, как и лицо, которое является для них авторитетным, при условии организации их контактов (прямых и косвенных) с избирателями.

Другое направление деятельности команды кандидата посвящено демонстрационным действиям. К ним относятся акции и мероприятия, скорее ориентированные не на результат, а употребляемые в качестве психологического воздействия на людей. В качестве таких действий могут выступать благотворительные акции, выдвижение и принятие значимых социальных инициатив и программ, работающих на создание положительного образа лидера или партии.

Реализация выбранной модели имиджа предполагает выделение основных каналов информационного воздействия на избирателя. Это могут быть как привычные каналы актуализации политического имиджа – имеющие ярко политическую направленность, так и нестандартные, ориентированные на неполитические сообщения. Например, оригинальным решением актуализации имиджа кандидата является обнародование его гороскопа. Публикация гороскопов в специальных журналах и газетах развлекательной направленности способствует эмоциональному восприятию образа политика: так как натальная карта того или иного кандидата никакого рационального осмысления избирателям не добавляет, но теми или иными аспектами может оказывать эмоциональное воздействие и подсознательно вызывать ассоциации с кандидатом как настоящим лидером, способным решить стоящие перед страной, областью, городом и т.д. задачи. Анализ «звездного влияния» на характер политика выявляет основные черты и облегчает процесс восприятия для рядовых граждан. Обычно способ подачи астрологических фактов сообщает некоторую рекламность данным материалам, однако нельзя исключить использование приема актуализации имиджа и в его негативном значении. Примеров звездных политических гороскопов лидеров, как в западных странах, так и в странах СНГ много (например, гороскоп Б.Ельцина, В.Путина и др. политиков).

Немалым потенциалом в процессе формирования имиджа, безусловно, обладают социологические исследования и опросы общественного мне-

ния. Анализ их данных не только позволяет вычленять «опорные точки» формируемого образа, необходимость и возможности его корректировки, но и прогнозировать те же самые ходы относительно своих конкурентов. В данном случае, мы будем рассматривать опросы общественного мнения и публикацию рейтингов в качестве фактора, влияющего на поведение избирателей. Сегодня публикация рейтингов политиков, рассматривается многими специалистами в качестве PR-акции, а не в плане представления объективной информации [15, 117]. Действительно, современные предвыборные технологии пополнились новым видом - войной рейтингов.

Рейтинги следует рассматривать в качестве инструмента давления на сознание избирателей, особенно еще не определившихся в своих политических предпочтениях. Причины этого, как установили психологи, коренятся в специфике массового сознания, которое ориентируется на распространенные в обществе модели поведения, мнения и тем самым, проявляя конформизм. В такой ситуации для не определившихся избирателей мнение большинства выступает определенным фактором, стимулирующим принятие похожего решения [3, 127-129].

Рейтинги являются действенным инструментом психологического влияния на электорат, по нашему мнению, еще и потому, что значительно ограничивают свободу выбора. Факт включения фамилии кандидата в список опросника влияет на формируемый образ. Если кандидат регулярно фигурирует в публикуемых рейтингах и отношение общества к нему регулярно доводят до сведения избирателя, то это потенциально увеличивает его вес и авторитет. В то время, как политик, которого «не просчитывают» опросы общественного мнения, автоматически воспринимается аутсайдером избирательной кампании. В подтверждение данного тезиса можно привести пример кампаний по выборам в парламент Молдовы (1998, 2001, 2005, 2009 гг.), а также в президенты (1996 и 2000 гг.), когда публикации рейтингов ведущих молдавских политиков, в первую очередь, были направлены на подчеркивание растущей поддержки избирателями кандидатов в президенты М.Снегура и П.Лучинского, а затем и В.Воронина.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на использование стандартных приемов актуализации имиджа, каждая избирательная кампания уникальна и включена в особый социально-политический и культурный контекст. Поэтому все коммуникативные или организационные действия политиков, вовлеченных в избирательный процесс, так или иначе, продиктованы особенностями социально-политической ситуации, характером политического противоборства с главными оппонентами и их ресурсами. В этой связи главным стратегическим направлением избирательной кампании, по мнению специалистов, практически любого кандидата выступает овладение центральным мифом кампании [9, 97]. Такой миф задает

не просто схему событий, сценарий действий всех включенных в процесс участников, транслирует форму участия в этих событиях. Очевидно, что каждая избирательная кампания представляет собой совершенно непохожий сценарий противопоставления основных политических соперников. Достаточно сравнить президентские кампании 1996 и 2000 гг. в России и кампании по выборам президента Республика Молдова 1996 и 2000 гг.

Так, в президентской кампании 1996 года в Российской Федерации таким центральным мифом, вокруг которого выстраивались все коммуникативные действия команды Б.Ельцина, стал миф о том, что победа Г.Зюганова спровоцирует политику коммунистического реванша, дестабилизацию обстановки в стране. Уже в первой своей предвыборной речи Б.Ельцин заявил основное направление своей кампании - не допустить коммунистов к власти [4]. Благодаря этому мифу противостояние фаворитов «Зюганов-Ельцин» превратилось в фокус избирательной кампании для всех кандидатов.

Кампания 2000 г. по выборам президента имела совершенно иной контекст. Она строилась на принципе игнорирования всех политических конкурентов. Такое стратегическое направление избирательной кампании (над «схваткой») было задано ситуацией отставки президента Ельцина и фактического представления им своего преемника - В.Путина. Таким образом, центральным мифом кампании 2000 г. в России стал миф о предрешенности выборов.

Понятно, что формирование имиджа политиков тесно связано с понятием цели имиджа. Опыт избирательных кампаний, как за рубежом, так и в Молдове свидетельствует о наличии двух совершенно противоположных по своей направленности имиджевых технологий: позитивной и негативной. Психологическими основаниями такого деления служит сама процедура выборов. Механизм сравнения достоинств и недостатков основных кандидатов, включенных в борьбу за власть, является одним из базовых психологических механизмов политических выборов. Этот фактор увеличивает возможности кандидата, в предвыборной кампании которого присутствует сравнение кандидата с другим. Прием сравнения основан на представлении пары политиков в символической плоскости и выделении противоположных «биполярных характеристик в имидже каждого из участников такого противопоставления» [5, 17].

Формами символического взаимодействия кандидатов являются политические дискуссии в СМИ, комментарии кандидата о личности и деятельности политиков-конкурентов. Психологическим контекстом такого взаимодействия является создание и распространение рекламы и антирекламы кандидатов, которые обеспечивают очевидность биполярности образов.

Таким образом, одной из составляющих политического имиджа является его логическая противоположность - контримидж.

Современными политиками и их консультантами широко используются как старые риторические приемы, так осваиваются новые приемы и способы формирования негативного образа политического оппонента. К таким деструктивным приемам можно отнести распространение слухов, подмену понятий, «негативный трансфер», наклеивание ярлыков и другие [10, 14].

Одной из реалий политического процесса в современной Молдове является все большее распространение технологий и механизмов формирования политического имиджа. Без их использования сегодня не обходятся как отдельные политические лидеры, так и политические партии, государственные институты. Именно электоральный процесс 2009 года и есть тому пример.

Прошедшие выборы в органы законодательной власти, показали, что формирование образа политика в глазах избирателей требует специальных знаний и технологий. В Республике Молдова в имидже партии доминирующее значение имеет персонализированная составляющая, то есть партию воспринимают, узнают и поддерживают посредством лидера. За редким исключением не сами политические движения и партии выдвигают лидера, а конкретные яркие личности создают партии (пример В.Филата, учредившего в 2007 году ЛДПМ), возглавляют их, или присоединяются к ним (пример М.Лупу и ДПМ).

Специалисты в области предвыборных технологий, выделяют две стратегии восприятия политического лидера. Согласно первой из них, политический лидер должен быть своего рода «сверхчеловеком», по принципу: «он лучше, чем я», способным найти и предложить решения насущным проблемам, человеком выдающихся способностей и силы воли [6, 134]. Вторая стратегия оценки предполагает, что поддержкой масс будет пользоваться тот политический деятель, который воспринимается населением как «один из нас», как обычный, простой человек со всеми его недостатками и достоинствами.

Необходимо констатировать факт, что практически все лидеры политических партий прошедших в парламент пятого и шестого созыва попытались показать свою близость народу, свое понимание и знание проблем общества. При этом прослеживалось стремление учесть основные научные требования к имиджу: быть непротиворечивым; динамичным; прагматично-реалистичным; синтезировать «черты отца», которые гарантируют защиту, стабильность, строгость, но справедливость, готовность взять на себя ответственность, «навести порядок».

Однако многие обещания, данные политическими формирования во время предвыборной агитации, были заведомо не реализованными. По мнению ряда исследователей, во время избирательной кампании политики могут прибегнуть к «политической лжи» - «скажи людям то, что они хотят услышать», а придя к власти можно забыть о политических обещаниях, исходя из государственного интереса [1, 76]. Так, Альянс "Наша Молдова" обещал среднемесячную зарплату в 500 евро и пенсию в 175 евро. Либерал-демократическая партия Молдовы в 7 тыс. леев. Либералы – установить минимальную зарплату в бюджетной сфере в 2 тыс. леев, заплатить при рождении первого ребенка 5 тыс. леев, второго - 10 тыс., третьего - 15 тыс. леев [7]. ПКРМ обязалась повысить среднюю зарплату до уровня, в три раза превышающего прожиточный минимум, но не менее 500 евро; увеличить среднюю пенсию до уровня, превышающего прожиточный минимум [14].

В основу организации современных избирательных кампаний положен маркетинговый подход, который позволяет с достаточно высокой точностью просчитывать потенциальную эффективность кампании. Результативность кампании зависит от целого ряда факторов: характера социально-экономической среды и структурирования электорального поля, особенностей интереса и поведения различных групп избирателей, «идеального образа» кандидата, существующего в представлениях этих групп и т.д.). Эти факторы находятся в сфере информационно-аналитических технологий избирательной кампании. Результатом анализа данных факторов является выработка оптимальных предвыборных стратегии и тактики. Иными словами, определяется обеспечивающая максимальную поддержку избирателей схема коммуникативных действий кандидата, задаются основные направления и параметры предвыборной агитации.

Библиография

1. Miroiu M., Blebea N.M. Introducerea în etica profesională. – Bucureşti, 2001.
2. Stoiciu A. Comunicarea politică. Cum se vînd idei şi oameni.- Bucureşti: Humanitas, 2000.
3. Suciu D. Cum să cîştigăm alegerile - Ghid practice de campanie electorală.- Bucureşti: comunicare.ro, 2004.
4. Ельцин Б. Сделать все, чтобы страна не погибла под красным колесом прошлого. // «Российская газета», 1996, 17 февраля.
5. Боброва Е. Факторы успеха на президентских выборах 1996 // Власть, 1996, № 6, с.13-19.
6. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. (Под. ред. Е.В. Егоровой-Гантман). - Москва, 1994.

7. Ильина К. Оппозиция ответила на итоги выборов погромами. // «Кишинёвский Обозреватель», №13, 2009, 9 апреля
8. Ильясов Ф. Политический маркетинг или как «продать» вождя. // Полис. 1997, №5, с.88-100.
9. Кошелюк М. Выборы: Магия игры. Технологии победы. - Москва, 2000.
10. Любивый Я. Современное массовое сознание: динамика и тенденция развития. - Киев, 1993.
11. Политическая имиджелогия. / Под. ред. А.Деркача, Е.Перелыгиной и др. – Москва: Аспект-Пресс, 2006.
12. Россия: партии, выборы, власть. / Под общей ред. В.Н.Краснова. – Москва, 1996.
13. Турко Т. Роль политической рекламы в формировании имиджа электоральных конкурентов (на примере парламентских выборов 2001). // Republica Moldova la începutul mileniului III: realităţi şi perspective. - Chişinău, 2001, с.159-163.
14. SMS-агитация. Или предвыборные завлекаловки-2009. // «Кишинёвский Обозреватель», №6, 2009, 19 февраля
15. Федотова Л. Социология рекламы. - Москва, 1999.

Представлена в редакцию
2 ноября 2010 года

УКРАИНСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ГРЕЦИИ

Елена МАЛИНОВСКАЯ
Украина, Киев, Национальный институт стратегических исследований
доктор наук по государственному управлению, советник при дирекции

Инна ШВАБ,
Украина, Киев, Институт социологии НАН Украины,
консультант по исследованиям Международного женского правозащитного центра «Ла Страда – Украина»

The article observers results of survey dedicated to the influence of the global financial crisis on position and migration strategies of Ukrainian migrant workers in Greece. The analysis is based on information obtained through the questioning of Ukrainian citizens working in Greece today (40 interviews), as well as returned home (40 interviews). Given the characteristics of Ukrainian labor migrants in Greece, most of whom are women over a working age with a high level of education; their legal status, mostly legal, employment, mainly limited household sector. Concluded that, despite the deterioration of employment condictions for Ukrainians in Greece, the mass return to the homeland has not happened. On the contrary, the crisis has led to the re-emigration of those who returned home before. Stressed the need for targeted state policies for the reintegration of returning migrants, which may courage migrants to return.

Keywords: labor migration of Ukrainians to Greece; employment of migrants; legal status, problems of returning, the impact of the crisis.

Статья посвящена исследованию влияния мирового финансово-экономического кризиса на положение и миграционные стратегии украинских трудящихся-мигрантов в Греции. В основу анализа положена информация, полученная путем опроса граждан Украины, работающих в Греции в настоящее время (40 интервью), а также вернувшихся с работы в Греции на родину (40 интервью). Даны характеристики состава трудовых мигрантов из Украины в Греции, среди которых большинство составляют женщины старшего трудоспособного возарста с высоким уровнем образования; их правового статуса,в основном легального; сферы занятости, преимущественно ограниченной сектором домохозяйств. Сделан вывод о том, что хотя вследствие кризиса условия трудоустройства украинцев в Греции ухудшились, массового возвращения на родину не произошло. Наоборот, кризис привел к повторной эмиграции части тех, кто накануне возвратился домой. Подчеркнута необходимость целенаправленной государ-

ственной политики по реинтеграции возвращающихся мигрантов, что может также сыграть роль стимула к возвращению.

Ключевые слова: трудовая миграция украинцев в Грецию; занятость мигрантов; правовой статус; проблемы возвращения; влияние кризиса.

В Украине уже накоплен достаточный опыт в сфере изучения трудовой миграции за рубеж. Хотя соответствующие исследования все еще нельзя назвать систематическими, они, однако, дают возможность составить довольно ясную картину процесса трудовой миграции, ее мотиваций, характеристик, последствий. Вместе с тем, данные, полученные при изучении сферы, столь четко реагирующей на состояние общества, быстро устаревают. Особенно очевидно это для кризисного периода, обусловившего существенные социальные и экономические сдвиги, как в Украине, так и в странах назначения мигрантов, что, безусловно, не могло не повлиять на миграционные процессы.

Изучению последствий кризиса для положения трудовых мигрантов за рубежом на примере Греции было посвящено исследование, основные результаты которого изложены в этой статье [1]. Хотя исследовалась только одна страна пребывания, однако, с большой степенью вероятности можно заключить, что проблемы, с которыми украинские мигранты сталкиваются в охваченной глубоким финансово-экономическим кризисом Греции, являются актуальными и в намного более широком географическом контексте. Исследование осуществлено в конце 2009 – начале 2010 года. Поскольку ставилась задача изучить как положение украинских рабочих в Греции, так и обстоятельства и перспективы их возвращения на родину, было проведено 40 интервью с мигрантами, работающими в Афинах, и 40 интервью с теми, кто возвратился из Греции домой. Респонденты подбирались методом «снежного кома». Полученные данные не являются репрезентативными, однако, представляются ценными, во-первых, потому, что часть опроса проводилась непосредственно в стране назначения, во-вторых, впервые удалось выявить изменения миграционных стратегий кризисного периода. Дополнительная информация была получена путем экспертного опроса, а также анализа документальных и статистических материалов.

Оценки численности украинских трудовых мигрантов в Греции варьируются от 20 до 50 тыс. человек. Согласно переписи населения 2001 г., в стране, как легально, так и нелегально, проживали 14149 граждан Украины, среди которых было 10516 женщин и 3633 мужчин.

По данным Министерства внутренних дел Греции, в 2007 г. в стране находились 19785 граждан Украины, имевших действующие разрешения на пребывание. Из них 17% мужчин, большинство - женщин. Украинцы занимали по численности четвертое место среди групп иностранцев после

албанцев, болгар и румын и составляли примерно 3% иностранного населения страны.

Таким образом, Греция является одной из тех принимающих стран, в отношении которых выражение «феминизация миграции» является более, чем справедливым. Особенность гендерной структуры мигрантов в Греции (по данным масштабного обследования трудовой миграции из Украины, проведенного Государственным комитетом статистики в 2008 г., женщин среди трудовых мигрантов из Украины лишь треть [2]), нашла отражение в составе респондентов нашего опроса: 61 женщина и 19 мужчин. Еще одна специфическая для Греции черта - возрастная структура мигрантов. Большинство респондентов принадлежали к 40-51-летним, тогда как в основном на работу за рубеж из Украины выезжают 15-39-летние (60%) [2].

Эти черты объясняются спецификой греческого рынка труда и той ниши, которую занимают на нем иностранцы. Предлагаемая здесь работа находится преимущественно в сфере ухода за больными и престарелыми и работы по дому, т.е., это работа для женщин. Преобладание женщин старшего трудоспособного возраста имеет несколько причин. Во-первых, наиболее активная миграция в Грецию развернулась в середине 1990-х гг., т.е. с момента ее начала прошло 10, а то и 15 лет, на которые постарели нынешние мигранты. Во-вторых, женщины старшего трудоспособного возраста находятся в особенно неблагоприятном положении на рынке труда в Украине, что и толкает их на поиски работы за рубежом. По данным Государственного комитета статистики Украины, женщины преобладают среди зарегистрированных безработных (54% против 46% мужчин), однако находятся в меньшинстве, когда речь идет о трудоустроенной рабочей силе (46,6% против 54,4% мужчин) [3]. В связи с этим уровень трудоустройства женщин, т.е. соотношение числа лиц, устроенных на работу, к количеству зарегистрированных безработных, в 2009 г. составил 29,9%, тогда как мужчин – 35,8%. Особенно трудно найти работу женщинам предпенсионного возраста. В-третьих, на возрастной состав украинских мигрантов в Греции влияет предпочтение, которое отдают работодатели женщинам старшего трудоспособного возраста, как обладающим необходимым жизненным опытом и физическими возможностями, однако, не представляющим опасность для внутрисемейных отношений в домохозяйствах.

Украинцы отличаются от остальных мигрантов в Греции высоким образовательным уровнем. Так, по переписи населения страны 2001 г. 15,9% из них имели высшее образование (тогда как иммигранты в целом – 9,3%), почти 43% украинцев имели среднее и среднее специальное образование. По данным нашего опроса, с высшим образованием было свыше половины респондентов, четверть – со средним специальным. Это также можно считать особенностью, присущей миграции в Грецию, так как по данным упо-

минавшегося выше обследования Госкомстата 2008 г., высшее образование имели только 13,5% трудовых мигрантов [2]. Высокий образовательный уровень объясняется преобладанием среди мигрантов женщин, уровень образования которых, и занятых в Украине, и работающих за рубежом, относительно выше (согласно обследованию Госкомстата высшее образование имели 19,7% женщин-мигранток).

Большинство опрошенных состояли в браке. Вместе с тем, среди них было свыше четверти разведенных или овдовевших, что полностью коррелируется с данными обследования Госкомстата 2008 г., согласно которому среди женщин-мигранток разведенных и вдовых - 26,2%. Превратившись силою обстоятельств в основных кормильцев своих семей, они вынуждены были искать более высокий заработок за границей.

Следует отметить, что только в четверти случаев, опрошенные мигранты имели несовершеннолетних детей. У половины респондентов дети были старше 27 лет. Наличие детей, особенно в неполных семьях, - одна из побудительных мотивов трудовой миграции. А их возраст, в данном случае вполне самостоятельный, фактор, делающий длительное отсутствие дома для женщины-матери возможным. Тем более, что взрослые дети, как это понимают их родители, больше нуждаются не в уходе и личной заботе, а в финансировании образования, помощи молодой семье в обустройстве, решении жилищной проблемы. С этим во многом связана и длительность пребывания украинских трудовых мигрантов на заработках в Греции, доходившая до 10-15 лет.

В результате миграции семья разделяется государственными границами, что нередко обуславливает сохранение лишь формальных отношений между супругами, а, в сущности, совершенно чужими друг другу людьми. Вместе с тем, результаты исследования позволяют предположить, что во многих случаях не миграция является причиной разводов, а, наоборот, ослабление семейных связей приводит к поиску выхода из сложившейся ситуации путем выезда за рубеж. Кризис или крах семьи может также выступать сдерживающим фактором для возвращения на родину, поскольку люди стремятся избежать семейных проблем, с которыми будут вынуждены столкнуться, например, поиска самостоятельного жилья при малоприятной процедуре развода.

С другой стороны, объединение семьи в Греции, свидетельствующее о ее сохранении, часто означает, что мигранты избрали жизненную стратегию, не предполагающую возвращение в Украину.

Количество опрошенных, к сожалению, невелико, чтобы делать однозначные выводы о различиях в характеристиках тех мигрантов, которые вернулись в Украину, и тех, которые все еще остаются в Греции. Вместе с тем, полученные данные дают почву для некоторых предположений. Так,

чаще возвращаются на родину женщины относительно младшего возраста с более высоким уровнем образования, имеющие полноценную семью. Среди оставшихся в Греции, наоборот, выше возраст, ниже уровень образования, доля разведенных и вдов больше, а замужних меньше.

Начало трудовой миграции из Украины в Грецию было положено на заре 1990-х гг. в форме «челночной торговли». Сперва появившись на базарах Турции, мелкие торговцы из Украины постепенно освоили также и греческий рынок меховых изделий, некоторых других товаров. Со временем все больше людей начали прибывать в Грецию с целью трудоустройства, так как в стране легко было найти неплохо оплачиваемую работу в домашнем хозяйстве, туристическом бизнесе, сельскохозяйственном производстве. Как уже говорилось, в основном это была работа для женщин. Когда в период подготовки к Олимпийским играм 2004 г. резко возрос спрос на строительных рабочих, на работу в Грецию начали прибывать также мужчины.

Среди респондентов нашего опроса основная масса выехали на работу в Грецию в 1993-2000 гг., большинство из них продолжают работать там и поныне. Они покинули Украину в наиболее сложный период реформ и системного кризиса, крайне низких в сравнении с греческими заработков. С другой стороны, это был период, когда проникнуть в страну было относительно легко, а спрос на рабочую силу был высоким. К тому же масштабные иммиграционные амнистии позволили большинству въехавших в 1990-е гг. легализовать свое положение в Греции. Надежный правовой статус, в свою очередь, упростил адаптацию к условиям проживания в стране, способствовал ориентации на длительное пребывание. Эта часть мигрантов фактически проживают за границей постоянно. Их возвращение если и произойдет, то будет связано либо с фарс-мажорными обстоятельствами, либо с окончательным завершением трудовой карьеры.

Несколько другой выглядит ситуация выехавших на работу в Греции в последующие годы, среди которых больше всего вернувшихся в Украину. Они выезжали, когда на родине наблюдался экономический подъем, и, очевидно, Греция уже не была столь привлекательной. Легализоваться в стране стало намного сложнее, а спрос на иностранную рабочую силу вследствие ухудшения экономической конъюнктуры стал падать. В таких условиях, достигнув поставленных целей, т.е. заработав определенные средства, трудящиеся-мигранты возвращались домой.

Причины миграции, безусловно, имели экономический характер. Вместе с тем, полученные данные подтверждают, что в условиях свободы выезда экономические соображения комбинируются с разного рода неэкономическими мотивами, среди которых семейные обстоятельства (умер муж,

приехал к дочери, жена - гречанка), а также стремление изменить свою жизнь, избежать каких-то проблем на родине, узнать новое.

Основным критериям для выбора Греции как страны трудоустройства, было наличие здесь родственников/друзей/знакомых, которые могли бы помочь с работой. Еще одним весомым фактором была относительная дешевизна организации поездки, а также большая, в сравнении с другими странами Шенгенского пространства, вероятность получения визы

Выезд, связанный с принадлежность к греческому национальному меньшинству, также был среди указанных мигрантами причин. Согласно переписи 2001 г., в Украине проживали 91,5 тыс. этнических греков, преимущественно в Донецкой области. По численности они занимали 12-е место среди национальных меньшинств в Украине, а в Донецкой области уступали лишь украинцам и русским. По оценкам, с конца 1980-х гг. из Украины в Грецию эмигрировали до 12 тыс. этнических греков, еще 3 тыс. выехали на Кипр [4, 73]. Греки-репатрианты, получавшие по прибытии гражданство страны, нередко были зацепкой, которой пользовались для поисков работы и обустройства их родственники и знакомые из Украины.

Главным каналом проникновения в Грецию, особенно на первом этапе развертывания миграции, был псевдотуризм, хотя использовались и другие: приглашения в гости, на учебу, в составе художественных ансамблей или спортивных команд. Все они, однако, означали, что люди заранее планировали и сознательно шли на то, чтобы остаться в Греции и работать там нелегально.

Массовые миграционные амнистии позволили многим украинцам легализовать свое пребывание и получить со временем разрешения на длительное проживание. Лишь двое респондентов из 40 опрошенных в Афинах находились в стране нелегально. Таким образом, по данным анкетирования, а также согласно оценкам мигрантов, которые они высказывали в ходе интервью, нелегальный сегмент трудовой миграции украинцев в Грецию на сегодня едва достигает 10%. Вместе с тем, следует заметить, что многие мигранты, проживающие в Греции, имеют на это лишь суррогатные разрешения. Дело в том, что процедура оформления разрешения на трудоустройство и проживание крайне забюрократизирована и длится не один месяц, иногда до года. В течение этого времени мигранты имеют вкладыш в паспорте о том, что их документы рассматриваются компетентными органами, что является основанием для пребывания в стране, даже если будет получен заведомый отказ. Многие мигранты сознательно не приходили за результатом, либо же игнорировали предписание о выезде после получения отказа, продолжая пользоваться просроченными разрешениями и искренно не считая себя нелегалами. В случае, если человек работает и живет в семье, практически не выходит на улицу и не бывает в

общественных местах, на нелегальном положении можно оставаться годами. Поэтому уровень легальности пребывания украинских трудовых мигрантов в Греции не стоит переоценивать.

Изначально нелегальный статус мигрантов, безусловно, становился причиной нарушения трудовых прав, конфликтов с работодателем. Так, по словам респондентов, зная, что они не смогут жаловаться опасаясь депортации, работодатели нередко задерживали зарплату, не давали выходных, отпусков и больничных, ограничивали в свободе передвижения, отказывались платить социальную страховку за работника, возлагая эту ответственность на самого мигранта. В условиях кризиса такие примеры участились, однако мигранты соглашались на ухудшение условий трудоустройства, так как в противном случае рисковали вообще потерять работу.

Преобладание среди украинских мигрантов в Греции женщин увеличивает уязвимость этой категории трудящихся. Мигрантки, по словам респондентов, нередко сталкивались с сексуальными домогательствами, нарушением их трудовых прав. В частности, как подтвердило исследование, – уровень зарплаты женщин ниже, чем у мужчин. И хотя разница в зарплатах разных полов в Греции была существенно меньше, чем в Украине, гендерная дискриминация в оплате существовала.

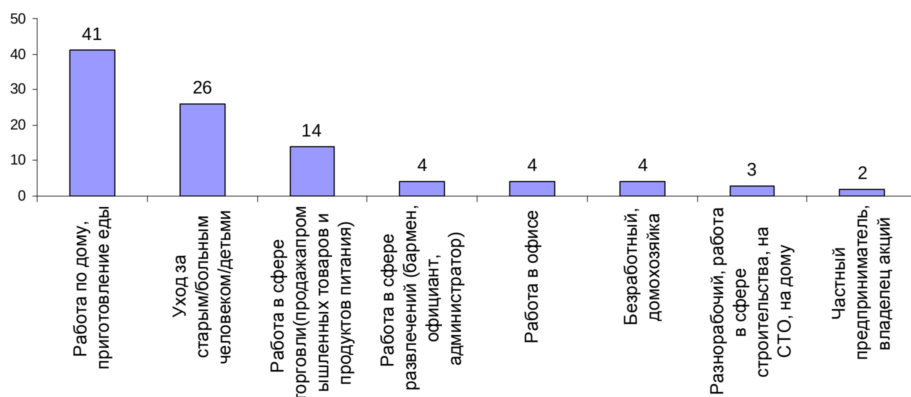
Главными видами занятости трудовых мигрантов в Греции является работа по дому и уход за престарелыми, больными. Уход за детьми встречается намного реже, так как для такой работы родители обычно ищут человека, хорошо знающего язык. Как уже было сказано, на эти работы нанимают преимущественно женщин. Женщины работают также в промышленности, отелях и ресторанах, особенно во время туристического сезона, в магазинах (рис.1). Такая работа представляется мигрантам более престижной, но она тяжелее и не всегда оплачивается выше. Поэтому для женщин старшего возраста «хорошей» остается работа в домашнем хозяйстве, где объект заботы в состоянии сам себя обслуживать, а семья доброжелательна и не требовательна.

Мужчины в значительно меньшей степени, но также востребованы в домашнем хозяйстве. Они выполняют работу слесарей, плотников, садовников, охранников. Среди других мужских видов работ также сварщик, уборщик апельсинов, маляр, художник.

Труд большинства опрошенных мигрантов является низко квалифицированным. Вместе с тем, часть мигрантов, в первую очередь те, которые прожили в Греции уже много лет, имели хорошее образование или учились в Греции, а также те, которые вступили в брак с гражданами Греции, сумели занять более престижные рабочие места офисных работников туристических и транспортных кампаний, переводчиков и т.д. Некоторые

наиболее успешные мигранты превратились в самозанятых или предпринимателей.

Рис.1. Виды занятости трудовых мигрантов в Греции, (N=80)

Как показало анкетирование, уезжая на заработки, подавляющее большинство опрошенных не знали, где будут работать. Прибыв в страну, мигранты обращались к посредникам, т.е. греческим фирмам по трудоустройству, или частным лицам. Последние, как правило, это мигранты, приехавшие ранее. Что касается фирм, они составляют целый сегмент обслуживания трудовой миграции, занимаются трудоустройством, а также перевозками, пересылками посылок семьям мигрантов на родину. Значительная часть их хозяев – этнические греки, эмигрировавшие в Грецию из бывшего СССР. С одной стороны, они легко становились гражданами Греции и потому имели возможности открытия собственного бизнеса, а с другой, – знали русский язык, порядки и традиции бывшей родины. Учитывая контингент клиентов, персонал таких фирм, как правило, набирается из числа трудовых мигрантов.

О правовом поле функционирования фирм-посредников судить сложно. Поскольку они зарегистрированы, имеют официальный адрес, следовательно, действуют в рамках греческого законодательства. Вместе с тем, не секрет, что их услугами часто пользуются нелегальные мигранты, что, естественно, сопряжено с нарушениями. Однако, по мнению большинства опрошенных мигрантов, случаи недобросовестности или прямого обмана со стороны таких фирм редки. Учитывая значительную конкуренцию, они не могут позволить себе подвести клиента. Более того, как рассказывали мигранты, если предложенная работа привела к нарушениям условий

труда и его оплаты, сексуальным домогательствам или другим негативным последствиям, фирмы стараются исправить ситуацию, подыскав клиенту другую работу. Рискованные ситуации в отношении торговли людьми и рабской эксплуатации чаще возникают в связи частными лицами, занимающимися посредничеством.

Важным элементом системы трудоустройства, хотя это и выглядит довольно неожиданно, является церковь. В Афинах существуют греко-католическая и православная украинские общины. От прихожан к священнику поступает информация о спросе и предложении труда мигрантов. Часто с просьбой подобрать подходящего человека обращаются греческие граждане, считающие, что посредничество церкви гарантирует их семьям найм добросовестного и порядочного работника. В конце воскресной службы священник делает соответствующие объявления.

Наиболее рискованной формой трудоустройства, распространенной в первый период миграции в Грецию, были «черные» биржи труда, а попросту места, как правило, возле церкви, где автобус высаживал очередную порцию прибывших из Украины, и где потенциальные работодатели подбирали работников. Поскольку поле для злоупотреблений здесь ничем не было ограничено, нередко возникали не только неприятные, но и опасные ситуации. Однако постепенно трудовая миграция структурировалась, обрастала профессиональными посредниками, необходимость искать работу на улице отпала.

Тем не менее, трудоустройство украинцев в Греции продолжало быть преимущественно неофициальным. Так, по нашим данным, трудовое соглашение с работодателем подписывали только два человека из числа опрошенных, иными словами, каждый двадцатый. Остальные не имели письменного контракта, а только устную договоренность с работодателем.

Большинство граждан Украины в Греции проживают в Афинах (60%), некоторая часть на юге страны и на крупнейших греческих островах. Почти все респонденты удовлетворены жилищными условиями в Греции. Острота жилищного вопроса для большинства снимается тем, что они проживают в семьях, что предполагает круглосуточное нахождение рядом с подопечными, поэтому работодатели обеспечивают их жильем. Те, у кого работа не связана с уходом, арендуют комнаты или квартиры.

Независимое проживание снимает многие психологические проблемы, с которым сталкиваются люди, ограниченные и пространственно, и коммуникативно пределами домохозяйства работодателя. Поэтому собственное жилье, как можно судить из высказываний респондентов, важный показатель успеха в «миграционной карьере». Его могут позволить себе те, кто уже хорошо адаптировался, имеет надежный правовой статус, владеет языком, доработался до постойной клиентуры, т.е. определенного числа

греческих семей, которым оказывает услуги, или нашел работу вне сектора домохозяйств.

Снимают квартиры украинцы если не компактно, то все же приблизительно в одном районе Афин, центральном, который все чаще покидают греки, выезжающие в пригороды, и который все больше превращается в место обитания иммигрантов. Улицы поблизости с греко-католической церковью пестрят названиями на русском, украинском, грузинском языках. Это бюро по трудоустройству, агентства по продаже билетов на международные рейсы, магазины «ностальгических» товаров, национальные кафе и рестораны.

Хотя жилье мигрантов достаточно скромное, в целях экономии они часто снимают его совместно с земляками, что позволяет сократить затраты. Поэтому, по данным интервью, респонденты тратили на него не более 30% ежемесячного дохода.

Греция принадлежит к тем странам, где исторически украинская диаспора практически отсутствовала. Когда в середине 1990-х гг. развернулась массовая трудовая миграция, никаких украинских общественных организаций здесь не существовало. Однако потребность в межличностных коммуникациях, взаимопомощи, обмене информацией была велика. Ее значение особенно возрастало в связи с тем, что на тот момент мало кто из украинцев владел греческим языком, разбирался в законодательстве и порядках Греции. С другой стороны, работа в домохозяйствах обуславливала изоляцию мигрантов, со всеми негативными ее последствиями от безнаказанных злоупотреблений со стороны хозяев до ментальных расстройств из-за дефицита общения и невозможности поделиться своими проблемами.

Поэтому, как рассказывали мигранты, получив выходной, люди выходили в город, туда, где могли встретить соотечественников. Прежде всего, это была церковь. Многие респонденты отмечали, что религиозность проснулась у них только за рубежом. Ходят в церковь и те, кто, в общем, относится к религии равнодушно. Здесь не имеет значения, к какой конфессии принадлежит человек. Важно, что это своя церковь, где служба идет на родном языке, где можно встретиться, поговорить, получить совет или помощь.

Важным местом встреч и общения были фирмы-посредники по трудоустройству, а также транспортные компании, занимающиеся перевозками между Грецией и Украиной. Их роль выходит за рамки простого предоставления определенного набора услуг. Они превратились в важный элемент социальной структуры, стали одним из ключевых механизмом, который обеспечивает коммуникации как внутри мигрантского сообщества, так и между мигрантами и родиной.

Постепенно среди украинцев в Греции зрело сознание необходимости структурировать свои неформальные связи и стихийно сложившуюся систему взаимопомощи, создать соответствующие организации. При этом они сталкивались со значительными трудностями, как следствие объективных условий их жизни. Во-первых, напряженная работа не оставляла времени для общественной деятельности, значительное число мигрантов работали в домах и часто неделями не имели возможности ни выйти, ни даже позвонить, во-вторых, рассчитывать на спонсорскую поддержку было неоткуда, так как «старой» диаспоры в Греции не было, а трудовые мигранты, основная цель которых состояла в зарабатывании денег, не были готовы нести финансовые затраты на общественные нужды, в-третьих, на заработках за границей оказались люди разного возраста, уровня образования, прибывшие из разных уголков Украины, найти общий язык которым было непросто. Поэтому процесс создания украинских объединений не всегда шел гладко. Они создавались, делились, распадались, снова регистрировались.

Ныне в Афинах существуют три организации: Общество украинской диаспоры и украинофилов «Украинско-греческая мысль», Украинский культурно-просветительский центр «Берегиня» и Ассоциация украинцев Греции «Украинский журавлиный край» [5]. Традиционные праздники, концерты, выставки соседствуют в деятельности этих объединений с юридической защитой интересов украинцев перед греческими властями, сбором средств для отправки на родину больных или умерших соотечественников.

Важнейшее направление работы – украинское образование детей. Его значение особенно велико, так как для поступления в греческие школы и детские сады необходимо предоставить документы о легальном пребывания в стране, имебщиеся не у всех мигрантов. При Обществе «Украинско-греческая мысль» действует субботняя школа, куда приходят до 40 детей разных возрастов. Открыта и садиковая группа. Крупным образовательным учреждениям стала украинская школа им. Т.Шевченко, действующая при Культурно-просветительном центре «Берегиня». Ежедневные занятия тут посещают 41 ребенок в возрасте от 6 до 17 лет, еще 38 детей учатся в субботней школе. Это уникальное учреждение, пожалуй, единственное подобного рода, основанное украинскими трудовыми мигрантами за границей. Школа возникла в 1998 г. Дети учатся по программам украинских школ. Находятся в школе целый день – до 4 часов дня.

Благодаря сотрудничеству с Международной украинской школой, созданной Министерством просвещения Украины в 2007 г., т.е. общеобразовательным учреждением дистанционной формы обучения, самодеятельные школы в Греции получили возможность официально проводить аттестацию знаний учащихся и выдавать им документы об образовании госуда-

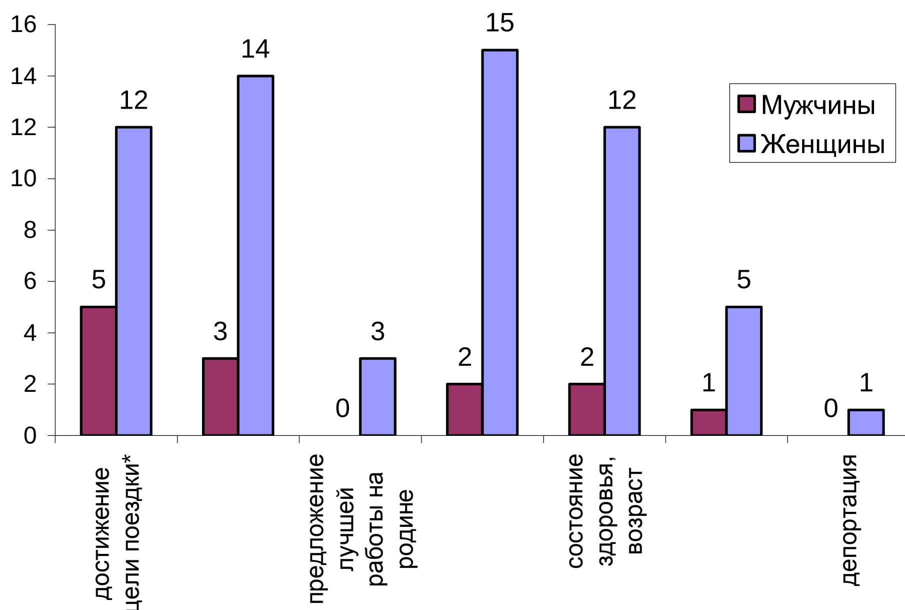
рственного образца. Впервые в 2009 г. свидетельства об окончании неполной средней школы (9 классов) получили трое учащихся украинской субботней школы при «Украинско-греческой мысли» [6] и 9 выпускников школы им. Т.Шевченко. В планах школы в Афинах – подготовка выпускников по программе полного среднего образования и выдача им аттестатов зрелости.

Значение школ для украинской общины в Греции нельзя переоценить. Это учреждения, объединяющие вокруг родного языка и культуры, обеспечивающие сопротивление ассимиляции не только детей, но и их родителей. Украинская школа в эмиграции – это также путь на родину. Ведь в семьях, имеющих детей, решение о том, остаться за рубежом, или вернуться в Украину, во многом зависит от дальнейшей стратегии образования ребенка. Таким образом, если сын или дочь учились в Греции в украинской школе, получили украинские документы об образовании, это означает, что продолжать учебу они вероятнее всего будут в Украине.

Еще одним важным центром украинской жизни в Греции является посольство и консульства Украины. Мигранты отмечали, что, если в 1990-е гг. дипломаты были к ним абсолютно равнодушны, то в последние годы наладилось сотрудничество между общиной украинцев и официальными представителями страны. Важным событием стало открытие осенью 2008 г. Культурно-информационного центра при Посольстве Украины в Греции, для которого было отстроено специальное помещение. Отношения мигрантов и посольства, конечно, далеко не безоблачны, точно так же, как и в целом взаимоотношения граждан и Украинского государства. Претензии есть у обеих сторон, однако, роль официальных представительств державы для ее граждан за границей чрезвычайно велика.

Отдельное внимание в ходе исследования уделялось вопросу возвращения мигрантов на родину, мотивам и возможностям принятия и осуществления соответствующего решения. Со слов респондентов, как о своем опыте, так и опыте знакомых, причины, по которым мигранты возвращаются домой, можно разделить на экономические, психологические, а также связанные с возрастом и состоянием здоровья (рис.2).

Рис. 2. Причины возвращения трудовых мигрантов на родину по результатам опроса вернувшихся в Украину (N=40)

Большинство бывших мигрантов, опрошенных Украине (40 человек), считали, что их возвращение связано с тем, что они заработали достаточно денег, т.е. достигли поставленной цели.

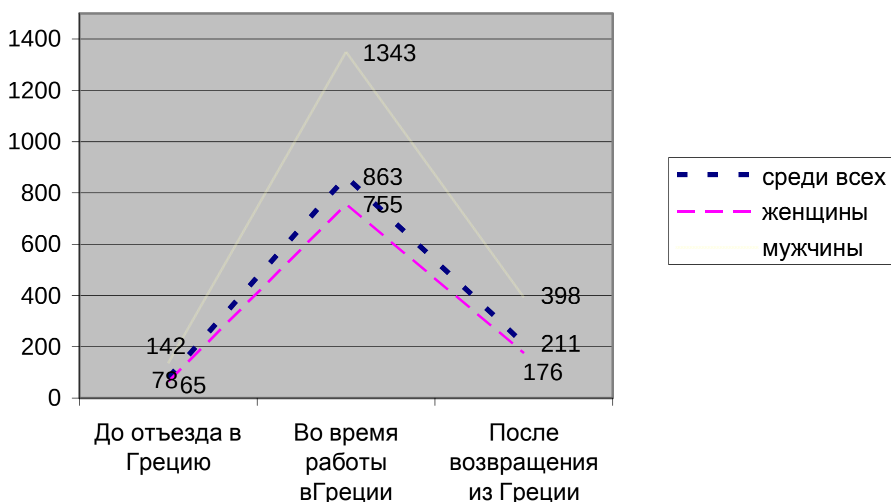
Лишь 3 человека из 40 вернулись потому, что на родине им предложили лучшую работу. Их число, к сожалению, невелико, но хорошо уже то, что такие есть. Этих лиц также можно отнести к мигрантам, принявшим свободное и взвешенное решение о репатриации.

Заметим также, что среди вернувшихся, респондентов с высшим образованием было вдвое больше, чем среди мигрантов, продолжающих работать в Греции. Следовательно, образование выступает фактором успешной миграции, а также и возвращения.

Миграционный опыт отмечался респондентами в основном как время, проведенное с пользой. Во-первых, заработки мигрантов были очень важными в структуре доходов их домохозяйств. За их счет дети получили образование, семьи улучшили свое материальное положение и бытовые условия. Во-вторых, мигранты смогли накопить сбережения, благодаря которым открыли свой бизнес после возвращения. Работа за рубежом сформировала бытовую культуру, стремление привести условия проживания своих семей в соответствие с европейскими стандартами комфорта.

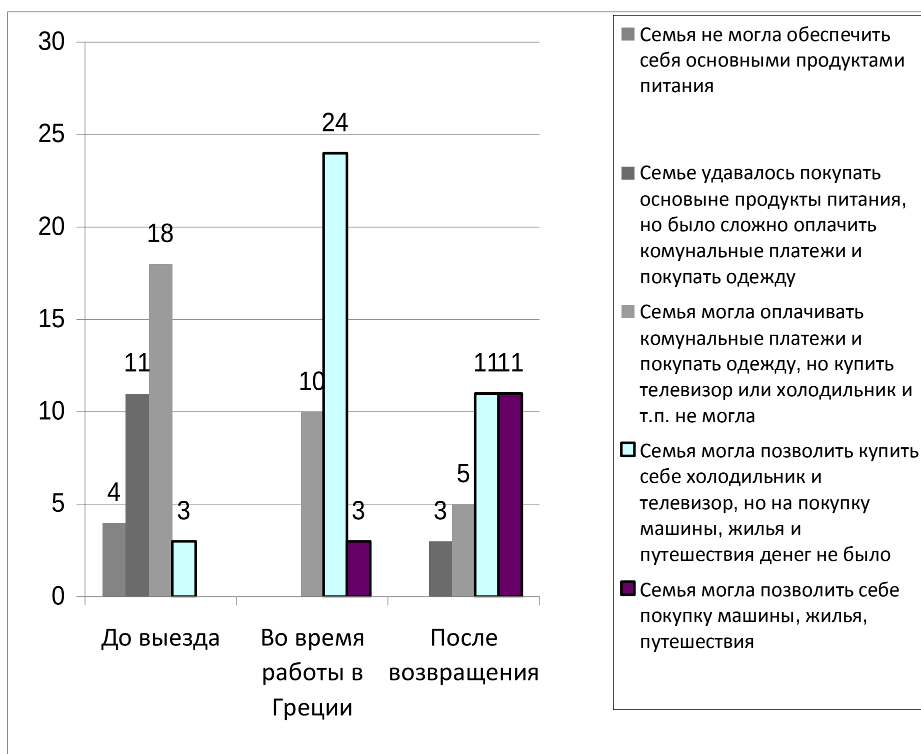
Опрос вернувшихся мигрантов позволил сравнить их доходы до и после работы в Греции (рис. 3). Так, средний уровень доходов до выезда составлял всего лишь 78 Евро, что, очевидно, и стало основной причиной выезда на заработки за границу. Во время работы в Греции доходы мигрантов выросли более, чем в 10 раз, и составляли, в среднем 863 Евро. После возращения в Украину они резко упали, однако были выше, чем до выезда, и несколько выше средних для Украины (средняя по Украине зарплата составляла в 2009 г. примерно 190 Евро).

Рис. 3. Средние показатели доходов мигрантов, вернувшихся в Украину

В результате миграции очевидно изменились оценки материального благополучия домохозяйств мигрантов. Четверть мигрантов, вернувшихся в Украину, утверждали, что до выезда в Грецию не могли обеспечить даже элементарные потребности семьи, такие как приобретение продуктов питания (рис.4). Ответы респондентов о материальном положении семей во время их работы в Греции резко отличаются: наинизшие оценки уровня благосостояния просто исчезли, доля тех, кому стали доступны крупные покупки, увеличилась в 8 раз. После возвращения, количество тех, кто мог позволить себе покупку машины, жилья, путешествия, увеличилось почти в 4 раза.

Рис. 4. Динамика благосостояния домохозяйств мигрантов, к-во

Важно отметить, что возвращение привело к изменению статуса занятости части мигрантов, как по сравнению с ситуацией до выезда, так и во время пребывания за границей. Так, по данным опроса, большинство респондентов до отъезда в Грецию работали как квалифицированные работники в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры и техники. Находясь за рубежом, почти все они были неквалифицированными рабочими. Среди мигрантов, возвратившихся на родину, появились предприниматели и самозанятые, хотя до и во время пребывания в Греции ни один из этих статусов им присущ не был. Кроме того, если сравнить с ситуацией до выезда, уменьшилась доля безработных, что может трактоваться как показатель успешной миграции.

Вместе с тем, увеличилась доля неработающих пенсионеров и сократилась - специалистов и госслужащих, что, кроме выхода на пенсию, является, безусловно, результатом дисквалификации. Следовательно, существует и обратная сторона миграции: потеря квалификации, здоровья, невозможность принимать участие в воспитании детей, а теперь уже и внуков. Все эти последствия накладывают отпечаток на физическое и психо-эмоциональное состояние репатриантов.

Распространенными причины репатриации были возраст, проблемы со здоровьем, усталость, что не удивительно, так как многие мигранты работали в Греции 10 и более лет и относятся к возрастной группе 51-63-летних. В большинстве случаев люди возвращаются тогда, когда по возрасту и состоянию здоровья работать уже больше не могут. Завершив трудовую деятельность в Греции, мигранты старшего возраста в Украине остаются экономически неактивными, живут на сбережения или на пенсию, если у них есть основания ее получать, или оказываются на иждивении семьи.

Экономический кризис, как причину возвращения на родину, назвал каждый четвертый репатриант. Еще несколько респондентов вернулись вследствие потери работы, т.е. вынужденно, из-за неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

На вопрос, какую роль сыграл кризис в возвращении, ответы распределились практически поровну: половина опрошенных указали, что он сыграл решающую роль, а остальные заявили, что вернулись по иным причинам.

Таким образом, финансовый кризис повлиял на занятость мигрантов в Греции, условия и оплату их труда, однако, вопреки ожиданиям, массового возвращения на родину не вызвал. Ответы респондентов показывают, что наиболее активно процесс репатриации украинцев происходил как раз до мая 2008 г., т.е. до развертывания финансово-экономического кризиса, когда экономика Украины стремительно развивалась, что давало надежду на трудоустройство или открытие бизнеса у себя в стране.

Если возвращенцы, опрошенные в Украине, рассказывали о совершенном действии, то те, кто продолжает работать в Греции, о своих настроениях, сомнениях, раздумьях. При встречах с мигрантами вопрос, что же может заставить людей после многих лет за границей вернуться на родину, и что препятствует этому решению, обсуждался наиболее горячо. Диапазон обсуждения включал и дискуссии о патриотизме, об отношениях с близкими людьми, и оценку собственной жизни, ее дальнейших перспектив, а также весьма прозаические, но жизненно важные соображения о работе и заработке.

Понятно, что экономические причины, которые были решающими в принятии решения о выезде за рубеж, сохраняют свое значение и при решении о возвращении. Находящихся в Греции людей пугает, как они смогут трудоустроиться на родине, как проживут на мизерный заработок.

Вместе с тем, более молодые и предприимчивые смотрят вперед с оптимизмом. Они рассчитывают, что заработанные за границей деньги, приобретенный опыт и трудовые навыки пригодятся дома и позволят создать для себя и своей семьи приемлемые условия проживания.

В ответах на вопрос, при каких условиях мигранты, находящиеся за границей, вернулись бы на родину, они, прежде всего, указывали на благоприятную экономическую ситуацию в стране, которую понимали как обеспечение достойной оплаты труда (например, зарплаты не ниже 1500 Евро), пенсий европейского уровня.

Немаловажна для перспектив возвращения, по словам мигрантов, стабильность политической ситуации, изменение отношения к людям со стороны государства. Несмотря на все трудности и проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в Греции, греческие власти заслужили у них куда более высокую оценку, чем украинские. А вот коррупция, произвол властей, преступность в Украине тревожат потенциальных репатриантов, тормозят возвращение.

Весомым фактором решения о возвращении являются семейные обстоятельства, требующие присутствия дома. Таковые могут быть как негативного, так и позитивного характера. Мигранты возвращаются, если в семье случается какая-то беда. Вместе с тем, к возвращению приводит также стремление сохранить семью, дать ей импульс для дальнейшего развития, обеспечить должное воспитание и образование детей.

Часть мигрантов возвращаются на родину потому, что не сумели устроиться, найти подходящую работу или просто были депортированы из Греции. Другая часть решается на возвращение, так как исчерпали свои силы, больше не в состоянии выносить трудности и психологические нагрузки миграции. Вместе с тем, как отмечали мигранты, если именно это было главной причиной возвращения, очень часто такие люди через какое-то время снова оказываются за рубежом.

Возраст – не только основная причина возвращения домой, но и фактор принятия решения о невозвращении. Дело в том, что мигранты старшего возраста крайне обеспокоены перспективой своего пенсионного обеспечения. Надеятся на получение пенсии в Греции не приходится, так как минимальные социальные взносы, которые работникам часто приходится делать самостоятельно, не позволяют заработать достаточный для ее оформления страховой стаж. В то же время годы труда в эмиграции не учитываются в Украине, так как межгосударственное соглашение о социальном обеспечении между Грецией и Украиной все еще не подписано, поэтому дома многие мигранты смогут получить лишь минимальную социальную пенсию. Это заставляет до последней возможности работать в эмиграции, делая сбережения на будущее.

Что же касается молодых мигрантов, особенно живущих в Греции семейно, имеющих детей, которые учатся в греческих школах, их возраст позволяет им рассчитывать на социальное продвижение, хорошую работу и получение пенсии в этой стране. Часть из них, взяв кредит, сумели ку-

пить собственное жилье. Такие, по словам респондентов, составляют 1-2%. Именно к этой категории принадлежат мигранты, заявившие во время нашего опроса в Афинах, что не вернутся в Украину ни при каких условиях.

Фактором невозвращения являются также сроки проживания за границей, которые, как уже указывалось, для части мигрантов достигают 10-15, а то и больше лет. Чем они выше, тем труднее решиться вернуться домой. Кроме экономических соображений, не меньшее значение имеют факторы социального и психологического характера. Во-первых, за проведенные в Греции годы мигранты как-то обустроили свою жизнь, заняли определенное место в обществе, если даже оно их и не совсем устраивает, обросли социальными связями. Ломать все это, начинать на родине с нуля, когда полжизни уже позади, трудно, опасно, да и не рационально. Не меньшую роль играет привычка к сложившемуся образу жизни, уровню комфорта, характеру потребления, отказываться от которых не хочется.

Вместе с тем, как можно судить из бесед с респондентами, главная причина того, что пребывание за рубежом все продлевается, а возвращение откладывается, состоит в том, что наши респонденты называли «психологией заробитчанства». Люди понимают, что они заработали слишком мало денег, хотя и потратили на это слишком много времени и сил, но не могут остановиться, потому что каждый раз возникают все новые и новые потребности купить, построить, привезти. Все материальные подтверждения их жизненного успеха, однако, далеко не так важны, чтобы платить за них разлукой с родными и собственным здоровьем. Но даже понимая это, прекратить гонку за «длинным мигрантским Евро» бывает непросто.

Тем не менее, преобладающее большинство трудовых мигрантов в Греции постоянно декларировали свое желание вернуться на родину. Однако, создается впечатление, что они иногда сами не верили в то, что говорили. Их высказываниям по поводу репатриации присуща очевидная амбивалетность. С одной стороны, Украина остается для них безусловной ценностью: «Это мое, мне там комфортно, я хотела бы уехать туда в старости». Более того, как рассказывали мигранты, свою украинскость многие ощутили, тем более стали демонстрировать, только оказавшись в эмиграции. Однако, с другой стороны, мифологизация Украины идет параллельно с реальной жизнью, которая проходит в Греции: «Все говорят о возвращении, но никто не возвращается и не вернется». Квинтэссенция их высказываний сводиться к тому, что, да, по дому, все тоскуют, поэтому с радостью вернулись бы, да некуда. Это касается и работы, и семьи.

Таким образом, мы приходим к довольно неутешительному выводу, что временная трудовая миграция украинцев в Грецию все больше становится постоянной. Большинство мигрантов, с которыми приходилось

встречаться, если и вернуться на родину, то только после завершения трудовой карьеры, не работать и строить там свою жизнь, а доживать ее остаток.

Хотя кризис и способствовал возвращению некоторых мигрантов, но в равной степени он обусловил эмиграцию других. Ведь, как утверждали респонденты, многие из тех, кто вернулся на родину в благополучные предкризисные годы, с наступлением кризиса снова выехали на работу в Грецию (более половины респондентов указали, что знают тех, кто после возвращения в Украину принимали решение о повторной миграции). Те же, кто оставались за рубежом, в связи с кризисом удвоили усилия по воссоединению в Греции со своими уже взрослыми детьми, получившими благодаря заработкам родителей за границей неплохое образование, однако так и не сумевшими найти дома достойную работу.

Напомним, что речь идет о Греции, где последствия мирового финансово-экономического кризиса проявились как нигде остро. Следовательно, не столько Греция привлекала мигрантов, сколько Украина обманула их ожидания. В этой связи важной задачей нашего исследования было выяснение трудностей, с которыми сталкиваются возвращающиеся на родину мигранты, а также формулирование предложений для власти по содействию реинтеграции возвращающихся мигрантов, что может сыграть роль стимулятора возвращения.

На основе анализа проведенных интервью можно выделить 5 основных групп потребностей, которые возникают у репатриантов, и удовлетворение которых позволит сделать процесс реинтеграции в Украине менее болезненным. Среди них:

- решение проблем взаимоотношений в семье;
- решение проблем, связанных со здоровьем;
- трудоустройство, в том числе целый комплекс проблем, связанных с профессиональной адаптацией;
- социально-бытовая адаптация;
- адаптация детей, выросших и получавших образование в эмиграции.

Выделенные проблемы не в одинаковой степени значимы для всех возвращенцев. В частности, одни потребности имеют мигранты, которых можно причислить к успешным, и совсем другие те, чья миграция не удалась. Лицам, остающимся после возвращения на родину экономически активными, особенно важно найти себя и реализовать профессионально. Тогда как у лиц пенсионного возраста на первом месте стоят проблемы здоровья и социального обеспечения. Хотя взаимоотношения с родными и близкими одинаково важны для всех людей, для больных и престарелых они, по сути, становятся ключевыми, поскольку от семьи зависит вся их жизнедеятельность. Все это свидетельствует, во-первых, об огромной пот-

ребности в целенаправленной работе государства и его служб по содействию реинтеграции мигрантов, возвращающихся из-за границы; а, во-вторых, о необходимости дифференцированного, индивидуального подхода к решению их проблем.

На сегодня, однако, никакие действия по поддержке возвращения на государственном уровне не предпринимаются. Большинство репатриантов надеются только на себя. По данным нашего опроса, в основном они сумели найти себя, что говорит о значительном их потенциале, способности привнести в украинское общество много полезного, способствовать развитию страны. Отдача от возвращения мигрантов на родину была бы однозначно большей, если бы государство осознало необходимость целенаправленной работы по созданию благоприятных для этого условий, содействовало их трудоустройству и социальной адаптации, разрабатывало и внедряло соответствующие местные и общегосударственные программы.

Библиография

1. Украинская Греция: причины, проблемы, перспективы (по результатам опроса трудовых мигрантов). / Е.Б.Левченко [и др.]. – Киев: Агентство «Украина», 2010.
2. Зовнішня трудова міграція населення України. / Державний Комітет статистики України, Український центр соціальних реформ. – Київ: ДП “Інформаційно-аналітичне агентство”, 2009.
3. Официальный сайт Государственного комитета статистики Украины www.ukrstat.gov.ua
4. Kaurinkovski K. Migration from Ukraine to Greece since perestrojka: Ukrainian and “returning” ethnic Greeks. Reflections on the migration process and on collective identities // Ethnicity and Migration: The Greek Story. – P.71-86. - http://www.mmo.gr/pdf/publications/other_publications/migrance31Abd.pdf
5. Официальный сайт Министерства иностранных дел Украины http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/publication/print/29641.htm
6. Сайт общества «Украинско-греческая мысль». - http:ukrgrdumka.livejournal.com/3860.html#cutid1

Поступила в редакцию
8 февраля 2011 года

PROVOCĂRI PENTRU MASS-MEDIA: PREVENIREA CONFLICTELOR

Nicoleta MUNTEANU
Romania, Sibiu, Universitatea „Lucian Blaga”, Facultatea de Ştiinţe Politice, Relaţii Internaţionale şi Studii Europene
Preparator, doctorand

Potential of the media to bring a positive contribution towards conflict prevention is a result of the new information and communication technologies. All global considerations of communications and the media are being intensified.

The relation between conflict prevention and the media is still an unexplored issue; we agree that bad journalism can promote violence but we don`t know how good journalism may have a positive influence and impact on the prevention of armed conflicts.

From the perspective of the media, war, violence and bloodshed are stories worthwhile telling as they attract the interest of audience, while peace building, whether as prevention or as reconstruction, do not attract the same interest.

We will identify several elements as suggestions to media, in order to achieve the purpose of being an important agent in conflicts prevention. We propose a new sintagma: prevention conflict journalism, in order to framework the specific activities of media involved in such fields.

Key terms: journalism, conflict, prevention, news

Relaţia dintre război şi mass-media este o caracteristică a istoriei secolului al XX-lea. Exploatarea media pentru promovarea şi pentru propaganda războiului este una dintre consecinţele evidente ale acestei relaţii. Asocierea strânsă dintre media şi violenţă este specifică fiecărui conflict pe parcursului ultimului deceniu. Ca orice altă profesie, profesia de jurnalist este supusă unor reguli specifice, care sunt încălcate deseori. Impactul mass-media este mult mai mare decât în cazul exercitării altor profesii. Vocile mass-media ne fac să auzim şi să vedem situaţii, lumea în ansamblul ei, la fel cum poate să ascundă sau să pună între paranteze aspecte esenţiale [18, 4].

Există câteva analize care au studiat rolul media în incitarea la violenţă. Pe parcursului ultimilor cincizeci de ani, în majoritatea conflictelor, au existat relaţii strânse între media şi violenţă [19, 24]. Aceste sudii ne oferă o parte din cadrul teoretic de care avem nevoie pentru a caracteriza ceea ce noi am numit *jurnalismul de prevenire a conflictului,* de a încadra teoretic această sintagmă, dar şi de a aduce argumente în favoarea existenţei activităţii preventive a media, raportată la conflict.

Mass-media şi conflictele

Deoarece „media” este un termen cu înțelesuri largi, ne este de ajutor în această cercetare să ne axăm pe o definiție universală. În întrebuințarea generală, termenul se referă doar la „grupuri de colectivități, la entități, la jurnalişti sau la elemente care se substituie industriei şi profesiei din domeniul comunicațiilor” [8, 286]. Definiția include ambele caracteristici ale acestei industrii: ştiri şi spectacol. Un alt termen des folosit, ma ales în momentul raportării la conflict, este „news media” [8, 286].

News media include doar industria ştirilor. Termenul este des folosit cu sensul de „presă” sau grupuri de persoane care scriu şi comunică ştirile. Peisajul media în țările afectate de conflict este unul variat, incuzând [13, 17-21]: media internațională, precum Associated Press, Reuters sau CNN, care caută ştiri pentru o audiență globală; media locală ce acoperă evenimentele locale şi naționale; organizațiile nonguvernamentale cu diferite scopuri (drept internațional, protecția drepturilor omului, etc.), unele dintre aceste sprijinind media locală prin intermediul unor training-uri tehnice; posturi locale de radio şi de televiziune, precum şi alte organizații media care dețin legături strânse cu comunitățile locale şi care acționează precum un câine de pază față de guvernare; organizații internaționale precum Organizația Națiunilor Unite, direct responsabile pentru asigurarea transmiterii informației prin intermediul media locale.

Media gestionează ceea ce noi vedem şi auzim despre conflicte; istoria recentă ne-a arătat că media poate incita oamenii la violență; de exemplu, Hitler a folosit media pentru a crea o stare de ură împotriva evreilor, a homosexualilor şi a altor grupuri minoritare [11, 409-420]; alte exemple sunt în cazul posturilor de radio care au fost interzise în Rwanda [16] sau atunci când posturile naționale de televiziune din Bosnia au fost întrerupte [21, 121-130]. Este logic să analizăm situația pentru perspectiva inversă: dacă media a jucat un rol important în creşterea violenței, ar trebui să existe media pozitivă care să prevină violența sau să pună capăt violenței, precum şi să contribuie la procesul de construire a păcii. Cu alte cuvinte, dacă media sunt deseori găsite ca sprijinind forțele care duc la conflicte violente, atunci ar trebui să aibă puterea să sprijine forțele pentru pace.

Majoritatea cunoştințelor existente despre conflicte, despre caracteristicile şi despre victime acestora sunt obținute prin intermediul media. Societatea internațională îşi construieşte cunoştințele despre pacea modernă şi despre război bazându-se pe mesajul pe care media îl oferă în fiecare zi; există câteva excepții: actorii politici şi organizațiile nonguvernamentale cu activități relevante în domeniu sau activități academice care produc cercetare [2, 13]. Aceasta situație oferă jurmalistului şi media o putere mare.

Obiectivele majore ale proiectelor media pentru prevenirea conflictelor sunt de a reduce violența şi de a promova reconcilierea. Pentru obținerea acestui luc-

ru, este important să admitem orientarea media către conflict; există două perspective pentru a explica: prima se referă la opinia şi la credinţa jurnaliştilor bazate pe propriile experienţe, iar ce-a de a doua se referă la deţinătorii media care au interese economice, dorind vânzarea ştirilor şi a programelor. Un principiu specific lumii media spune: „if it bleeds, it leads"; conflictul violent va fi ştire de prima pagină datorită impactului asupra receptorilor. Acest tip de mesaj are un impact mult mai mare comparativ cu ştirile despre dialogul cultural, de exemplu. Realitatea ne arată că, de cele mai multe ori, media acoperă subiectele legate de conflicte, nu cele referitoare la procesul de construire a păcii. Mulţi oameni consideră conflictul ca fiind permanent iar pacea ca fiind o stare anormală, tocmai din cauza tendinţei media de a acoperi subiecte legate de conflict, nu pe cele referitoare la procesul de construire a păcii [25, 76-83].

Considerăm că media joacă, deseori, un rol distructiv în încercarea de a sprijini procesul de pace, din cauza contradicţiilor dintre natura unui proces de pace şi valorile ştirilor. G.Wolfsfeld [25, 15] crede că cei care conduc instituţiile media au tendinţa de a favoriza patru valori ale ştirilor: urgenţă, dramă, simplitate şi etnocentrism; raportându-se la aceste patru elemente, autorul crede că este dificil a se folosi media pentru procesul de pace şi că media este, de fapt, condusă ca o afacere care are nevoie să creeze un produs care să se vândă clienţilor care împărtăşesc aceste valori.

În acest context, ne întrebăm: ar trebui ca misiunea unui jurnalist să fie aceea de a promova pacea, democraţia şi dezvoltarea? Comitetul World Press Freedom, prin R.Koven [12] aduce argumente împotriva împovărării media cu responsabilităţi care nu se încadrează primei lor funcţii: aceea de informare. Conform lui Koven, libertatea presei înseamnă pentru media stabilirea propriei agende; media vor putea să îşi desfăşoare activitatea în condiţiile în care au libertatea de a difuza dezbateri, a face cunoscute tensiunile şi contradicţiile din societate.

Pentru practicienii din domeniul prevenirii conflictului, aceste elemente sunt deosebit de importante, precum şi dinamica luării deciziei de către media în acoperirea subiectelor legate de procesul de pace, dar şi cele legate dn domeniul entertainment. Este important recunoaşterea diversităţii activităţii media, pe care îl considerăm un prim pas în analizarea celui mai eficient mod de prevenire a conflictelor prin intermediul media.

„Jurnalismul trebuie să se încadreze în anumite limite; aceasta nu înseamnă că jurnaliştii nu beneficiază de autonomie profesională, adică de libertatea de a-şi exercita profesia aşa cum consideră ei că este bine, dar trebuie să ştie să îşi asume responsabilităţile care decurg din acest exerciţiu" [10, 25-31]. Datoria principală a jurnalistului este aceea de a sluji adevărul [18, 118].

Rolul media trebuie cunoscut înainte de începerea unui conflict, în timpul uni conflict şi după terminarea conflictului. Considerăm că, pentru prevenirea

anumitor situații, toate informațiile trebuie să fie gestionate. Agenția Canadiană pentru Dezvoltarea Internațională a solicitat Institutului pentru Politici Media şi Societate Civilă un studiu referitor la interferența dintre mass-media şi prcesul de construire a păcii. Acesta a elucidat diferite funcții ale media înainte, în timpul şi după un conflict, aşa cum sunt prezentate în tabelele următoare [20, 87].

Rolul media înainte de conflict

Schimbări în sistemul social	**Schimbări în sistemul media**
Creşterea mobilității sociale în direcția războiului	Creşterea cenzurii şi oprelişti în privința libertății presei; reprimarea media care opune rezistență şi a surselor alternative de informare; înăbuşirea informațiilor din afară; creşterea controlului statului.
Propagandă naționalistă, tribală, etnică pentru sprijinirea războiului şi a violenței	Polarizarea media în concordanță cu criteriile naționale, tribale sau etnice; prejudicii aduce celorlalte media; atacuri asupra media alternative.
Rezistență a media independente	Agitație a media independente împotriva războiului şi în sprijinul păcii; contacte cu media externe, cu publicații externe sau orice alte informații externe.
Creşterea încălcării drepturilor omului	Percepție polarizată asupra încălcării drepturilor omului.

Rolul media în timpul conflictului

Schimbări în sistemul social	**Schimbări în sistemul media**
Război, violență, distrugeri, moartea soldaților şi a civililor, devastare, genocid	Creşterea pariotismului față de presă; cenzură ostentativă; suprimarea violentă a părerilor divergente; acoperirea violențelor în media oficiale; media în centrul interesului politic; propagandă şi demonizare a inamicilor; creştere a interesului presei internaționale; expulzarea presei internaționale din țară.
Daune asupra infrastructurii şi asupra sistemului social	Media devin un serviciu de informații de urgență, anunțând distrugeri şi numărul morților, pagube, distrugeri agricole.
Mobilizarea întregii societăți	Participarea personalului media în război; media lucrează prin oameni de legătură;

	reducerea numărului jurnaliştilor pentru investigare şi pentru realizarea reportajelor; tendința jurnaliştilor de a mobiliza populația pentru consolidarea moralului.
Criza de materiale	Taxe pentru media; acces redus; posibilă înlocuire de media externă.
Întreaga societate într-o stare permanentă de criză	Concentrarea atenției asupra războiului şi a senzaționalismului; reducerea percepției pentru alte subiecte; scădere a calității.

Rolul media după conflict

Schimbări în sistemul social	**Schimbări în sistemul media**
Victorie, înfrângere	Nouă distribuire a rolurilor: a victoriosului şi a învinsului.
Negocieri pentru pace şi pacificare	Rol de mediere pentru media; un rol potențial distructiv, dacă încearcă subminarea planurilor de pace sau a informațiilor sensibile; îndatorirea de a transmite informația publicului.
Implementarea păcii	Participarea activă a media în procesul de implementare a păcii; datorie educațională; rolul central în construcția unei societăți paşnice; potențial de a submina acest lucru prin diseminarea unor informații false.
Alegeri	Medierea informației; observarea şi monitorizarea alegerilor
Pregătirea alegerilor, tribunale	Monitorizare de către media; diseminarea informațiilor.

Considerăm că acest model are un caracter euristic; fiecare situație trebui analizată prin prisma dovezilor empirice.

Media pot influența orice proces al schimbării sociale în două direcții [3, 3]: este posibilă ajustarea schimbărilor sociale pentru sprijinirea forțelor în direcția dorită, fie prin opunere la acest lucru.

Prevenirea conflictului

Prevenirea conflictului a devenit un element important pe agenda internațională pe parcursul ultimului deceniu, aşadar rolul comunității internaționale în inventarierea conflictelor violente a crescut, cu scopul de a contrui un cadru normativ propice. În acest context, este importantă dispoziția Secretarului General Kofi Annan prin care punea accent pe deplasarea Națiunilor Unite de la o cul-

tură de reacție la o cultură de prevenire. Pentru reducerea unui gol inacceptabil dintre retorică şi realitate [14, 459-473], există o provocare colosală pentru prevenire, de la conceptualizare la implementarea practică.

Prevenirea conflictului reprezintă lucruri diferite pentru oameni diferiți, neexistând o singură definiție universal acceptată; pe parcursului Războiului Rece, mulți practicieni şi oameni de ştiință s-au raportat la acțiunile preventive ca fiind sinonime cu loviturile preventive [1, 340]. Diferitele definiții diferă în funcție de obiectivul prevenirii, de la reducerea violenței la rezolvarea incompatibilităților, în funcție de perspectiva temporală – folosind o viziune pe termen scurt sau pe termen lung [24, 46].

Scopurile prevenirii conflcitului sunt de a stopa tensiunile de la escaladare spre violență. Cu cât sunt mai eficiente acțiunile preventive, cu atât tensiunile se vor diminua şi va îndepărta violența. Prevenirea poate inlcude diplomația coercitivă (embargoul asupra armelor), inițiative instituționale (cooperare în sprijinul păcii), management cooperativ (uşurarea medierii) şi transformări sistematice (punerea bazelor unui sistem legal). Conform lui M.Lund [21], prevenirea include: acțiuni, politici sau instituții care sunt folosite pentru evitarea unor escaladări constante şi semnificative ale violenței; dispute interne sau internaționale îin locuri şi la date care sunt vulnerabile (creştere verticală); promovarea activităților care au tangență cu reconcilierea nonviolentă a intereselor în dispută; această reconciliere include ajutor pentru prevenirea conflictului de a începe din nou, în timp ce atenția este îndreptată către evitarea conflictelor (creştere orizontală). The Carnegie Commission of Preventing Deadly Conflicts [15, 21] a studiat modul în care se pot evita creşterile pe verticală şi pe orizontală, precum şi modul de prevenire a reînceperii violenței şi a conflictului care se încheiase.

Strategiile pentru prevenire sunt centrate pe trei principii: acțiune rapidă la apariția primelor semne ale problemei – acest lucru implică existența unor informații prealabile despre asptecte etnice, lingvistice şi socio-economice, dar şi despre rădăcinile naționale şi religioase ale conflictului; acțiune din exterior, folosind măsuri politice, economice, sociale şi militare care să arate presiunea care a generat violența; activarea politicilor care să rezolve problemele de bază care stau la baya violenței.

O politică sistematică de prevenire a conflcitului necesită mecanisme rafinate care să îmbunătățească cooperarea; asta înseamnă identificarea ceor mai eficiente metode pentru obținerea scopurilor, reconciliere şi pacificarea societății.

Provocări pentru media

Media trebuie să gestioneze o serie de situații specifice, pentru a participa eficient la prevenirea conflictului [5, 24]. Una dintre situații este lipsa unui cadru legal adecvat, care aduce imedimente dezvoltării unei prese libere şi corectă, capabilă să acțineze neutru, care să îşi asume rolul de câine de pază.

O situație specială se referă la o logică specifică, prin care se subestimează importanța media ca factor preventiv, de stabilitate şi democratizare, resursele alocate fiind puține pentru activitățile specifice. Există o insuficientă capacitate a organizațiilor media locale de a reuşi instruirea comunităților locale.

O altă caracteristică este slaba coordonare între actorii implicați în activitatea media, deseori existând confuzie între activitățile de relații publice şi ceea ce este difuzat de media.

Există insuficiente analize asupra impactului şi a rolului media în conflicte, multe dintre studii alimentează temeri la adresa activității media, precum că aceasta în general incită la conflict în loc să contribuie la procesul de pace.

Posibile soluții pentru jurnalismul de prevenire a conflictului

În special într-o situație de prevenire a conflictului, codurile de etică profesională pentru jurnalişti ar trebui respectate; obiectivitatea în scrierea ştirilor este un țel prin care sunt recunoscuți jurnaliştii profesionişti; este un standard de performanță [17].

O astfel de abordare va avea ca rezultat reconcilierea şi pacea.

O altă soluție constă în modul în care media ar trebuie să prezinte părțile situației coflictuale. Media pot să contribuie la reconstruirea unor reprezentări corecte a diferitelor țări, culturi şi oameni, în loc să creeze descrieri narative a unei dintre părțile conflictului ca pe o amenințare, în mod fanatic sau irațional. Exemple sugestive sunt cele din Afganistan şi Iraq, unde construcția masivă a inamicului periculos din Vest a şters orice posibilă cale pentru prevenirea conflictului.

Jurnaliştii pot asigura informații pentru implementarea unor politici de prevenire şi pot contribui cu indicații şi cunoştințe despre situația respectivă, actori sau armament; media pot, de asemenea, să ajute la promovarea actorilor care sunt activi în politicile de pace. Presa poate participa în prevenirea conflictelor prin explicarea contextului internațional al conflictelor; publicul trebuie să fie informat despre rețelele legale sau ilegale, despre corporațiile multinaționale şi despre insituțiile financiare internaționale din spatele acestora.

Media nu are doar funcția de informare, dar şi de modelare a opiniei publice [18, 118]; jurnaliştii pot explica şi comenta legăturile dintre două domenii aparent diferite: dezvoltare şi conflict; reportajele lor pot prezenta situații în care sărăcia, inechitatea şi exploatarea sunt rădăcini ale conflictului armat şi social.

Alte aspecte ale activității jurnalistice ar trebui avute în vedere, pentru ca media să participe eficient la prevenirea conflictului [18, 124-128]; acuratețe, imparțialitate, obiectivitate, credibilitate, apreciere față de public, bună-credință.

Concluzii

Considerăm că o nouă paradigmă jurnalistică este necesară pentru a contribui eficient la prevenirea conflictului. Am numit-o în acest studiu *jurnalismul de prevenire a conflictului*. Indiferent de modul în care s-ar numi practicarea jurnalismului în siuații de prevenire a conflcitului, media trebuie să arate o flexibilitate reînnoită pentru a administra situațiile schimbătoare, pentru a prezenta noi informații şi pentru a disemina strategii care să prevină scurt circuitele unei reportah convențional. Pentru aceasta, este necesară o anumită cultură a prevenirii conflictului, precum şi cercetarea unor mecanisme pentru ca aspecte legate de prevenirea conflictului să merite să fie difuzate de către mijloacele de comunicare în masă.

Media nu poate nici să inițieze un război, nici să îl stopeze. Dar mijloacele de comunicare în masă pot să intervină într-un mod pozitiv în procesul comunicării sociale şi a schimbărilor sociale; impactul lor este multicazual şi pe termen lung. În prevenirea conflictului, impactul media solicită securitate instituțională pentru controverse, pentru posibilitatea de diversitate şi pluralism; într-un stat bazat pe reguli de drept, dreptul media se constituie ca un cadru în care codurile etice pentru jurnalişti promovează responsabilitatea acțiunilor la nivel individual.

Părerea noastră este că media nu poate preveni conflictele de una singură: promovarea presei naționale şi a noilor strategii media ar trebui să se plieze pe bunele practici ale Uniunii Europene, ajustate pe cerințele locale şi incluzând sprijin specific pentru dezvoltarea media locale, în aşa fel încât să fie dezvoltate efecte rapide din perspectiva prevenirii conflictului; aşadar, media deține o importanță imensă in rezoluția conflictului, fiind prima sursă de informare. Dacă o situație nu produce ştiri, atunci pur şi simplu nu există pentru oameni. Când opțiunile pentru pace, precum negocierea şi alte tehnici de rezolvare a conflictelor nu sunt acoperite în realitate, sau succesul acestora nu este făcut public, acestea devin invizibile şi nu sunt luate în considerare şi nici înțele ca opțiuni în prevenirea conflictelor.

Jurnalismul de prevenire a conflictului este, din punctul nostru de vedere într-o perdioadă de pionierat. Studiile existente se axează, cu precădere, pe aspecte legate de rolul mass-media în conflict din punctul de vedere al modului în care anumite faze ale conflictului sunt expuse şi difuzate de media. Considerăm că duşmanul cel mai mare al jurnalismul de prevenire a conflictului este senzaționalismul, căutat de media şi care are o pondere foarte redusă în activitatea de prevenire (nu doar referitor la conflicte).

Bibliografie:

1. Ackerman A. The Idea and Practice of Conflict Prevention. // Journal of Peace Research, Vol.40, No.3, May 2003.
2. Aguire M., Ferrandez F., Pureza J.M. Before Emergency: Conflict Prevention and the Media. - Bilbao: HumanitarianNet, 2003.
3. Becker J. Contribution by the Media to Crisis Prevention and Conflict Settlement. // Conflict&Education, vol.3, no.1, 2004.
4. Blaud M., Theaker A., Weagg D. Rela□iile eficiente cu mass-media. – Bucure□ti: Comunicare, 2003.
5. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Preventing Deadly Conflict: Final Report. - Washington D.C.: Carnegie Corporation of New York, 1997.
6. Chifu Iu. Analiza de conflict. - Bucure□ti: Politeea-SNSPA, 2004.
7. Corneliu H. □tiin□a rezolvării conflictelor. - Bucure□ti: Ed. □tiin□ifică □i Tehnică, 1996.
8. Drăgan I. Comunicarea. Paradigme şi teorii. - Bucureşti: RAO, 2007.
9. Frunzeti T. Soluționarea crizelor internaționale. - Iaşi: Institutul European, 2006.
10. Hames B., Koven R. New Media: The Press Freedom Dimension. - World Press Freedom Committee, 2007.
11. Hitler A. Mein Kampf. - Iaşi: Pacifica, 1993.
12. http://www.wpfc.org/ (disponibil la 8 iulie 2010).
13. Koven R. An Antidote to Hate Speech: Journalism, Pure and Simple, in Media Conflict Prevention and Reconstruction. - Paris: The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2004.
14. Kurt L. Group Decision and Social Change. // Readings Social Psychology. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 2004.
15. Lund M. Preventing Violent Conflicts. A Strategy for Preventive Diplomacy. - Washington D.C.: Institute of Peace Press, 1996.
16. Metzl J. Information Intervention: When Switching Channels Isn't Enough. // Foreign Affairs, Nov/Dec. 1997, http://www.foreignaffairs.com/articles/53575/jamie-f-metzl/information-intervention-when-switching-channels-isnt-enough (disponibil la 8 iulie 2010).
17. Monzani B. Media in Conflict Prevention and Peace Building: An Oportunity for E.U. Leadership, www.communicationforsocialchange.org (accessed on 8th of July 2010).
18. Munteanu N. Exigențe ale libertății de exprimare în mass-media. - Sibiu: Burg, 2009.

19. Price M., Thompson M. Forging Peace: Intervention, Human Rights and the Management of Media Space. - Bloomington: Indiana University Press, 2002.
20. Runcan M. Introducere în etica şi legislația prese. - Bucureşti: All Educational, 1998.
21. Thompson A. The Media and The Rwanda Genocide. - London: Pluto Press, 2007.
22. Tudor D. Manipularea opiniei publice în conflictele armate. - Cluj-Napoca, Dacia, 2001.
23. Wallensteen P., Moller F. Conflict Prevention. Methodology for Knowing the Unknow. - Uppsala: Uppsala University, 2003.
24. Wallensteen P. Preventing Violent Conflicts. Past Record and Future Challenges. - Uppsala: Uppsala University, 1998.
25. Wolfsfeld G. Media and the Path to Peace. - New York: Cambridge University Press, 2004.

Prezentat la redactie
la 2 noiembrie 2010-12-08

OPINIA PUBLICĂ ÎN SISTEMUL POLITIC DIN REPUBLICA MOLDOVA

Aurelia PERU-BALAN
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Ştiințe Politice, Doctor în ştiințe politice, conferențiar

Vitalina BAHNEANU
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Limbi şi Literaturi străine, Catedra Limba Franceză,
Doctor în filologie, lector superior

Dans les sociétés démocratiques contemporaines le role de l'opinion publique est déterminé de sa place dans le système politique. Le réferendum est aussi un des instruments de consultation du publique. La République de la Moldavie depuis la declaration de son indépendence a connu trois réferendums, un d'entre eux-constitutionnel. Les recherches démontrent, ainsi, que dans l'espace politique moldave l'opinion publique est solicitée par la pespective de la gestion de l'image politique; l'acceptation des décisions et des initiatives politiques dans le but de la consolidation du pouvoir; la discréditation des adversaires politiques / électoraux.

În societățile democratice există două modele de relații dintre opinia publică şi politică:

1. modelul democratic clasic;
2. modelul democratic antreprenorial.

Primul model – clasic – se fundamentează pe ideea, potrivit căreea preferințele publicului ar trebui să controleze politica şi normele democratice fac posibil acest control. Acest model este asociat cu noțiunea de „democrație reprezentativă”. Pentru că oamenii nu au timp şi nici abilități speciale pentru politică, ei aleg prin acest vot anumite persoane care îi reprezintă când se iau decizii politice. În cadrul modelului democratic clasic opiniei publice îi revine rolul de a comunica liderilor politici preferințele populației [1, 172].

Modelul democratic antreprenorial se fundamentează pe ideile politologului american J.Schumpeter expuse în lucrarea „Capitalism, Socialism and Democracy”. Autorul critică modelul clasic pentru că în cadrul lui se acordă o prea mare importanță cetățenilor în deciziile politice. „Masa electorală este incapabilă să acționeze altfel decât prin aplicarea ştampilei pe buletinul de vot. Ar trebui să se facă o diviziune a muncii între alegători şi aleşi. Cetățenii nu ar trebui să încerce să influențeze în deciziile lor pe politicieni, respectând diviziunea muncii

între ei şi aceştea” [2, 295]. Modelul democratic antreprenorial este inspirat din managementul economic al leadershipului competitiv. Conform acestuia, deciziile politice aparțin elitelor, cetățenii nu sunt decât „oameni de paie”, simple marionete. În cazul acestui model – criticat în mediile ştiințifice – opinia publică nu joacă decât un rol minor, opiniile cetățenilor fiind lipsite de importanță autentică. Teoria savantului american se inspiră, în opinia autorului şi din filosofia lui Platon în cetatea antică, (427-344 i.e.n) care considera câ „întrucât cetățenii nu pot înțelege complexitatea actului de guvernare, casta conducătorilor nu ar trtebui să ia în considerare atitudinile maselor, incapabile de o cunoaştere autentică a vieții sociale.” Amintim că Platon a plasat opinia (*doxa)* între cunoaştere şi necunoaştere, arătand că are un domeniu diferit de cel al ştiinței (*logo*s) [1, 160].

În ce manieră cetățenii Republicii Moldova îşi comunică opțiunile elitei politice guvernatoare?

De regulă, actorii politici solicită opinia publică, ca parte integră a sistemului politic, pe următoarele dimensiuni:

- sensibilizarea opiniei din perspectiva perceperii positive a imaginii politice;
- acceptarea de către opinia publică a deciziilor şi inițiativelor politice în scopul consolidării puterii;
- discreditarea oponenților politici / electorali.

Totodată, opinia publică apropiindu-se mai mult de modelul democratic clasic, poate avea impact asupra elitei guvernatoare în următoarele cazuri:

- încurajarea inițiativelor puterii în cadrul unor plebiscite;
- blamarea puterii la nivel formal (mass-media) şi neformal (zvonuri, bârfe / vocea poporului);
- sancționarea puterii la urnele de vot.

Referendumul reprezintă mecanismul cel mai spectaculos şi de amploare de consultare a opiniei publice într-o societate, în special, în sfera politicului.

Din biografia scurtă a suveranității Republicii Moldova ne vom referi la cele trei cazuri de consultare a opiniei poporului în vederea perfecționării sistemului politic:

A. Sondajul sociologic „La sfat cu poporul”

Referendumul național cu titlul de sondaj sociologic “La Sfat cu Poporul" s-a desfăşurat pe 6 martie 1994, la inițiativa primului preşedinte al Republicii Moldova, M.Snegur. A avut drept obiectiv sarcina de a stabili dacă țara ar trebui săşi conserve independența şi integritatea teritorială.

Textul întrebării a fost următorul: „Sunteți pentru ca Republica Moldova să se dezvolte ca un stat independent şi unitar, în frontierele recunoscute în ziua

proclamării suveranității Moldovei (23 iunie 1990), să promoveze o politică de neutralitate şi să mențină relații economice reciproc avantajoase cu toate țările lumii şi să garanteze cetățenilor săi drepturi egale, în conformitate cu normele dreptului internațional?”

Rezultatele oficiale ale referendumului au fost, cu o prezență de aproximativ 75%, următoarele: 95,4% dintre moldoveni au votat "Da" - pentru păstrarea statalității, dar nu pentru unirea cu România. Plebiscitul nu a avut putere legislativă, astfel încât analiştii l-au numit un sondaj sociologic.

Opinia publică a fost pregătită de acelaş sondaj şi prin desfăşurarea în ziua de 5 februarie 1994 a Congresului “Casa noastră - Republica Moldova”. Imaginea de statalist a lui M.Snegur poate fi percepută şi din discursul rostit în cadrul acestui forum. Iată câteva spicuiri: “Cu regret, tot mai insistent se fac auzite anumite voci care pun la îndoială legitimitatea şi temeiul istoric al dreptului nostru de a fi un stat, de a ne numi popor moldovenesc. Se încearcă a fi uitată şi celebra baladă “Miorița”: supără oare urechea cuiva dulcele ei vers, ce spune că “unu-i moldovean”, înveşnicind şi prin aceasta numele nostru de neam şi de popor? Ce poate fi mai uimitor decât acceptarea tacită a insistenței activității desfăşurate fără scrupule de către acei cărora, de la un timp încoace, numele de moldovean le este ca sarea în ochi?”..”Cum ar putea, bunăoară, să-i încurajeze pe compatrioții noştri din raioanele de est ale republicii în lupta lor de eliberare cuvintele poetului Gr.Vieru: “Eu unul, nu sunt alarmat atât de mult că forțele imperiale ne-au luat Transnistria – mi-e teamă să nu ne-o restituie, să ne-o dea înapoi. Pentru că recâştigând Transnistria pierdem Basarabia, mai exact am îndepărta dacă nu chiar am pierde definitiv reunirea cu Țara-Mamă” [3].

B. Referendumul consultativ din 1999

Referendumul consultativ s-a desfăşurat, la inițiativa lui Petru Lucinschi, pe 23 mai 1999. Oportunitatea organizării a fost determinată de unele modificări din Constituția țării. Pe 5 iulie 2000, Parlamentul Republcii Moldova a adoptat Legea cu privire la modificările şi completările în Constituția țării, inițiind sistemul parlamentar de guvernare. Astfel, s-a pus punct îndelungatei confruntări între Parlament şi P.Lucinschi, care la acel moment era preşedintele țării.

Participanții la referendum urmau să se pronunțe dacă sunt de acord să sprijine modificările Constituției în scopul introducerii sistemului prezidențal de guvernare, care presupune că preşedintele va fi responsabil pentru formarea şi administarea Guvernului, precum şi pentru rezultatele de guvernare a țării. Curtea Constituțională a validat rezultatele referendumului, chiar dacă la el au participat doar 57% dintre alegătorii incluşi în liste, deşi legea prevedea participarea a 60 la sută. Mai mult de jumătate dintre ei au votat pentru introducerea sistemului prezidențial de guvernare.

C. Referendumul constituțional din 5 septembrie 2010.

Textul întrebării a fost următorul: „Sunteți pentru aceea ca preşedintele republicii să fie ales prin vot direct?”

Prezența la urnele de vot a fost de 30%. Conform cadrului legislativ, elaborat în ajun, era necesară o prezență de 33%. Referendumul nu a fost validat de către Curtea Constituțională. Aşadar, în Modova s-au desfăşurat trei referendumuri, care se identifică cu mandatele a trei preşedinți - M.Snegur, P.Lucinschi, preşedintele interimar M.Ghimpu. Unicul care nu a avut nevoie de „consultări cu poporul” a fost V.Voronin. În această perioadă - 2001-2009 - nu a existat nici o polemică între cele trei verigi ale puterii, în special, în cadrul instituțiilor puterii executive. Aceasta datorită prezenței masive a comuniştilor în forul legislativ al țării şi modului autoritar de guvernare.

Aşadar, 75% în 1994, 57% în 1999, 30% în 2010 – acesta este trendul participării electoratului la referendumurile inițiate de elita politică guvernatoare. Exercițiile complicate ale democrației descureajează, vedem, spiritul civic, participativ al moldovenilor. De altfel, în curbă descendentă se află şi participarea electoratului autohton la urnele de vot în timpul alegerilor parlamentare.

Instrumente şi principii de formare a opiniei publice.

Rutualul politic. Pentru a fi percepută mai uşor de opinia publică, politica se exprimă prin simboluri. Anume simbolurile oferă o aură de legitimitate în ochii publicului. Contează, până la urmă, spectacolul cu public, nu platforma politică propusă. Formele rituale sunt inerente simbolisticii politice. În cadrul sistemului politic, prin intermediul ritualului, oamenii nu fac decât să legitimeze puterea deținută de liderii politici [4]. Manipularea simbolismului devine mai evidentă în contextul sau din perspectiva competițiilor electorale. Actorii politici se folosesc de rituri pentru a-şi promova imaginea pe care vor să o perceapă opinia publică. Astfel, în definitiv, conținutul campaniilor electorale, remarcă autorul lucrării „Ritual, politică şi putere”, D.Kertzer, nu este unul de platformă, ci e compus din steguleţe americane, limuzinele, sărutatul bebeluşilor, o gură de pizza, un cojoc de eschimos aruncat pe umeri, apariții pe schele, cu cască de protecție cu tot, şi plimbatul prin lanul de porumb cot la cot cu un fermier (de preferință în salopetă de blugi).

Prin intermediul acestor socio-drame, politicienii încearcă să impună o imagine publică despre el înşişi, aceea de bastioane ale moralității şi de slujitori neobosiți în serviciul binelui public.

Să ne amintim, bunăoară, cazul premierului V.Filat, care a luat sapa din mâinile unei țărance pentru a vedea cum se prăşeşte pe lanurile călărăşene. Cel mai spectaculos ritual, însă, considerăm că a fost tăierea primului metru de sârmă ghimpată de la frontiera româno-moldovenească. Acest gest a avut o încărcătură simbolistică atât de mare, încât cu ocazia semnării decretului prezidential despre

dizolvarea Parlamentului, liderul Partidului Liberal, M.Ghimpu, a confesionat, că de fapt aceasta a fost ideea şi iniţiativa unui deputat din Partidul Liberal, pe care mai apoi, prin egoism politic, şi-a adjudecat-o Filat [5]. Este deja lupta pentru rirualuri în vederea susţinerii publice.

Un impact puternic asupra cristalizării opiniei publice în sfera politicului îl au *ritualurile de protest.* În acest sens, mitingurile constituie unul dintre mijloacele cele mai eficiente de a demonstra sprijinul popular. Astfel de demonstraţii sunt eficace datorită faptului că evidenţiază capacitatea politică a grupului şi pentru faptul că ajută la crearea unor imagini de impact despre natura şi scopurile propuse de grup, amplificând opoziţia faţă de adversari, prezenţi întotdeauna în demonstraţii în mod simbolic [6, 135].

Important este şi faptul că demonstarţiile de masă nu sunt organizate în locuri strategice, precum gările, cazărmile, posturi de radio sau aeroporturi, ci mai degrabă în centre simbolice. De aceea demonstranţii din Washington preferă monumentele dedicate lui Lincoln şi Washington. În Moldova, centrul simbolic cu impact incontestabil îl constituie Piaţa Marii Adunări Naţionale, Clopotniţa şi Monumentul lui Ştefan cel Mare. Acest fapt îl sesizăm şi din cele câteva spicuiri din Moţiunea Marii Adunări Naţionale de la Chişinău din 27 august 1991, adresată Parlamentului Republicii: „Compatrioţi! Să cerem, aşadar, reprezentanţilor noştru în Parlament, acest Sfat al Ţării, să asculte glasul şi inima poporului, declarând răspicat că Republica Molodva este şi va rămâne un stat liber şi independent. Prin ochii marelui-voevod, ce străjuieşte această Mare Adunare Naţională, istoria priveşte împlinirea în veac a unui destin frământat, dar acoperit de gloria şi strălucirea trecutului. Priviţi, compatrioţi! De pe soclul său, Ştefan cel Mare, eternul nostru Domn şi Părinte, ne dă binecuvântarea sa!” [7].

Un puternic impact de imagine asupra opiniei publice îl au *soluţiile rituale la crizele politice*, care, prin însăşi natura lor, ameninţă încrederea oamenilor în siguranţa lumii în care trăiesc. În aceste condiţii oamenii pot fi impresionaţi prin spectacolul simbolic elaborat. În context, ne vom referi la două cazuri simptomatice, ambele reflectând activitatea Partidului Popular Creştin Democrat din Moldova: „Oraşelul Libertăţii” (martie-aprilie 2002) şi răpirea lui V.Cubreacov (21 martie 2002).

Aceste două cazuri sunt legate între ele. Protestele anticomuniste în regim non-stop, care au durat din 9 ianuarie până la 29 aprilie 2002 (un adevărat record pentru Moldova!) au fost organizate de PPCD în semn de protest faţă de Ordinul ministrului Învăţământului I.Vancea, care prevedea introducerea limbii ruse, ca obiect de studiu obligatoriu în şcolile naţionale din calasa a II-a. Ordinul urmând să intre în vigoare chiar în ziua în care au început protestele din Piaţa Marii Adunări Naţionale – 9 ianuarie 2002. Protestele au luat o şi mai mare amploare, atunci când zeci de mii de elevi şi studenţi au ieşit organizat în stradă pentru a condamna tentativa Guvernului comunist din 13 februarie 2002 de a în-

locui „Istoria românilor" cu aşa-numita „Istoria românilor". A se reţine că, în paralele cu acţiunile Guvernului Tarlev, un grup de deputaţi comunişti depuseseră în Parlament o iniţiativă legislativă privind aprobarea limbii ruse în calitate de a doua limbă oficială în Moldova. Protestele au început în Piaţa Marii Adunări Naţionale, dar mai apoi, din luna martie 2002, acestea au fost transferate pe bulevardul principal al Chişinăului, pe segmentul dintre sediile Preşedinţiei şi Parlamentului Republicii Moldova, unde au fost instalate zeci de corturi, această zonă a protestelor anticomuniste fiind imediat supranumită „Orăşelul Libertăţii". Criza politică foarte gravă din Moldova a fost aplanată de Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei, care a recomandat într-o Rezoluţie specială: Guvernului – să instituie un moratoriu pe subiectele de ordin istoric şi lingvistic, iar protestatarilor şi Partidului parlamentar al creştin-democraţilor – să înceteze protestele de stradă, fapt care s-a întâmplat la 29 aprilie 2002.

Precum se ştie, în timpul acestor proteste-maraton, mai exact, în noaptea de 21 spre 22 martie 2002, a „dispărut enigmatic" deputatul moldovean şi european, V.Cubreacov.

Răpirea şi chiar asasinarea actorilor politici fac parte din dramele rituale în contecstul crizelor politice. Acţiunile au fost organizate de către PPCD în semn de protest faţă de decizia guvernului de a introduce studiul obligatoriu al limbii ruse în şcoli, precum şi de cerinţa de a înlocui disciplina de studiu „Istoria românilor» cu „Istoria Moldovei". Deputatul creştin-democrat V.Cubreacov a fost filat, iar mai apoi şi sechestrat (pentru 2 luni**)**. Dispariţia lui Cubreacov trebuia să dea un nou impuls acţiunilor de protest, care spre sfârşitul lui martie pierdeau din intensitate [7, 168]. După 2 luni, potrivit unei declaraţii a purtătorului de cuvânt al Ministerului de Interne de la Chişinău, „deputatul a fost gasit la ora 2.00 noaptea, lângă satul Ustia de pe malul stâng al Nistrului, dar controlată de autorităţile de la Chişinău, de un echipaj de poliţie, care efectua o operaţie de profilaxie».

Interesant de constatat, că după răpirea lui Cubreacov, criza din Republica Moldova s-a stins treptat, iar manifestaţiile de stradă au încetat pe 29 aprilie. Fostul preşedinte al Parlamentului, D.Diacov, declara că, apariţia bizară a deputatului nu înseamna altceva decât "încheierea unei şarade jalnice înscenate de rivalii care s-au confruntat în timpul protestelor" [7, 172].

.Istoria ne mai oferă cazuri de ritualuri simbolice cu profund impact de imagine inspirate din relaţiile dintre creştin-democraţi şi comunişti. Un emoţional spectacol al răpirii a fost realizat în Italia, pe 16 martie 1978, de către Brigăzile Roşii, care în această zi, când urma să fie votat un guvern creştin-democrat sprijinit de Partidul comunist (PCI), l-au capturat pe liderul Partidului Creştin-Democrat, aflat la putere, A.Moro. Acest fapt a focalizat definitv atenţia a milioane de cetăţeni.

Critici de dreapta şi de stânga condamnau această nouă coaliţie, cei de stânga acuzându-i pe comunişti de a-şi fi «vândut» rolul sacru de gardian al clasei muncitoare pentru a se înfrupta din avantajele guvernării. Din perspectiva Brigăzilor Roşii, pretenţiile PCI de a fi conducătorul clasei muncitoare înăbuşeau adevăratele înclinaţii revoluţionare ale proletariatului. Prin faptul că au recurs la ritual într-un context atât de dramatic, Brigăzile Roşii au reuşit să-şi creeze o identitate distinctă [8, 152].

În conformitate cu scenariul acestui gen de ritual, când în cele din urmă victima este eliberată, ea este reintegrată în societate cu o nouă identitate socială. Reintegrarea lui A.Moro în societatea italiană nu va avea loc decât pentru a fi îngropat. (La 9 mai acesta a fost asasinat şi găsit de poliţie într-o maşină parcată la o distanţă egală de sediile partidelor comunist şi creştin-democrat). V.Cubreacov s-a reintegrat în societate cu o imagine percepută cu mult scepticism de opinia publică. Iar în 4 aprilie 2005 creştin-democraţii au susţinut candidatura liderului comunist pentru funcţia de şef al statului (un vot ce aminteşte pe cel din 16 martie 1978, Italia). În următorii 4 ani mass-media autohtonă vor scrie despre «coaliţia roşu-oranj».

Abordate prin această prismă, am putea afirma că evenimentele din 6-7 aprilie, iniţial, s-au subordonat unor reguli generale ale *rutualului revoluţiei şi rebeliunii.* A fost o luptă a protestatarilor care au încercat să delegitimeze puterea comunistă. Ascensiunea evenimentului până la asasinarea lui V.Boboc va rămâne un subiect neenlucidat până la sfârşit pentru mulţi ani înainte. Lansarea unor ipoteze despre «terţe forţe» confirmă scest lucru.

Partidul Comunist din Republica Moldova, ca succesor al ideologiei marxist-leniniste, recurge deseori la ritualuri politice pentru a-şi contura distinct acţiunea şi puterea politică. Înmânarea biletelor de partid sau înrolarea în rândurile pioneriei cu prilejul zilei de naştere a liderului revoluţionar, Vl.Lenin, se va produce, neapărat, în faţa monumentului marelui conducător bolşevic, amplasat pe teritoriul «Moldexpo». În condiţiile crizei politice din Republica Moldova ce a urmat după alegerile din 5 aprilie 2009, în ziua de 9 mai, la Chişinău comuniştii au organizat, în mod separat şi distinct faţă de puterea liberal-democrată, manifestaţii cu prilejul Zilei Victoriei. De dimineaţă Complexul memorial «Eternitatea» a fost ocupat de reprezentanţii puterii şi simpatizanţii acesteia. În jurul orei 12 o coloană ce număra circa 10000 de cetăţeni, se deplasa din Piaţa Marii Adunări Naţionale spre Memorial, în frunte cu liderii Partidului Comuniştilor – V.Voronin, Z.Greceanîi, I.Dodon. Acest gen confirmă, o dată în plus, lupta politică la nivelulul ritualui, care are proprietatea de a legitima o putere politică. Un moment inedit ce a intrigat opinia publică – alături de preşedintele Partidului Comuniştilor păşea, purtând un tricou cu imaginea lui Che Guevara - un brand revoluţionar -, controversatul businessman O.Voronin. După acest caz, în socie-

tate s-au întețit zvonurile despre o iminentă lansare în politică a feciorului preşedintelui comunist.

Ritul religios *vs* politicul

În sfera politicului nu rareori se întâlnesc cazuri de utilizare a unor rituri simbolice de origine religioasă. Are loc legitimarea politică cu ajutorul ritualului religios. După revoluția rusă din 1917, când la putere au venit bolşevicii, promovând o politică atee, aceştia au suprimat imediat celebrarea Crăciunului şi a Anului Nou, ca fiind sărbători metamorfozate de Biserică. Însă conducătorii sovietici şi-au dat seama curând de greşeala comisă. Suprimarea ritualului nu a consolidat imaginea noului regim, ci a generat un resentiment general. Pentru a remedia această situație, autoritățile sovietice au considerat că este de datoria statului însuşi să sponsorizeze acest ritual.

Ceva similar s-a produs referitor la sfintele Sărbători de Paşti în perioada democratizării republicilor din spațiul postsovietic. Ritualul participării conducerii de vârf a țării în sediul Catedralei Adormirii Maiciii Domnului simbolizează o interferență a interesului politic şi credinței creştine.

O aplicare eficace a ritului politic i-a reuşit candidatului stângii politice în alegerile locale din 25 mai 2003, V.Zgardan. În campania electorală a fost antrenată, prin simbolism religios, Mitropolia Moldovei. Echipa Zgardan a pus miză pe aşa-numita *campanie de ambianță,* exploatându-se la maxim atmosfera şi mitul sărbătorilor pascale. Compania de Stat „Teleradio-Moldova" a asigurat o amplă reflectare a procedurii de aducere a Focului Sacru de la Ierusalim, de către ÎPS Vladimir, însoțit în itinerarul său „mitologic" de ministrul Transporturilor şi Comunicațiilor, V.Zgardan, candidat din partea Partidului Comuniştilor la funcția de primar general al Chişinăului.

Sloganurile şi riturile electorale: sensibilizarea opiniei publice în alegerile parlamentare - 2010.

Deşi nu sloganurile electorale schimbă atitudinea alegătorului şi decizia de vot a acestuia, vom atenționa în cele ce urmează asupra unor tendințe generale în publicitatea electorală din campania pentru alegerile parlamentare anticipate din 28 noiembrie 2010.

Primul lucru, care se cere a fi constat, este prezența sintagmei *Moldova* în majoritatea sloganurilor electorale.

Tab. Sloganurile formatiunilor politice din Republica Moldova

Nr.	Formațiunea politică	Sloganul
1	PLDM	Moldova fără sărăcie!
2	PCRM	Moldova alege Victoria!
3	PDM	Pentru Moldova, pentru Tine!

4	PMU	Moldova Unită! Moldova Puternică!
5	PpNȚ	Moldova fără corupție!

Pentru a crea impresia de consecvență a mesajului şi luptei politice, şi pentru o mai bună percepție în mediul electoral, PLDM trece de la sloganul din alegerile parlamentare din 2009 "Moldova fără comunişti, Moldova fără Voronin!" la sloganul actualei campanii "Moldova fără sărăcie!" Acesta vine să confirme pragmatismul echipei Filat.

De remarcat rebrandingul imaginii Partidului Popular Creştin Democrat, care a evoluat în ultimele două decenii de la o formațiune „unionistă până la una statalistă". În această campanie electorală, liderii PPCD îşi consolidează opțiunea statalistă: condamnă „confruntarea" dintre PCRM şi partidele AIE şi cheamă la „Unitate şi Bunăstare", în calitatea sa declarată „a treia forță". „Actuala guvernare liberală trebuie să plece, iar cea comunistă nu trebuie să revină", afirmă cu tăria-i caracteristică liderul PPCD, Iu.Roşca. Sloganul electoral al PPCD este *Numai împreună vom reuşi!*

De altfel, ideea cu care vine în această electorală liderul creştin-democraților este una care reflectă oportunitatea consolidării unui nou pol politic în Moldova. În mesajul său electoral, publicat şi pe site-ul formațiunii, Iu.Roşca aduce argumente statistice referitor la costul „războiului politic din Moldova, care nu a fost oprit": „Alegerile din 5 aprilie 2009 au costat 40 milioane 27 mii lei; Alegerile din 29 iulie 2009 – 33 milioane 808 mii lei; Referendumul din 5 septembrie 2010 – 32 milioane 724 mii lei; Alegerile din 28 noiembrie – 43 milioane 132 mii lei; Ultimele trei puteau fi evitate. Pierderi de 109 milioane 663 mii lei; Distrugerea clădirilor Preşedinției şi a Parlamentului – peste 163 milioane; 840 milioane pentru reconstrucția celor două clădiri; În total – un miliard şi trei milioane de lei sunt costurile distrugerilor din 7 aprilie 2009. PIERDERILE DIRECTE PROVOCATE DE RĂZBOIUL POLITIC – UN MILIARD 113 MILIOANE DE LEI" [9]

Sloganul PCRM - Moldova alege Victoria! - este sloganul învingătorului. Este unul mobilizator pentru simpatizanții partidului comuniştilor. Iar sintagma victorie trebuie intrepretată ca o aluzie la politicile eronate– în plan social, polic şi internațional - promovate de Alianța pentru Integrare Europeană.

Sloganul PDM - "Pentru Moldova, pentru Tine!" - reprezintă un gen de publicitate mai generalistă, elaborată într-un "limbaj de lemn".

Puțin mai neordinar ca structură şi dinamică este sloganul electoral al AMN: "Noi ne facem datoria! Mergem înainte!" Mesajul, grosso modo, este clar – în pofida criticii distructive venite din partea opoziției comuniste, AMN continuă implementarea politicilor sale. Totodată, poate fi percepută ambiguu structura verbală ne facem datoria. Serviciul în slujba poporului este mai degra-

bă o onoare pentru un politician, decât o datorie, deaceea cuvântul datorie ar putea avea un sens peiorativ.

Referindu-ne la PNL, vom constata şi al treilea element specific al publicităţii electorale în această campanie - declararea făţişă a opţiunii unioniste. Astfel, Partidul Naţional Liberal devine partidul care, după rebrăndingul PPCD, reia tranşant ideea unirii cu România. Opţiune politică reiterată şi în sloganul electoral: ”PNL face majoritatea şi redă Demnitatea! PNL face Unirea!” Ideea unirii se desprinde şi din versurile imnului de campanie al PNL: “Hai să ne ridicăm şi să înfăptuim unirea!” [9].

De fapt, s-ar părea că este un spot rupt de realitatea politică, dar este unul emotive şi are ca obiectiv împrospătarea unei idei istorice pe agenda politică a ţării (ceva similar - participarea ex-premierului moldovean M.Druc în alegerile prezidenţiale din România, 27 septembrie, 1992).

Concluzionând, vom constata o nostalgie după sloganurile electorale din anii ’90. De exemplu, “Ascultaţi ce spune moşul: “Votaţi, duminică, cocoşul!” (PFD). Ceea ce înseamnă că timpul romanticii şi a romanticilor în politica moldovenească a trecut. A venit timpul pragmatismului şi a pragmaticilor.

Bibliografie

1. Chelcea S. Sociologia opiniei publice. – Bucureşti, SNSPA, 2000.
2. Schumpeter J.A. Capitalisme, Socialisme et democratie - Paris, Payot, 1951.
3. «Sfatul Ţării», 1994, 12 februarie
4. Kertzer D.I. Ritual, politică şi putere. – Bucureşti, Univers, 2002.
5. Moldova 1, Politica în direct, 27 septembrie 2010, 19.45.
6. «Ţara», 1991, 1 septembrie.
7. Peru A. Puterea invizibilă: impactul asupra proceselor politice. // Cooperare regională şi integrare europeană în sud-estul Europei. - Chişinău, USM, 2006.
8. www.amn.md
9. www.pnl.md

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Иван РАДИКОВ
Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет, факультет политологии
Доктор политических наук, профессор

В статье утверждается, что современное образование перед лицом глобальных вызовов человечеству приобретает все более глобальный, общемировой характер. Только консолидация потенциала мирового образования и науки, постепенное развитие международной интеграции в этих областях способны обеспечить реальный приоритет знания как ведущего ресурса развития в глобальном масштабе.

Ведущей тенденцией современного образования является переход от знаниево-просветительской парадигмы, господствовавшей в образовании на протяжении многих веков, к новой личностной парадигме.

Общее образовательное пространство выстраивается на интеркультурной основе. Интеркультурное образовательное пространство, возникает благодаря феномену аккультурации. Аккультурация в образовательных средах предусматривает прямой и длительный контакт образовательных систем, который изменяет их культурно-образовательные парадигмы.

Проанализировав сущность процесса интеграции национальной образовательной системы в мировое образовательное пространство и применяемые для его описания категории, автор делает вывод, что для характеристики современной и естественной потребности российского образовательного сообщества ощущать себя частью мировой системы целесообразнее применять термин гармонизация образования - процесс приведения образовательных систем разных стран в соответствие друг к другу.

Основные термины: образование, мировое образовательное пространство, интеграция, аккультурация, диалог культур, интеркультурное образовательное пространство, интернационализация образования

The article argues that in the face of global threats to humankind modern education takes global, worldwide form. Only by consolidating world education and sciences potentials and gradually developing international integration in these fields, the real priority of knowledge as a leading resource of worldwide development can be achieved.

A principal trend in the modern education is a transition from a knowledge and educational paradigm that prevailed in education process for a number of centuries to a new, personal paradigm.

The common educational space is organized on the intercultural basis. Intercultural educational space originates from acculturation phenomenon. The acculturation in educational environments involves direct and durable contact of educational systems, which transforms its cultural and educational paradigms.

Having analyzed the essence of integration process of national educational system into world educational space and used for its depiction categories, the author comes to a conclusion that for featuring contemporary and natural need of the Russian educational community to feel itself a part of the world system it is more appropriate to use the term "harmonization of education" – the process of bringing educational systems of various countries in line with each other.

Key words: education, world educational space, integration, acculturation, dialogue of cultures, intercultural educational space, internationalization of education.

Важнейшим источником и ресурсом устойчивого поступательного развития общества является образование. Оно становится стратегической областью, обеспечивающей национальную безопасность. О конкурентноспособности страны начинают судить по уровню образовательной подготовки подрастающего поколения. Именно качеством образования определяется уровень развития науки и культуры, интеллекта и духовности нации, состояние экономики и гражданского общества. А они, в свою очередь, обеспечивают мощь, суверенитет и независимость стран, их место и роль в мировом сообществе.

К середине 80-х гг. XX в. отношение ко всем видам образования в мире стало меняться. Некоторые зарубежные специалисты считают, что интерес к данному вопросу был отчасти стимулирован опубликованным в 1983 г. в США и ныне широко известным докладом «Нация в опасности», который показал неудовлетворительное состояние американской школы. В докладе Национальной комиссии по качеству образования сообщалось, что 23 миллиона взрослых американцев являются функционально неграмотными; 52 миллиона взрослых с большим трудом производят простые арифметические действия; 26 миллионов почти не могут писать и читать [8, 95]. Данные приведенного доклада базировались, среди прочего, на специально проведенных исследованиях образования в других странах.

Например, Международная ассоциация по оценке учебных достижений (The International Association for the Evaluation of Educational Achievement - IAE) провела в середине 80-х годов прошлого столетия сравнительное исследование уровня знаний и умений по математике и естествозна-

нию 13-летних школьников из шести стран (Великобритании, Ирландии, Испании, Канады, Республики Корея и США). Результаты тестирования корейских школьников оказались значительно выше, чем у их ровесников в европейских странах, а учащиеся из США заняли последнее место [9]. Подчеркнем, что свою «лепту» в такой уровень образования внесла и быстро распространявшаяся в общественном сознании философия прагматизма, определившего «основополагающую» идею общего образования – образование в целях приспособления к жизни (life adjustment education).

Итоги этого исследования вызвали в США и Европе настоящий шок. В результате в США были предприняты законодательные инициативы, способствовавшие значительному росту ассигнований в высшую школу. Были созданы необходимые условия для развития фундаментальных научных исследований в университетах и колледжах, модернизирована учебно-лабораторная база, привлечены ведущие иностранные специалисты для обеспечения высокого качества подготовки национальных кадров, построены новые университетские городки с полной инфраструктурой, необходимой для быстрого и качественного роста системы и привлечения человеческих и финансовых ресурсов. Были приняты дополнительные национальные программы, улучшившие финансовое и материально-техническое состояние системы высшего образования. В результате к началу 90-х годов была создана обновленная североамериканская система высшего образования, наиболее влиятельная мировая система высшего образования.

Учитывая затянувшийся процесс реформирования системы образования в России и качественный уровень ее нынешнего состояния, столь пространный экскурс в историю нам был необходим для извлечения ряда уроков. Один из них состоит в том, что для успешного реформирования национальной системы образования нужны политическая воля, целеустремленность, продуманность и мобильность политики образования. Второй урок заключается в том, что автономия и открытость, на которых должна строиться высшая школа, намного важнее бюрократических принципов организации, присущих многим системам высшего образования в странах с регулируемой организацией. Этот урок подтверждает опыт США, где фактически нет единой системы, и в разных университетах и институтах высшего образования можно найти черты, присущие многим иным мировым и региональным системам. Наконец, третий урок учит тому, что успешность национальных реформ зависит и от умения учитывать и использовать опыт реформирования других государств. Совершенно очевидно, что эти уроки российскими реформаторами усвоены плохо.

Итак, образование, особенно высшее, должно рассматриваться как ведущий фактор социального и экономического прогресса. Причина такого внимания - в понимании того, что наиважнейшей ценностью и основным

капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений. Этим и должны определяться принципиальные реформаторские изменения в национальных системах образования, происходящие в последние десятилетия.

Ведущей тенденцией современного образования является переход от знаниево-просветительской парадигмы, господствовавшей в образовании на протяжении многих веков, к новой личностной парадигме. В качестве национальной стратегической задачи многие государства ставят вопрос о всеобщем высшем образовании и создании системы образования для взрослых на протяжении жизни.

Функция образования сегодня не сводится к «разовому» насыщению человека знаниями. Система образования ориентируется на «свободное развитие человека», на творческую инициативу, самостоятельность, конкурентоспособность, мобильность будущего специалиста, что подчеркнуто в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года [7]. Принципиальное отличие новой парадигмы образования заключается в ее ориентированности на более полный, личностно - и социально-интегрированный результат. Предполагается, что таким интегральным социально-личностно-поведенческим результатом образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих выступает понятие «компетенция». Иное дело, что используемая в нынешних российских стандартах модель компетенций, мало чем в содержательном плане отличается от прежней триады ЗУН (знания-умения-навыки).

Смена образовательной парадигмы происходит в момент глобальных социокультурных сдвигов, которые стимулируют и определяют становление иного типа культуры, иных качеств общественного сознания и практики, научного мышления и принципов хозяйствования. В свою очередь, интенсивность социокультурных перемен напрямую зависит от того, насколько мобильно, способно к трансформации образование.

Актуальные изменения в сфере образования определяются усилением его культурологических оснований, развитием образовательных связей, формированием общего образовательного пространства, которое выстраивается на интеркультурной основе. Интегративные процессы в современных условиях происходят во взаимоотношениях как на макросоциальном уровне (Восток, Запад, Россия), так и на микросоциальном уровне (принципы диалога в системе образования, психологии, профессиональных контактах специалистов различных областей науки).

Современное образование, по заключению ЮНЕСКО, является реальным участником зарождения нового всемирного сообщества и оказывается в эпицентре проблем его развития. В этой связи Международная Комиссия

ЮНЕСКО по образованию для XXI в. в своем докладе «Образование: сокрытое сокровище» («Learning: The Treasure Within. Report of the International Commission on Education for the XXIst Century» [10]) подчеркивает решающую роль образования в развитии личности, всего общества. По оценкам ведущих экспертов Совета Европы в области образования, проблематика XXI в. для всех образовательных систем будет состоять в преодолении противоречий между:

- *глобальными и локальными проблемами*. По их мнению, это позволит людям постепенно становится гражданами мира без утраты собственных корней и активно участвуя в жизни своего народа и общины;
- *универсальным и индивидуальным*. Эксперты считают, что глобализация культуры постепенно приобретает всеобщий характер, однако этот процесс еще не завершен. Подобная глобализация стала неизбежной, она несет надежду и, в то же время, определенные риски, причем среди последних следует упомянуть опасность забвения уникального характера каждой личности, ее предназначения самой выбирать свою судьбу и осуществлять все имеющиеся у нее возможности, используя для этого все богатства и традиции собственной культуры, которая в настоящее время при отсутствии необходимых мер предосторожности подвергается опасности, связанной с современным развитием событий;
- *традициями и современными тенденциями*: адаптацией без отрицания собственных корней, диалектической связью независимости со свободой и развитием других, управлением техническим прогрессом. Именно в этом духе эксперты предлагают решать проблемы, связанные с развитием новых технологий в области информации;
- *долгосрочными и краткосрочными задачами*. Считается, что сегодня это противоречие усугубляется господством эфемерности и сиюминутности в условиях, когда избыток информации и бесперспективных эмоций приводит к сосредоточению на решении повседневных проблем. Как правило, общественное мнение требует немедленных ответов и решений, в то время как решение многих проблем требует терпеливой и согласованной стратегии реформ. Именно так обстоит дело в отношении политики в области образования;
- *необходимостью соревнования и стремлением к равенству возможностей*. Комиссия утверждает, что необходимость соревнования приводит к тому, что многие руководители забывают о задаче, заключающейся в том, чтобы дать возможность каждому человеку использовать все свои возможности. Комиссия предлагает возобновить и привести в соответствие с требованиями сегодняшнего дня концепцию образования на протяжении всей жизни, с тем чтобы задействовать как стимулирующий фактор соревнования, так и сотрудничество и объединяющую людей солидарность;

• *невиданным развитием знаний и возможностями их усвоения человеком*. Эксперты отметили, что школьные программы становятся все более перегруженными и предложили выработать четкую стратегию реформ, определить приоритеты при условии сохранения основных элементов базового образования, которые помогают более правильно построить жизнь, используя для этого знания, опыт и развитие культуры каждого человека;

• *духовным и материальным миром*. В докладе отмечается, что нет более благородной задачи, стоящей перед образованием, чем пробудить у каждого, с учетом его традиций, убеждений и при полном уважении плюрализма, подъем духа и мысли до осознания универсальности мира, с тем чтобы человек в некоторой степени превзошел самого себя.

Международная комиссия по образованию для XXI века во главе с Ж.Делором отметила в настоящем докладе, что в основу современного образования положены четыре базовых принципа - учиться жить, учиться познавать, учиться делать и учиться сосуществовать.

Вряд ли можно возражать против того, что интегративные процессы, происходящие в системе образования в современных условиях, приобретают известную зрелость и становятся относительно самостоятельным явлением международной жизни со своими закономерностями и особенностями. Эти процессы сопровождаются процессами взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа [18, 21]. Благодаря феномену аккультурации возникает интеркультурное образовательное пространство. Аккультурация в образовательных средах предусматривает прямой и длительный контакт образовательных систем, который изменяет их культурно-образовательные парадигмы. Формируется иное качество образования, которое выражается в отказе от монокультурной и поликультурной модели образования и движении к интеркультурной модели [12, 25]. Ключ к пониманию интеграционных феноменов даёт концепция диалога культур.

Понятие диалога культур стало чрезвычайно модным в современной реальности, причем в самых разных областях знаний - в культурологии, в искусствознании, в литературоведении как пограничной между искусствознанием и филологией области, в лингвистике, точнее, в тех ее разделах, которые связаны с проблемой «язык и культура», а также в педагогике. Понятие межкультурного диалога опирается на концепцию диалогизма М.М.Бахтина [1, 123-141]. Диалог подразумевает вопрос и ответ на него, поиски глубинной истины и смысла, выход за пределы понимаемого. Цель диалогического общения - познание и понимание. Оно достигается только при условии активности познающего и открывающегося в процессе познания. Применительно к системе образования, межкультурный диалог представляет собой также специально организованное и управляемое педаго-

гом взаимодействие обучающихся, представляющих различные культуры. В результате такого диалога положительно меняется отношение личности к миру: принятие и понимание иных культурных ценностей и традиций; воспитывается взаимное уважение и толерантность; развивается критическое мышление; преобразуются стереотипы и предубеждения в знания и убеждения.

Под влиянием происходящих в мире крупных политико-экономических перемен, эволюции ценностных систем многих стран, а также перед лицом глобальных вызовов человечеству современное образование приобретает все более глобальный, общемировой характер, оно выдвигается в число глобальных факторов общественного развития, смягчения диспропорций, существующих в мировом хозяйстве, формирования политической стабильности. Непосредственно для образования эта его новая роль стала мощным стимулом интернационализации и интеграции. Речь идет об уже объективно существующем явлении – «мировом образовании» - сфере деятельности человечества, в которой под контролем общества формируются и получают реализацию внешние и внутренние условия для развития личности в процессе усвоения ценностей как национальной, так и мировой культуры.

Вместе с тем, на этапе перехода к постиндустриальному обществу становится очевидным, что только консолидация потенциала мирового образования и науки, постепенное развитие международной интеграции в этих областях способны обеспечить реальный приоритет знания как ведущего ресурса развития в глобальном масштабе.

Межкультурное взаимодействие является способом развития культуры, средством осуществления коммуникативных связей. Под его влиянием происходят динамические изменения в сфере культурной деятельности взаимодействующих культур, появляются новые элементы культуры и новые формы культурной активности, корректируются ценностные ориентиры, модели поведения, картина мира, образ жизни. Как и другие общественные институты, образование под влиянием всеобъемлющего процесса интернационализации жизни становится все более открытым для межкультурного взаимодействия.

Образовательное пространство - это не просто вместилище множества национальных образовательных пространств, это сфера, где задаются и реализуются через совокупность образовательных институтов основные цели национальной и мировой образовательной политики, где функционируют специфические связи и отношения между государствами и их образовательными системами, направленные на всемерное расширение возможностей развития личности.

Создание единого образовательного пространства - процесс объективный. Он диктуется теми процессами, которые происходят ныне в мировом сообществе и предполагают необходимость интеграции всех сил в освоении информационных, технологических, экономических и других пространств. Интенсивное распространение телекоммуникаций, Интернета и других средств отражают четко наметившиеся тенденции и потребности формирования больших интеллектуальных пространств, что напрямую связано с развитием образовательного пространства.

В современных условиях часто применяется словосочетание «интеграция образовательной системы в мировое образовательное пространство». Однако, вызывает возражение сама постановка этой проблемы. Авторы, использующие этот термин, понимают обычно под «интеграцией» процесс вхождения российской системы образования в некую мировую общность образовательных систем [14, 80-84]. Однако известно, что, например, американская, британская, немецкая и, особенно, французская системы образования, как и их производные, существенно отличаются друг от друга по очень многим параметрам и не представляют собой какой-либо системы. В связи с этим можно говорить только о том, что мировое образовательное пространство - это множество образовательных систем, его образующих. Мировое образовательное пространство объединяет национальные образовательные системы разного типа и уровня, значительно различающиеся по философским и культурным традициям, уровню целей и задач, своему качественному состоянию. Поэтому следует говорить о современном мировом образовательном пространстве как о формирующемся едином организме при наличии в каждой образовательной системе глобальных тенденций и сохранении разнообразия.

То есть, любая система образования, будь то система образования США, Японии, Украины или России является составляющей мирового образовательного пространства и, поэтому, не может дополнительно «входить» в него. Кроме того, первое значение термина «integration» в английском языке связано с процессом становления кого-либо частью социальной группы [19]. Термин применяется, например, при описании становления эмигранта частью нового для него общества и подразумевает процесс постепенной ассимиляции (уподобления, слияния) в новой среде с утратой своих особенностей (языка, культуры и т.д.). Второе значение слова «integration (интеграция)» - объединение двух или более вещей в единое целое, процесс, ведущий к состоянию связанности отдельных дифференцированных частей системы в целое [20]. Как правило, под интеграцией понимается не объединение произвольного множества элементов, связанных ситуативно, а переход количества в качество; это внутренне взаимосвязанная и взаимообусловленная целостность, обладающая свойствами, отсутствую-

щими у составляющих ее компонентов; открытие новых связей и отношений между компонентами путем включения в новые системы связей [2, 3-9].

Таким образом, правильнее было бы употреблять выражения «интеграция образовательных систем», «интеграция образовательного сообщества», «интернационализация образования», подразумевая под этим процесс, ведущий к связанности (зависимости) одной системы от другой. В этой связи особо подчеркнем, что интернационализация образования – это процесс, происходящий на национальном, секторальном и институциональном уровнях, при котором цели, функции и организация представления образовательных услуг приобретают международное измерение. Понятие интернационализации в сфере высшего образования, как указывается в Концепции экспорта образовательных услуг Российской федерации на период 2011-2020 гг, включает в себя два аспекта: «внутреннюю» интернационализацию и «внешнюю» интернационализацию или образование за границей, межстрановое образование, трансграничное образование. Здесь указывается, что интернационализация образования включает такие формы международного сотрудничества, как индивидуальная мобильность: мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных целях; мобильность образовательных программ и институциональная мобильность; формирование новых международных стандартов образовательных программ; интеграцию в учебные программы международного измерения и образовательных стандартов; институциональное партнёрство; создание стратегических образовательных альянсов [21].

Интернационализация образования – процесс объективный и постоянно развивающийся. Он связан не столько с педагогическими заимствованиями, что также имело место и само по себе целесообразно, сколько с общими параллельными процессами и общими социально-экономическими и культурными явлениями, развивавшимися в мире. К их числу можно отнести: постоянно возрастающие по объему и все более разносторонние по содержанию мировые хозяйственные связи; новые технологии с их развитой инфраструктурой, делающей доступной для информации практически каждый уголок земного шара; современные глобальные проблемы человечества.

Интеграция в образовании иногда понимается как принятие какой-либо одной системы в качестве образца. К настоящему времени в мире сложились следующие образовательные модели.

Американская модель: младшая средняя школа - средняя школа – старшая средняя школа - колледж двухгодичный - колледж четырехгодичный в структуре университета, а далее магистратура, аспирантура.

Французская модель: единый коллеж - технологический, профессиональный и общеобразовательный лицей - университет, магистратура, аспирантура.

Немецкая модель: общая школа - реальное училище, гимназия и основная школа - институт и университет, аспирантура.

Английская модель: объединенная школа - грамматическая и современная школа-колледж - университет, магистратура, аспирантура.

Российская модель: общеобразовательная школа - полная средняя школа, гимназия и лицей-колледж - институт, университет и академия – аспирантура - докторантура.

В настоящее время в мире происходит широкое распространение американской системы образования. Однако трудно предположить, что английская, немецкая или французская системы образования будут настолько зависимы друг от друга, что потеряют свою индивидуальность. Российская система образования, имеющая многовековые традиции и существенные достижения, также, вероятно, не должна уподобляться в полном объеме (ассимилироваться) какой-либо другой образовательной системе.

Еще большее возражение вызывает применение словосочетания «глобализация образования» [16]. Анализ англоязычной литературы по образованию показывает, что под этим термином чаще всего подразумевается процесс создания всемирной единой универсальной (унифицированной) системы образования, при которой стираются различия между образовательными системами. Так, в книге Д.Такера (1980) приводится определение глобального образования как процесса, который «даёт каждому обучающемуся знания, умения и систему взглядов, необходимые для того, чтобы стать гражданами, обладающими чувством ответственности за своё сообщество, штат, страну во всё более сложном и взаимозависимом глобальном обществе» [15, 66].

Мы уже отмечали, что в качестве образца для глобализации образования чаще всего рекомендуют американскую систему. Ее привлекательность объясняется тем, что она соединяет в себе идеи глобального образования с идеями прагматической педагогики, основными системообразующими принципами которой являются: обучение посредством «делания», целостностный подход, игра, связь свободы и индивидуальности, обучение как способ решения реальных проблем, вызывающих у детей активное отношение к жизни, посредством освоения и усвоения присущих каждому обществу специфических культурных традиций. Однако, унификация (приведение всех и вся к единому порядку) никогда не способствовала поиску нового, многовариантности, сравнению с достигнутым другими, выбору лучшего из достигнутого, и, следовательно, прогрессу.

Идеи глобального образования находят свое теоретическое обоснование в ряде исследований. Наиболее разработанными моделями глобального образования являются модели Р.Хенви и М.Боткина, которые, дополняя друг друга, сочетают общечеловеческий и локальный аспекты, философское осмысление и конкретную реализацию. Отвечая насущным нуждам человечества на данном этапе развития, они рассматривают мир как единое целое, как огромную глобальную общину, существующую в виде системы взаимосвязей и взаимозависимостей, где благополучие каждого зависит от благополучия всех.

По мнению Р.Хенви, суть глобального образования - это совокупность следующих измерений: формирование непредвзятого взгляда на мир, осознание состояния планеты, кросскультурная грамотность, осознание динамики мировых процессов, осознание возможностей выбора.

Суть новой теории обучения, предлагаемой в модели М.Боткина, состоит в переходе от бессознательного приспособления к миру, характерного для традиционного обучения, к сознательному предвосхищению, которое обеспечивается инновационным подходом. Этот подход представляет собой единство двух аспектов: предвосхищения и сопричастности. Предвосхищение - это способность справляться с новыми ситуациями, предвидеть события, увязывать прошлое с настоящим и будущим, оценивать последствия текущих событий и принимаемых решений, изобретать новые альтернативы и разделять ответственность за принятые решения. Сопричастность - способность к сотрудничеству, диалогу, взаимопониманию и сопереживанию, совершенствованию умений общаться с людьми [13].

Для описания современной и естественной потребности российского образовательного сообщества ощущать себя частью мировой системы, но без потери, при этом, своей индивидуальности, целесообразнее, применять достаточно широко используемый в англоязычной литературе другой термин: *гармонизация образования* - процесс приведения образовательных систем разных стран в соответствие друг к другу.

Парадоксально, но термин «гармонизация» в документах Болонского процесса не употребляется, хотя из болонского дискурса в целом не исчезает. Так, например, Ассоциация европейских университетов употребляет этот термин при формулировке второго основополагающего принципа европейского пространства высшего образования: «Развитие европейских университетов должно происходить посредством совместной работы, образования партнерских сетей и учреждения совместных программ. Разумеется, конкуренция между вузами также ведет к прогрессу, однако для достижения гармонизации, взаимного признания научных степеней, а также для предотвращения утечки мозговых ресурсов и борьбы с неравенством

между регионами необходимо всемерно содействовать сотрудничеству европейских университетов» [17]

Что касается целей этих процессов, то ученые выделяют цели двух уровней:

- глобальные - содействие через углубление сотрудничества в сфере образования общему социально-экономическому прогрессу и устойчивому развитию мирового сообщества, ослаблению давления глобальных проблем и укреплению взаимопонимания между народами, мира и свободы;

- внутрисистемные (собственно образовательные) - объединение потенциалов национальных образовательных систем для решения задач, выходящих за рамки возможностей отдельной страны и связанных с ликвидацией неграмотности всех уровней, неравенства в возможностях доступа к качественному образованию, с использованием новейших технологий, воспитания личности, осознающей не только свою национальную и культурную идентичность, но и воспринимающую мир во всей его целостности и взаимозависимости, принимающую свою личную ответственность за его судьбу и готовую конструктивно действовать для его сохранения и развития.

При рассуждениях об интеграции систем образования возникают опасения, связанные с возможностью размывания традиционных этнокультурных схем. Эти опасения базируются, скорее всего, на представлениях о взаимодействии на уровне субъект-объектных отношений. Поэтому подчеркнём, что к проблеме контактов образовательных систем вполне применим принцип дополнительности, разработанный Н.Бором и успешно примененный ещё до него в объединённой лингвистической модели Шлейхером и Шмидтом [12, 25]. В соответствии с этим принципом системы образования, дополняя друг друга, формируют диалектическое единство на уровне мирового образовательного пространства или на уровне крупного межгосударственного региона. Идея дополнительности позволяет разным системам образования выйти на уровень субъект-субъектного диалога, требующего признания равноправия и равноценности образовательных систем. В этом случае как раз и появляется реальная возможность выявить то общее, что делает государственные системы образования соучастниками развития мирового образовательного процесса в целом. Кроме того, подобное углублённое понимание взаимодействия позволяет представить этот процесс не просто как взаимный обмен и дополнительность. Качественное изменение взаимодействия связано с внутренней переориентацией и появлением тенденций к взаимному прорастанию образовательных систем. В этом разворачивающемся диалоге они предстают во взаимосвязанном и напряженном поиске новых ресурсов развития. Симметричность этих поисков говорит об общности проблем образования, к решению кото-

рых каждая из образовательных систем первоначально идёт со своей стороны.

Структурно-функциональный анализ и прогнозирование взаимодействия систем образования позволяют описать этот процесс в следующей последовательности:

первая стадия: отбор информации, совпадающей с внутренними тенденциями развития систем образования. На этой основе формируется перспективный багаж знаний об инокультурных образовательных тактиках;

вторая стадия: воспроизведение, установление взаимосвязи, взаимозависимости, которые проявляются в избирательном отборе феноменов образования. Этот отбор включает в себя все новые и новые феномены, которые часто копируются без серьёзной трансформации и переосмысления. Поэтому на данной стадии система образования легко может отбросить те или иные заимствованные явления, инновации, если они окажутся чужеродными для её нормального функционирования и развития;

третья стадия – стадия приспособления, модификации – происходит постепенное усвоение воспринятых извне инноваций, их приспособление к данной системе образования. Однако следует заметить, что здесь процесс приспособления имеет два направления: а) под влиянием ценностей системы образования-воспреемницы изменяются, трансформируются воспринятые инновации; б) под влиянием этих инноваций изменяются культурно-исторические ценности системы образования-воспреемницы. Таким образом, смысл этой стадии заключается в переработке, переосмыслении заимствованных ценностей, инноваций с учётом существующих в системе образования-воспреемнице потребностей, норм, а также сил сопротивления трансляторов инноваций;

четвертая стадия – стадия структурной интеграции – происходит взаимный обмен стратегическими феноменами образования. При этом ни одна из сторон не сохраняется в неизмененном виде. Появляется нечто новое, пока ещё не имеющее название. Но именно это “нечто” является прообразом интеркультурного образования. Последнее соображение выводит на необходимость выделения ещё одной стадии, контуры которой пока ещё не видны. В то же время представления об интеркультуре свидетельствуют о том, что структурная интеграция вряд ли может быть завершающей стадией развития интеркультурного образовательного пространства. Дело в том, что каждая из четырех перечисленных стадий содержит в себе дихотомический процесс: обособление (создание всевозможных отличий “нашего образования” от “ненашего”) и ассимиляция (частичное и полного вхождения в общее “мы” и “наше”). Соотношение обособления или полное вхождение в общее различно, но оно обязательно имеет место. Поскольку в процессе взаимодействия доля обособления уменьшается, а доля

ассимиляции увеличивается, можно предположить появление стадии, где момент ассимиляции будет представлен в сверхнорме.

Размышляя о таких культурных эффектах, как синтез, трансформация, ассимиляция, нельзя не учитывать прямой и косвенный способы взаимодействия систем образования. С помощью прямого способа системы образования взаимодействуют, благодаря контактам её субъектов, общение происходит на уровне языка. Основной характеристикой косвенного механизма взаимодействия является его диалоговый характер, диалог при этом ведётся внутри системы образования, в составе её собственных структур. Участниками диалога являются "свое" и воспринятое "чужое". Таким образом, эффект аккультурации в образовании возникает только тогда, когда имеет место диалог системы образования с собою.

В условиях современной технологической революции, глобализации и интернационализации все чаще высшее образование рассматривается в качестве товара, и коммерциализация этой сферы выходит на уровень мирового рынка, когда Всемирная торговая организация уже рассматривает вопросы включения высшего образования в сферу своих интересов.

В этих условиях не приходится удивляться тому, что представители правительств и частного сектора, стимулируемые идеей коммерции, озаботились получением гарантий, обеспечивающих условия свободной продажи на международном рынке «знаниевой продукции». Если подобное произойдет, высшее образование во всех своих проявлениях станет объектом правил свободной торговли.

В современном мире стремительно развиваются компьютерные информационные технологии. Сейчас уже многие люди не представляют свою жизнь без возможности найти любую информацию в Интернете или без возможности общаться с удалённым собеседником посредством телеконференции, чата, ICQ или электронной почты. Общение посредством компьютера и Интернета не знает национальных и культурных различий между участниками коммуникации. Учёные говорят о создании общности человечества средствами Интернета, но реальная общность подразумевает знание, понимание, уважение к другой культуре. Международный опыт показывает, что у некоторых участников общения через Интернет только усугубляются их стереотипы и отрицательное отношение к представителям иной культуры. В этой связи возникает вопрос, какие условия необходимы для организации такого общения посредством Интернет технологий, при котором достижимо взаимопонимание и взаимоуважение разных культур? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать процесс развития общения между представителями разных культур, чтобы выявить условия формирования положительного отношения к иной культуре для организации подлинно межкультурного диалога.

Право на диалог культур - это, по большому счету, право на коммуникацию, которое в соответствии с международными нормами рассматривается как неотъемлемое право индивидов и народов и как фундаментальный способ демократизации общества. Это право выходит за рамки свободы совести, свободы высказываний и свободы печати и включает в себя такие права: направлять и получать информацию; говорить и быть услышанным; отвечать и получать ответ; видеть и быть увиденным; принимать участие в общественной коммуникации, то есть - диалоге.

Какие же выводы следовало бы сделать из сказанного?

Вывод первый. Диалог разнонациональных культур внутри страны зиждется на культурных традициях народов (наций), взаимотерпимости, а его базой является локальное (внутригосударственное) информационное пространство. Поясним, что локальное информационное пространство должно характеризоваться наличием государственной информационной политики как комплекса принципов и норм, регулирующих функционирование информационных ресурсов и исключающее создание искусственных информационных пробок, препятствующих толерантности (взаимотерпению, взаимопониманию, диалогу).

Вывод второй. Диалог культур на межгосударственном уровне предполагает понимание того, что культура, хотя и является феноменом национальным, достоянием нации, однако она еще и феномен общецивилизационный и в этом своем качестве служит духовному расцвету, обогащению культур других наций и народов.

Вывод третий. Диалог культур консолидируется вокруг идеи толерантности глобального информационного пространства и имеет два аспекта: а) мобилизация институциональных структур соответствующего информационного поля; б) обращение к широкой общественности.

Образование выступает в качестве универсального условия и эффективного средства реформ, их интегративного интеллектуально-нравственного ресурса, панацеи от многих социальных болезней, ибо оно направлено на совершенствование интеллектуально-духовной сферы общества, и никакой «патриотизм», никакое подвижничество и понимание путей вывода отечественной системы высшего образования из кризиса не дадут нужного эффекта - необходимы конкретные социально-экономические меры, направленные на финансирование и поддержку отечественной системы высшего образования и обеспечение для профессорско-преподавательского состава вузов и выпускаемых ими специалистов достойного материального и социального уровня.

Библиография

1. Батищев Г.С. Диалогизм или полифонизм? (Антитетика в идейном наследии М.М.Бахтина). // М.М.Бахтин как философ. - Москва, 1992. С.123-141.
2. Берулава М.Н. Интеграционные процессы в образовании. // Интеграция содержания образования в педагогическом вузе. - Бийск, 1994.
3. Бирюков А. Интернационализация российского высшего образования. // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №10. С.76-83.
4. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры. Заключительный доклад ЮНЕСКО. - Париж, 1998
5. Вульфсон Е.Л. Глобализация и образование. // Известия Российской академии образования. 2005. №1.
6. Кольчугина М. Международная интеграция в сфере высшего образования. // МЭиМО. 2005. №11.
7. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. (http://www.edu.ru)
8. A Nation at Risk. The Imperative for Educational Reform. - Washington, 1983.
9. Lapointe A., Mead N., Philips G. A World of Differences: An International Assessment of Mathematics and Science. - Princeton, ITS/IAEP, 1989.
10. Learning: The Treasure Within. Report of the International Commission on Education for the XXI-st Century (http://www.ifap.ru)
11. Майбуров И.Глобализация сферы высшего образования. // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №3.
12. Приходько И.В., Чернова Н.В. Культурные основания и эффекты интеграции в образовательном пространстве Баренцева региона: Образование в контексте социальных инноваций: интеркультурный диалог северных стран. Сборник материалов международной научной конференции; Отв. ред. И.Р.Луговская. - Архангельск: Издательство Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова, 1999.
13. Публикация материалов по проблемам глобализации образования (http://mm.sotcom.ru/2-3/globobr.htm)
14. Рахманин В.С. Пять дилемм высшего образования. // Проблемы и перспективы интеграции высшей школы России в мировую систему образования и науки. Материалы международной научной конференции. Воронеж, 20-21 февраля 2001. Ч.1. - Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001.
15. Tucker J. Global Awareness Through Global Education. // Promising Practics in Global Education: A Handbook with Case Studies. Ed. by R.E.Freeman. №4, 1980.

16. Шевченко Е. Термины международного академического сотрудничества /электронный ресурс: http://www.prof.msu.ru/publ/omsk/49.htm
17. Фромент Э. Европейское пространство высшего образования: новые рамки развития. // Высшее образование в Европе. 2003. №1. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.w3.org/TR/REC-html40">4
18. Словарь иностранных слов. - Москва: Русский язык, 1989.
19. Longman Active Study Dictionary of English. New Edition. - Glasgow: Harper Collins Manufacturing. 1991.
20. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. 70000 слов и выражений. Изд. 14-е, стереотип. - Москва: Сов. энциклопедия, 1969.
21. http://www.russia.edu.ru/information/analit/official/3783

Поступила в редакцию
30 ноября 2010 года

FENOMENUL TRANSFORMĂRI DEMOCRATICE ÎNTRE MENTALITATE ŞI COMPORTAMENT (cazul Republicii Moldova)

Victor SACA
Republica Moldova, Chişinău, Iniversitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative, Catedra Ştiinţe Politice
Doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor

Actualmente, odată cu dominarea tendinţei de globalizare a ordinii democratice în lume, majoritatea statelor din spaţiul postcomunist, inclusiv Republica Moldova, şi-a ales şi realizează, fie şi divergent, prin aşa numitele "fluctuaţii", „turbulenţe" (ritmuri de ascensiune şi declin), calea dezvoltării democratice, a asimilării şi implementării unui nou sistem de valori ce vizează orientările întregii societăţi, a actorilor şi agenţilor acesteia, a oamenilor de rînd, modul lor de gândire şi comportament. Aici au loc transformări radicale, de natură democratică, în toate sferele vieţii sociale, mai întâi în cea politică, transformări care depind direct de mentalitatea şi comportamentul din societate, dar, totodată, care influenţează la fel de direct caracterul acestora, tendinţele lor de manifestare. Astfel de transformări, prin dubla semnificaţie ce le revin în procesul socio-politic (de a produce influenţă şi, totodată, de a fi deschise faţă de alte influenţe), prin adaptarea la exigenţele relaţiei sistemice input – output, sunt în cazul Republicii Moldova pe cât de complexe pe atât de contradictorii, pătrunse de multiple dezacorduri, abateri, paradoxuri.

Pentru a studia la justa valoare atare situaţie, e necesar un efort analitic special, inclusiv a răspunde, pe cât e de posibil, la două întrebări dificile: a) poate oare exista în condiţiile actuale o sinteză armonioasă între ceea ce numim transformarea democratică a societăţii moldoveneşti, pe de o parte, şi mentalitatea politică şi comportamentul politic, pe de altă parte?; b) cum de asigurat această sinteză, care sunt căile optime de juxtapunere şi funcţionare a variabilelor interconexe?. Desigur, în cazul unor abordări simpliste a acestor întrebări, mai mult, interpretării dorinţei actorilor politici drept realitate, răspunsul nu e deloc complicat. De bună seamă, în cei nouăsprezece ani de independenţă a ţării absoluta majoritate a elitei moldoveneşti a recunoscut drept oportună alegerea democratică a cursului de dezvoltare a noului stat, declarând nu o dată la nivel de retorică despre ataşamentul ei constant la acest curs. În asemenea caz, cu unele deosebiri neesenţiale, dar în mare măsură artificializate, au fost solidare faţă de valorile democratice şi guvernarea şi opoziţia, ambele forţe considerând că societatea moldovenească dispune de condiţii şi posibilităţi obiective pentru a realiza într-o perioadă relativ scurtă scopurile tranziţiei democratice.

Or, timpul a demonstrat că convingerea respectivă a politicenilor moldoveni a fost mai curând un tribut al modei adus cursului ales, întruchipând, totodată, o situaţie determinată de sindromul tipic al lor de a concepe dorinţa de însuşire a democraţiei drept realitate. Acel optimism populist de valorificare rapidă a obiectivelor şi aspiraţiilor democratice, alimentat de declaraţii de tipul "pentru a edifica democraţia e de ajuns doar să depăşeşti autoritarismul postsovietic", a adus prejudicii serioase procesului de democratizare a societăţii posttotalitare moldoveneşti, oferindu-i acestuia simplism şi lipsă de profunzime în conceperea lui de sens, dar şi ignorându-i particularităţile originale de ordin mental şi comportamental caracteristice spaţiului politic moldav.

În această ordine de idei, până la moment, cercetările savanţilor în domeniu au avut mai mult un caracter dispersat în raport cu semnificaţiile de ansamblu ale democraţiei, mentalităţii şi comportamentului. O asemenea abordare este frecventă atât în publicaţiile din Republica Moldova [6; 3; 7; 12], cât şi în cele de peste hotare [6; 3; 7; 12]. În cel mai bun caz problematica care ne preocupă este supusă analizei în mod tangenţial, odată cu elucidarea criteriilor tranziţiei democratice în contextul intereselor şi relaţiilior politice [9], sau este privită într-un mod limitat ca relaţie dintre democraţie şi mentalitate [5] sau dintre fenomenul conştiinţei politice şi tranziţia democratică [10]. Altfel spus, astăzi nu dispunem de lucrări fundamentale care să examineze fenomenele democraţie, mentalitate şi comportament ca un tot, axate pe complexitatea interferenţei şi interdependenţei acestora. De aici şi ne-am pomenit într-o situaţie teoretic, dar şi practic deficitară la capitolul democraţie ca valoare general umană între mentalitate şi comportament.

E binecunoscut, că fenomenul democraţie nu este ceva "pur", care ar exista şi ar influenţa viaţa socială în afara unor însuşiri şi calităţi psihice, unor atitudini şi acţiuni politice. De aceea, propunem unele sugestii la temă, care credem că vor fi binevenite şi utile pentru ştiinţa politică moldovenească, în particular, pentru cercetările ulterioare din cadrul câmpului teoretic al transformării democratice, la confluenţa acestuia cu teoria mentalităţii şi acţiunii politice.

În opinia noastră însăşi conceptul de "societate democratică " sau cel de "democratizare a societăţii" pot fi înţelese cu adevărat doar prin prisma sintezei valorilor fundamentale ale democraţiei, mentalităţii şi comportamentului. Atare trinom este imanent oricărui proces democratic tranzitoriu, oricăror transformări democratice, iar de aici, oricăror ţări în tranziţie spre democraţie. Anume din acest considerent astfel de ţări trebuie să-şi identifice calea sa de împletire armonioasă a ceea ce numim democraţie, mentalitate şi comportament. Asemenea cale, de la ţară la ţară, indiferent de condiţii, presupune eforturi şi transformări consecvente în vederea democratizării societăţii, reanimării mentalităţii şi modificării comportamentului.

Practica de până acum a Republicii Moldova confirmă, totuşi, lipsă de armonie, inconsecvenţă de eforturi a celor ce conduc şi celor conduşi şi, respectiv, de transformări democratice, fapt ce urmează îndeosebi din coliziunile mentalităţii şi comportamentului, din insuficienţa de reanimare şi modificare a lor. Problemele apărute în calea tranziţiei moldoveneşti ţin în primul rând de deficitul de atitudine democratică în sensul adevărat al termenului a noii elite politice faţă de transformările propriu zise, inclusiv transformări ale mentalităţii sale, ale comportamentului său, pe de o parte, şi de specularea frecventă cu noţiunile democraţie, democratizare, mentalitate democratică, comportament democratic (elita a utilizat aceste noţiuni mai mult în calitate de decor, oferindu-le în felul său semnificaţie de cult), pe de altă parte. În al doilea rând, atare atitudine a elitei guvernante, dar şi a opoziţiei se regăseşte în tendinţa de a ignora studierea raţional orientată, bine determinată a fenomenelor democraţie, mentalitate democratică, comportament democratic, a esenţei lor. Însuşirea şi valorificarea acestor fenomene, diferite ca esenţă şi structură, poartă preponderent un caracter spontan, iar de aici la fel de spontană este şi simbioza lor, ceea ce împiedică substanţial acumularea unui suport adecvat pentru sintetizare.

Desigur, lipsa de armonie între fenomenele în cauză rezultă nu doar din deficitul de voinţă şi abilitate a elitei şi a maselor în domeniul dat. Problema este mult mai complicată decât pare a fi în aparenţă, ea se regăseşte, de asemenea, în instabilitatea structurii, substanţei paradigmatice, mecanismului de impunere a fiecărui fenomen în parte, şi bineînţeles, în dificultatea de a cunoaşte în profunzime specificul lor în condiţiile societăţii în schimbare, de a percepe la justa valoare punctele lor de tangenţă şi, respectiv, de a le supune într-un mod acceptabil îmbinării. Asemenea situaţie poate fi calificată drept malefică în identificarea unei căi optime de sintetizare a trinomului democraţie, mentalitate, comportament sau de adaptare a unei paradigme a acestuia la normele celorlalte, de exemplu a transformărilor democratice la normele mentalităţii şi comportamentului şi invers, a modului de gândire şi acţiune la normele reformării democratice.

Dificultatea de a percepe şi sintetiza componentele subiectului cercetat se explică şi prin frecventa abordare tradiţional-deterministă, de cauză-efect, a lor în literatura de specialitate, abordare care, în virtutea capacităţilor sale limitate de a identifica fenomenele indeterministe, nu poate acoperi întreaga gamă analitică a acestui subiect, în special ceea ce ţine de procesele sale spontane. Doar practica atestă că atât transformarea democratică, cât şi mentalitatea sau comportamentul sunt pătrunse de capacităţi sinergetice, adică au tipul lor aparte de existenţă, un anumit grad de auto-suficienţă în afirmare şi manifestare, cea ce dovedeşte a fi necesară abordarea sinergetică.. În această împrejurare unii cercetători pe drept consideră că realizarea democraţiei nu presupune a ţine cont neapărat de parametrii-cheie ai mentalităţii (şi comportamentului – V.S), la fel cum şi

însuşirea de conţinut a acesteia nu înseamnă orientarea ei obligatorie spre valorile democraţiei [5]. Democratizarea, ca factor al inovaţiei şi dezvoltării dinamice, nu se conformă normelor fundamentale ale tradiţionalităţii care şi alcătuiesc temelia substanţei funcţionale a mentalităţii, dar şi a comportamentului. Acele transformări din câmpul democratizării, care au loc în statele postcomuniste, creiază o situaţie a societăţii când mentalitatea şi comportamentul se includ în mod automat în circuitul transformaţional. Totuşi, energetica tradiţiei de care dispune mentalitatea tranzitorie îi oferă acesteia unele posibilităţi de a apăra coloritul naţional al societăţii în curs de democratizare în faţa pericolelor inovaţionale, în special a influenţelor globalizării.

Fără îndoială, sinergetismul, autosuficienţa de sens a fiecărui element în parte a trinomului democraţie-mentalitate-compotament nu are caracter absolut, ci relativ, fapt ce nu exclude varianta sintezei lor, fie şi prin abateri, mişcări instabile, inconsistente, discordante. Aceasta necesită a identifica posibilităţi reale de conexare a elementelor în cauză, situaţie care până la moment, în Republica Moldova, lasă mult de dorit.

Specificul paradigmatic al trinomului gen moldovenesc este de natură paradoxală, când însăşi gradul de autosuficienţă a democratizării, mentalităţii şi comportamentului este redus, nu are destulă substanţă. Astfel, atunci când componentele trinomului dat nu au îndeajuns consistenţă valorică ele nu pot asigura o sinteză firească a lor. Deficitul de autosuficienţă a acestor componente provoacă în cazul Republicii Moldova două probleme principale, într-un fel, legate una de alta.

Unu, societatea este cuprinsă de un fragmentarism evident al mentalităţii şi comportamentului, cu manifestări divergente la diferite etape şi faze ale tranziţiei spre democraţie. În acest sens remarcăm o serie de tipuri de mentalitate şi comportament în raport cu fenomenul adaptării la condiţiile tranziţiei democratice [10, 148-149]:

a) tipul adaptantului reuşit, a căror vectori de mentalitate şi comportament relativ coincid. Acesta se distinge prin stabilitate şi fermitate la capitolul orientare valorică şi participare socială/politică;

b) tipul adaptantului nereuşit cu vectori (mentalitate şi comportament) mai mult sau mai puţin coincidenţi, dar care nu duc la stabilitate şi schimbarea în bine a situaţiei sociale;

c) tipul adaptantului silit (mentalitatea şi comportamentul de masă), care constituie majoritatea categoriilor sociale nevoite să se adapteze la condiţiile existente pentru a-şi realiza nevoile vitale;

d) tipul neadaptantului reuşit, a cărui vectori de mentalitate şi comportament coincid, însă ambii sunt cu semnificaţie negativă. Acest tip este destabilizator, pune în prim plan interesele sale înguste;

e) tipul neadaptantului nereuşit, care vizează masele nemulțumite de condițiile de adaptare. Acest tip cuprinde, de obicei, şi pe neadaptantul silit (păturile socialmente vulnerabile), lipsit de resurse sociale pentru adaptare.

Tipurile menționate demonstrează ponderea în societate a unor mentalități şi comportamente adaptive şi neadaptive, chiar diametral opuse, care reflectă procese active sau pasive de acomodare la cerințele reformării democratice. Aici observăm reacții atât pozitive a adaptanților reuşiți față de schimbările sociale, cât şi negative a unor adaptanți siliți şi neadaptanți, întruchipate în stresuri economice (şomaj, faliment), sociale (nemulțumiri de salarii şi pensii mizere, de politici sociale de supraviețuire), politice (devalorizarea scopurilor politice, neîncrederea față de partidele politice, liderii politici).

Doi, societatea se confruntă cu problema combinărilor spontane, de obicei slab conştientizată de către actori, în cadrul mentalității şi comportamentului a unor elemente opuse: liberal-democratice, pe de o parte, şi autoritare, pe de altă parte. Mai mult, asistăm şi la combinări artificiale de elemente incompatibile-democratice şi totalitare.

În virtutea acestor combinări nefireşti, opunerii de elemente mentale şi comportamentale, în cei nouăsprezece ani de existență a Republicii Moldova, urmărim un proces anevoios, desfăşurat prin ritmuri frânte, al transformărilor democratice. Acestea, fie că erau supuse urgentării, cu efecte nedorite pentru mase, de către cei de dreapta (îndeosebi de guvernările din prima jumătate a anilor 90), fie că erau tărăgănate de către cei de stânga, care se declarau de centru (guvernarea Partidului Democrat Agrar, anii 1994-1998), fie că au fost monopolizate şi supuse unor interese înguste de clan de către Partidul Comuniştilor, aflat la putere în anii 2001-2009. Deşi aceste forțe se deosebesc ca orientare politică, ele au mult comun în mentalitate, comportament şi respectiv în efectul transformărilor. Atât primii, cât şi cei de al doilea, şi de al treilea, venind la guvernare, se declarau reformatori înflăcărați, însă erau în fond subiecți ai mentalității vechi (în sens că subiecții ce împărtăşeau vestijiile trecutului se apucau să realizeze reforme noi), care acumulau din plin doar element al decorului democratic. Fiind purtători ai mentalității autoritare, cu unele nuanțe democratice, forțele sus-menționate au fost în mare măsură cu declarații democratice şi comportament antidemocratic. Drept rezultat, apăreau sinteze artificiale, deformate, în care democrația, mentalitatea şi comportamentul erau lipsite de coerență corelativă, de capacități de completare reciprocă.

Posibilitățile transformărilor democratice din socetatea moldovenească sunt condiționate nu doar de mentalitatea şi comportamentul elitei, ci şi de resursele societății în ansamblu, inclusiv de specficul mentalității masei. Aceasta, cu toate orientările sale spre democrație (preponderent spontane), favorizează în mod evident menținerea tradițiilor autoritare, lasă deschisă calea ierarhiei paternaliste. În asemenea condiții dacă elita, politicienii care realizează strategiile şi tacti-

cile transformărilor reprezintă poporul şi devin subiecți ai mentalității, atunci avem tot temeiul să credem că societatea în ansamblu este predispusă la percepția autoritarismului. De aceea, nu e de mirare când în cazul unei tranziții paralizante de tipul celei moldoveneşti, transformarea democratică şi valorificarea mentalității şi comportamentului sunt supuse unui amalgam neobişnuit de natură autoritar-democratică. Drept rezultat şi apare fenomenul mutație, numit în publicațiile politologice democrație autoritară [5], fapt ce generează şi caracterul mutant al transformărilor.

Fragmentarismul intens al mentalității şi comportamentului, amestecul ciudat în cadrul acestora a unor valori opuse (liberal-democratice şi autoritare), chiar incompatibile (democratice şi totalitare) a condus la consecințe grave pentru societatea moldovenească, în particular la apariția mai multor paradoxuri în cadrul transformărilor democratice [9, 56-57]. Astfel, în anii 90, la nivel de mentalitate şi comportament urmărim:

♦ paradoxul stihinic, care cuprinde partea predominantă a populației, în conştiința şi comportamentul căreia în cel mai straniu mod se acomodează susținerea transformărilor de piață şi, totodată, nesusținerea categorică şi condamnarea actorilor acestor transformări (bancherilor, antreprenorilor etc.;

♦ mentalitatea şi comportamentul paradoxal al "jefuitorilor", "hrăpăreților", adică a oligarhilor contemporani, diferitor combinatori, care consideră justificată uzurparea de către ei a bogățiilor naționale prin "grija" față de viitorul țării, a poporului;

♦ paradoxul "mutanților", care au împărtăşit timp îndelungat o concepție despre lume pentru ca în perioada de cotitură să se declare adepții unor idei şi convingeri diametral opuse. Mulți dintre aceştea nu doar au renunțat la concepția în care au crezut şi pe care au propagat-o, ci au supus-o unei critici aspre, despărțindu-se demonstrativ de biletul de partid;

♦ paradoxul "staierilor rătăcitori" (îndeosebi în rândul intelectualității), adică a migranților dintr-o mişcare în alta sau dintr-un partid în altul. Această migrație aproape întotdeauna este însoțită de schimbarea radicală a principiilor, întruchipând doar dorințele proprii ale "rătăcitorilor" şi nu aspirațiile poporului spre transformarea democratică (după cum se declară) în lupta pentru putere;

♦ paradoxul "simulanților", a cărui purtător este o mare parte a funcționarilor, nomenclaturiştilor din societatea postsovietică. Ei imită, simulează cu iscusință grija față de binele public, manifestându-se, pe de o parte, prin retorică, iar pe de altă parte, prin jefuirea fostei avuții populare;

♦ paradoxul diferitor genuri de "şovinism şi naționalism obişnuit". Purtătorii acestuia declară că susțin valorile general-umane, respectul față de alte popoare, însă în împrejurări concrete, nu rareori, manifestă intoleranță, chiar violență morală față de reprezentanții altor etnii;

♦ "noii desidenți", care în timpul regimului sovietic sau pronunțat împotriva diferitor aspecte ale politicii statului, iar în postcomunism cu aceaşi convingere se pronunță împotriva transformărilor radicale. Din această categorie au făcut parte mulți activişti ai primului val democratic – "democrații romantici", care cu timpul sau retras.

Această paletă a mentalității paradoxale şi comportamentului paradoxal întruchipează imaginea omului paradoxal, grupului paradoxal cu orientări şi convingeri paradoxale şi, desigur, cu capacități de transformare democratică la fel de paradoxale. Aici avem şi declarații democratice şi imitare a exercițiului democratic, şi standarde duble (a declara una şi a face alta) şi chiar triple (a gândi întrun fel, a declara alta şi a face altceva) în mentalitate şi comportament, fapt care se regăseşte în paradoxurile sus-menționate, caracteristice atât guvernărilor, cât şi opoziției de până acum. Însă aceste paradoxuri acoperă mai mult primele faze ale tranziției spre democrație. Pe parcurs ele sau mai modificat, acumulând noi trăsături, noi nuanțe. Totodată, în ultimii zece ani, îndeosebi odată cu venirea Partidului Comuniştilor la putere, suntem martorii cristalizării unor noi paradoxuri mentale şi comportamentale ale actorilor politici. Astfel, remarcăm:

➢ paradoxul "comportamentului politic nedeterminat", frecvent atunci când în competiția electorală actorul politic, indiferent de doctrina promovată şi de de locul ocupat pe eşichierul politic, îşi schimbă brusc orientările conform anumitor factori, fie de ordin extern sau intern. În acest context drept exemplu elocvent servesc imaginea şi declarațiile Partidului Comuniştilor din Republica Moldova şi a liderului acestuia, V.Voronin, în campania electorală din 2001, bazate pe mitul aderării Moldovei la Comunitatea Rusia - Belarusi, pentru ca în electorala-2005 orientările lor deja să se schimbe plenar prin prisma mitului aderării Moldovei la Uniunea Europeană;

➢ paradoxul "răzbunării şi răspunsului cu aceiaşi monedă", caracteristic, de obicei, actorilor puterii. În acest sens practica politică moldovenească atestă tendințe de răzbunare a tuturor guvernărilor de până acum (fie deschisă sau latentă) asupra oponenților, predecesorilor care au guvernat. Şi astăzi în comportamentul politicenilor, indiferent de orientare (de exemplu, V.Voronin sau M.Ghimpu), nu există prea multe deosebiri, ei se impun prin acelaşi mecanism al răzbunării, aceleaşi închideri de microfoane şi privare de exprimare, aceleaşi declarații supărătoare, folosind unul împotriva altuia metode de luptă ale adversarului.

➢ paradoxul "justificării propriilor incapacități de acțiune prin apelul la erorile guvernării precedente", tipic actorilor politici odată cu schimbarea puterii. Asemenea situație o remarcăm în 2001, când la putere accede Partidul Comuniştilor care înculpa opoziția democratică pentru starea deplorabilă a țării. Iar după alegerile parlamentare anticipate din iulie 2009 deja noua guvernare libe-

ral-democrată, constituită în Alianța pentru Integrare Europeană, își justifică slăbiciunile şi insuccesele prin "moştenirea" primită de la vechea guvernare.

- paradoxul "distrugerii valorice a ceea ce au făcut forțele anterioare la guvernare", când la nivel mental şi comportamental, în raportul dintre creare şi distrugere, continuitate şi discontinuitate se dă preferință distrugerii, discontinuității. Sindromul distrugerii a ceea ce este nou şi necesar pentru țară îl observăm îndeosebi în timpul guvernării comuniste care prin desființarea județelor şi revenirea la raioane a curmat procesul de modernizare a sistemului administrativ-teritorial al țării dictată de imperativele timpului.
- paradoxul "aşilor din mânecă". Acesta ține de încălcarea în procesul concurenței politice a limitelor jocului politic democratic, a cadrului legislativ. În Republica Moldova nu rareori urmărim acea situație paradoxală când se schimbă regulile jocului pe timpul jocului, fenomen prezent atât în timpul guvernării comuniste, care în campania electorală modifica legislația în ultima 100 de metri (pragul electoral, interzicerea blocurilor), cât şi a guvernării liberal-democrate, care a inițiat modificarea şi chiar schimbarea constituției pentru a evita alegerile anticipate.
- paradoxul "opoziția – actor nonpolitic", ce întruchipează tendința actorului puterii de a marginaliza şi ignora opoziția politică, fapt dovedit din plin de guvernarea comunistă. Deşi la început, după alegerile parlamentare din mai 2009, comportamentul ei față de opoziție era unul orientat spre formula "dialog-negociere-compromis", pe parcurs, odată cu eşuarea alegerii şefului statului, el revine la formula "ignorare-atac-eliminare" a opoziției. Unele tendințe asemănătoare le observăm şi între guvernarea liberal-democrată şi opoziția comunistă. E drept că aceasta din urmă, prin atacurile dure şi permanente asupra guvernării, apoi prin absența demonstrativă la şedințele Parlamentului, demonstrează o poziție destructivă față de orice efort al Alianței de a normaliza situația în țară.
- paradoxul "trădătorilor politici", care inițial se asocia cu "sindromul PPCD-ist" sau "sindromul Roşca" în cadrul forțelor democratice, iar în campania electorală din iulie 2009 cu comportamenul lui M.Lupu care a părăsit Partidul Comuniştilor în favoarea Partidului Democrat, apoi după alegeri, cu plecarea altor "trădători" din PCRM şi formarea Partidului Moldova Unită.
- paradoxul "locomotivelor de partid", atribuit mai ales Partidului Democrat, care în iulie 2009 a obținut o victorie tranşantă la alegeri datorită personalității lui M.Lupu sau Partidului Liberal, a cărui "locomotivă" este considerat D.Chirtoacă, primarul Chişinăului. Participând la alegeri în calitate de "locomotivă" şi obținând victorie D.Chirtoacă a renunțat la statutul de deputat păstrându-şi funcția de primar. Deci, paradoxul în cauză nu este altceva decât o consecință a caracterului personalizat al partidelor politice din Republica Moldova.
- paradoxul "negării alternanței la putere", axat pe tendințe de auto-suficiență în mentalitatea şi comportamentul clasei politice de a exercita puterea, pe

negarea imperativelor circuitului elitelor în sistemul democratic. Drept exemplu servesc eforturile Partidului Comuniştilor la alegerile parlamentare din mai 2009 de a obţine cu orice preţ a treia oară consecutiv victorie (inclusiv prin falsificarea votului) şi a-şi menţine statutul de forţă de guvernământ. Astfel, acest partid, prin declaraţiile liderilor săi cum că el este "unicul partid din Republica Moldova în stare să asigure progresul social" şi, respectiv, prin ambiţiile sale de a se menţine la guvernare, ignora funcţionarea de facto a mecanismului de exercitare periodică a puterii într-o societate care se vrea a fi democratică. Iar după pierderea alegerilor parlamentare anticipate din iulie 2009 liderul comuniştilor, V.Voronin, în ultimul său mesaj la guvernare sublinia, că odată cu plecarea Partidului Comuniştilor de la putere se "epuizează atmosfera creativă în ţară", se "blochează bunăstarea poporului".

Desigur, până la moment mulţi subiecţi ai transformărilor democratice din societatea moldovenească sau convins că imitarea democraţiei de către elita puterii şi de către opoziţie nu corespunde intereselor lor pragmatice. Însă o bună parte a societăţii a văzut în transformări un pericol pentru interesele personale şi pentru mentalitate. De aceea, pe ordinea de zi a apărut problema însuşirii democraţiei fără a deforma mentalitatea. Atare problemă a condus în cele din urmă la identificarea unei situaţii originale de adaptare a multor subiecţi sociali la noile condiţii: ei apelează la mentalitate în cazul când transformările democratice nu corespund intereselor lor şi se îmbracă în straie democratice atunci când e necesar de a se distanţa de indicaţiile mentalităţii. O asemenea situaţie şi favorizează manifestarea politicenilor mutanţi, dezvoltarea democraţiei autoritare. Deci, avem în vizor o sinteză neobişnuită: cea a pseudodemocraţiei şi pseudomentalităţii, care constituie cheia perceperii multor colizii a transformărilor din societate.

Paradoxurile mentalităţii şi comportamentului din societatea moldovenească au afectat mai mult sau mai puţin toate fenomenele legate de procesul transformărilor democratice. Printre aceste fenomene menţionăm îndeosebi problema identităţii social-politice. În cei noăsprezece ani de independenţă, cu concursul mentalităţii paradoxale şi comportamentuluui paradoxal, ne-am pomenit într-o criză a identităţii în sens larg: a ţării, a societăţii, a partidelor, a regiunilor, a diferitor segmente ale populaţiei. Or, cele mai anevoioase şi dureroase pentru Republica Moldova rămân a fi politizarea identităţii regionale şi supraregionalizarea identităţii politice, fenomene strâns legate între ele, axate în special pe existenţa enclavei transnistrene, numită republica moldovenească nistreană. Aceasta, deşi nu este recunoscută de iure de comunitatea internaţională, a acumulat în 20 de ani, cu sprijinul Federaţiei Ruse, toate atributele statale, consolidându-le în permanenţă, ceea cei permite să exite de facto.

Pornind de la realităţile actuale, descoperirea şi conştientizarea la un nivel adecvat a identităţii social-politice este problema cheie a procesului transforma-

țional. Astăzi, cu regret, fenomenul identității rămâne ostatic al jocurilor politice pe bază de mentalitate / comportament şi de transformare. Soarta acestui fenomen depinde mult de modul de gândire şi comportament al elitei politice, de depăşirea raporturilor extreme între mentalitatea politică şi comportamentul politic al acesteia.

Dat fiind că viața politicenilor şi a populației se întretaie şi sunt strâns legate, societatea formează acei politiceni pe care îi merită. În acest context politicenii moldoveni de până acum au crescut şi sau afirmat preponderent în baza mentalității (desigur, paradoxale) şi nu a transformărilor democratice, care se desfăşoară turbulent. Ei au recunoscut, după cum sa menționat deja, necesitatea democratizării şi apără în felul lor mentalitatea, se comportă în aşa fel de parcă cunosc bine normele democrației şi specificul mentalității noastre. Însă majoritatea din ei sunt în fond departe de a înțelege în profunzime esența trinomului “mentalitate-comportament-transformare”, preferând, totuşi, nu adaptarea la procesele complexe ale realității, ci la coliziunile spontane ale acesteia. În situația creată e problematică însuşirea adecvată, consecventă a valorilor democrației, a mentalității şi comportamentului care să corespundă acestor valori, să le susțină şi să le modernizeze. De aici şi vine criza identității social-politice, criza procesului de transformare.

Pentru a depăşi problemele ce blochează transformările democratice între mentalitate şi comportament sunt necesare o serie de măsuri:

- a conştientiza şi a trage învățăminte pozitive din abaterile şi paradoxurile democrației autoritare, bazată pe combinări artificiale, incoerente a mentalității / comportamentului vechi autoritar-totalitar şi obiectivelor transformării noi, democratice;
- a revela şi actualiza acele aspecte ale mentalității şi comportamentului care să diminueze şi să depăşească raporturile extreme între ele şi, respectiv, să contribuie la democratizarea societății;
- a elabora un model optim de sintetizare a democrației, mentalității şi comportamentului prin însuşirea competentă, mai întâi a mentalității, ca izvor al îndemnurilor spontane, pentru a îmbina în cadrul pretinsei sinteze raționalul şi spontanul, necesarul şi întâmplătorul, stabilitatea şi instabilitatea. Realizarea consecventă a transformărilor democratice necesită a ține cont de diversele dihotomii ale mentalității şi comportamentului, a asigura un raport optim între componentele lor.

Bibliografie

1. Boari M. Democrație şi tranziție. Paradoxurile democratizării în fostele țări socialiste. // POLIS. Nr.3, 1994
2. Гельман В.Я. Постсоветские трансформации. Наброски к теории. // ПОЛИС. №1, 2001

3. Gorincioi R. Rolul globalizării asupra transformărilor democratice din Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.1 (XXVIII). - Chişinău, 2005
4. Grugel J. Democratizarea. O întroducere critică. - Iaşi: Polirom, 2008
5. Гулиев Г.Г. Демократия и менталитет. // Южный Кавказ: региональный аналитический журнал. http://www.caucasusjournalists.net/ItemPrint.asp?id
6. Fruntaşu P., Rusnac Gh. Republica Moldova pe calea democratizării. – Chişinău, 1999
7. Marin I. Aspecte ale tranziției democratice est-europene. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.3 (XXVII). - Chişinău, 2004
8. Pop A. Tentația tranziției. O istorie a prăbuşirii comunismului în Europa de Est. - Bucureşti, 2002.
9. Saca V. Interese politice şi relații politice: dimensiuni tranzitorii. - Chişinău, 2001.
10. Saca V. Fenomenul conştiinței politice în condițiile tranziției spre democrație. // Cooperare regională şi integrare europeană în sud-estul Europei: studii de caz. - Chişinău, 2006.
11. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии. // ПОЛИС. №3, 1999
12. Vareaghin I. Al treilea val al democratizării: realități şi perspective. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.4 (XXXIV). - Chişinău, 2006.

Prezentat la redactie la
29 octombrie 2010

COMPARTIMENTUL
DIASPORA ŞTIINŢIFICĂ MOLDOVENEASCĂ

CIVIL SOCIETY IN THE DEVELOPMENT OF THE EASTERN PARTNERSHIP PROGRAM IN EASTERN PARTNER COUNTRIES.

Dumitru DRUMEA
France, Paris / London, ESCP, Master Programme in Business
MA in European Public Administration

Eastern Partnership Program supported by EU Commission, all member states and 6 countries from Eastern Europe – Armenia, Azerbaijan, Belorussia, Georgia, Moldova and Ukraine is aimed at the development of the civil society institutions, democracy and human rights towards convergence European standards for social and economic development in partner countries. Another objective of the program is also technical regulations in economic stability in the post communist countries facing with a number of problems in their day to day development. According the priorities of the civil society participation in the Eastern partnership program next objectives could be identified for involvement of the civil society institutions from partner countries:

1) *democracy*, europezation of the eastern countries looks as a main priority for development of social life. Involvement of the EU institutions in the post electoral events, which happened in Moldova in 2009, Ukraine, Azerbaijan, and actually in Belorussia showed that EU institutions are very interested in development of democratic approaches in the eastern region. In this context experience accumulated in Europe in creation of coalitions from different political parties presented in the Parlaments could be also used in the partner countries for overcoming of political crisis and contribute to the development of democratic institutions in the region.

2) *economics*, economical issues play a crucial role in the development of the civil society in the partner countries. Actual state of social and economic situation in the countries provokes big differentiation in the social structure. It causes a lot of tensions inside partner countries and civil society could be an important tool, which could contribute to the assuring of transparency in economic activities and social equity.

3) *energy and environment*. All eastern partnership countries recognise necessity in the development of alternative energy sources. Environmental concerns are also important in the development of the Eastern partners. As it

seems reasonable main concerns in the eastern regions are: capacities of the countries to implement EU environmental related Directives of EU, attraction of the best environmental practices from EU to the Eastern countries, limited capacities to develop "green economy" and low awareness of population in the eastern region to environmental concerns.

4) *people*. One of the key issues of the Eastern Partnership could be activities aimed at improvement of the contacts between people. This means that best practices in governance, farming, development of companies, active in different sectors of economy in EU countries could strongly contribute to the progress of eastern EU neighbours and create better conditions for "Europeanization" of societies close to the EU borders

Development of the civil society and in general of the contacts between people is complicated by a number of reasons. One of key issues here is visa regime for citizens from eastern countries in visiting of EU member states. According to the estimations made for last 3-5 years visa regulations and procedures became more friendly to people from eastern region and actually one could speak about its liberalization. At the same time further liberalization of visa issues with its further elimination is one of the objectives in the political agendas of many eastern partners.

This requires a support and willingness from EU member states and will contribute to the increasing of the impact of European policy on the development of democratic institutions in eastern countries and facilitate deepening of contacts between peoples in the regions bordering EU.

At the highest level participation of the partner countries in the Eastern Partnership means to be one part of a transformative process, helping theses states move towards European standards in all domains of social and economic life. At the same time, Eastern Partnership Program does not set an objective for EU membership of eastern countries for the time being. At the same time according to the article of the Lisbon Treaty any European democracy is eligible to apply for the membership in EU.

Several neighbour countries have already expressed their commitment to apply for such membership. This process is in line with their actual state policy and is a national priority. It is very clear that actual level of development of social and economic conditions, democracy etc puts eastern partner countries in different positions in the applying process and last events happened in a number of these countries showed great concerns in regard to preparedness of these societies to be part of the EU. Relying on civil society institutions in the Eastern partner countries as promoters of the idea for European integration of the societies might make the process a hostage of democratic shortcomings in certain eastern neighbour countries'.

There have been many studies and research activities aimed at estimation of the progress made by different countries in the European integration. Development of the civil societies in the eastern partner countries is the process of socialization of the societies even if EU membership of these countries is not on the stake. This process has to run and to be supported by EU members states for promotion of European values and norms in the eastern states. Eastern Partnership program launched by EU should contribute to the internal socialization in the eastern partner societies. Civil society in this context seems to be more flexible and receptive in comparison with official institutions and help them in adaptation to the European norms, rules and traditions in management of the socio-economic, environmental and democratic practices in partner countries. This could become a good point for evaluation of the transformation of the EU neighbour societies from authoritarian post-communist practices to the democratic values promoted by EU in this region.

From economic point of view official European structures deal with a lot of complicated issues in their activities with eastern partner states. One of main point is free trade, which is an objective in the agenda of a number eastern partner governments. The free access to the EU market could be a great support for development of eastern economies. At the same time for these countries fitting to the EU quality standards is a key problem in achieving of this objective. That is why one of the priorities for cooperation with EU in the frame of the eastern partnership is to “bring Europe” to all domains of economic activities. Actually this is main objective in Moldova, where central authorities invested a lot of efforts and resources in achieving of EU standards in main branches of national economy and especially in agriculture. This branch was especially damaged in vine and fruit wars in Russian market in the period of 2007-2010.

Eastern partner countries should adopt a big part of EU market regulation practices. Positive examples exist in Moldova. Great support of civil society in this country in the process of European integration is one of main tools and motivation for official authorities to implement these practices in all domains of social and economic life including negotiations on free trade with EU. Actually this process is rather transparent and citizens of the country are informed about the topic, content etc of relevant negotiations with EU

At the same time EU institutions also consider costs and advantages for the eastern partner countries of such cooperation and implementation of the EU norms in the eastern region space. In this context experience of new member states is an essential. A lot of officials from new EU countries visit neighbour states and declare theirs’ commitment in assistance based on their own experience in accession period. It is also necessary to mention that actual eastern partners were under much stronger impact of the communist

governance, then new EU members and need more time and efforts to overcome this heritage in traditions and actual social and economic practices. Civil society in this dimension has a good perspective in order to contribute to the developing of mentality of people towards free and non ideological modalities in the evaluation of the progress, which could be made in the eastern region in the frame of the eastern Partnership Program of EU.

The vast range of the civil society institutions in the eastern partners makes process of their involvement in moving to the implementation of the provisions of the Eastern Partnership Program. It makes difficult in achieving of operational procedures on national and regional level, implementation of recommendations developed on different forums including joint events with EU partners. Actually it is quite visible that civil society activities in the region should be coordinated and some structures on national and regional levels, which could deal with this issue are necessary. The modalities of establishing of new rules and practices of cooperation among civil society institutions are an issue to be discussed on different forums and meetings. It will contribute to achieve more significant output of civil societies respond to the challenges existed the eastern partner countries in main domains of social and economic life.

On the base of mentioned one could make several proposals for development of civil society institutions in the frame of the EU eastern partnership program in the eastern region:

1. To develop strategy for involvement of the civil society institutions. This strategy should cover all main domains of the social and economic development in the partner countries. Special attention in the development of this document should be given to the evaluation of new EU members experience in accession to EU and identification of issues, which are the most important for the forthcoming period (2011-2015).

2. Eastern partners should have a clear ideas on theirs' EU integration (membership) perspective and road maps for this process. As a priority should be a road map for liberalization and further elimination of visa regime, which will facilitate exchange on the level people to people and as a consequence attraction of best management practices to the non-EU eastern space.

3. An overall strengthening of the mandate of the civil society from EU and Eastern partner countries could facilitate the process of policy development in different domains of social life in the eastern region, linking the objectives of the post communist transformation of societies in the partner countries towards European values and norms.

4. Civil society in the eastern partners should develop a monitoring strategy on implementation of the objectives of the Eastern Partnership Program in the eastern region, develop indicators for evaluation of the results obtained in this

domain and create national networks for reporting of these results to the population.

Civil society contribution to the implementation of the provisions of the EU Eastern Partnership Program could be extremely valuable and contribute to the social and economic agenda of the eastern partner countries. It is important to concentrate on the content of local political activities performed on the national level and to contribute to its development through public actions and initiatives aimed at "Europeanization" of the societies neighbouring EU.

Bibliography:

1. EU-Moldova Action Plan. - Chisinau, 2005.
2. Gheorghiu V. Relațiile politice dintre Republica Moldova şi Uniunea Europeană. - Chişinău, 2007.
3. Cenuşa D. Consolidarea societății civile din Republica Moldova. – Chişinău, 2007.
4. European Strategy of the Republic of Moldova. - Chişinău, 2007.
5. Decree on the Establishment of a National Commission for European Integration, nr.957-III of the 13-th of November 2002. // Monitorul oficial al Republicii Moldova", nr.151-153, 14-th of November 2002.
6. Gheorghiu V. Strategia europeană a Republicii Moldova. http://www.ipp.md/publications/EurStratMold.doc, January 2004.
7. http://www.ipp.md
8. http://www.e-democracy.md
9. Proposed Action Plan EU – Moldova. http: // europa. eu.int /comm / world /enp/pdf/action_plans/Proposed_Action_Plan_EU-Moldova.pdf
10. Proposal for a „Regulation of the European Parliament and of the Council laying down general provisions establishing a European Neighbourhood and Partnership Instrument". - Brussels, 29.9.2004 COM (2004) 628 final, http: //europa. eu.int / comm / world / enp/pdf/getdoc_en.pdf
11. Barbarosie A., Barbarosie C. EU-Moldova Actions Plan and the Economic Growth and Poverty Reduction Strategy Paper: Comparative analysis. – Chisinau, 2005.

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (LII), 2011

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 10.03.2011. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Tirajul 50 ex.